

Андрей Сахаров и защита прав человека

COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS

Комиссар по правам человека

Publishing

Editions

COUNCIL OF EUROPE CONSEIL DE L'EUROPE

Андрей Сахаров и защита прав человека

Выраженные в данной работе взгляды и мнения необязательно отражают официальную политику Совета Европы. Ответственность за них целиком лежит на их авторах.

Все права защищены. Воспроизведение и распространение всей книги или любой ее части в любой форме и любыми средствами, электронными (CD-ROM, Интернет и т.п.) или механическими, включая фотокопирование, запись на любой носитель информации или систему воспроизведения, запрещается без письменного разрешения Отдела публикаций и Директората по вопросам коммуникации и исследований Совета Европы (F-67075 Strasbourg Cedex или publishing@coe.int), и владельцев авторских прав.

Эта книга была выпущена благодаря щедрой финансовой поддержке *Zennström Philanthropies*

Фото на обложке: Сахаров на общем собрании Академии наук, Москва, 27 декабря 1988 г. © Л.Шерстенников 1988 г.

Фото на задней странице обложки: Сахаров за работой дома, Москва, зима 1987. © Юрий Рост, 1987 г.

Оформление обложки и Макет: Издательский отдел Совета Европы (Documents and Publications Production Department – SPDP)

Издательство Совета Европы (Council of Europe Publishing)

F-67075 Strasbourg Cedex

<http://book.coe.int>

ISBN 978-92-871-7034-7

© Council of Europe, May 2011

Отпечатано в Совете Европы

Содержание

Благодарность	6
Предисловие	7
От редактора	9
Введение	11
Презентационная речь на церемонии вручения Нобелевской премии мира	11
I. Автобиография	21
Сахаров о себе	21
Горьковская ссылка	27
Возвращение в Москву	31
II. Мировоззрение и взгляды Андрея Сахарова	37
Введение к книге «О стране и мире»	37
«Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»	40
Послесловие к «Памятной записке»	51
Интервью Улле Стенхольму	56
Нобелевская лекция «Мир, прогресс, права человека»	60
Открытое письмо президенту Академии наук СССР	64
Опасность термоядерной войны	69
Неизбежность перестройки	70
Речь при закрытии 1-го съезда народных депутатов	84

III. Правозащитная деятельность	89
Ответственность ученых	90
Восточная Европа	95
Правозащитное движение в СССР	98
«Хроника текущих событий»	101
Инициативная группа по защите прав человека	104
Московский комитет прав человека	106
Общество «Мемориал»	113
Обращения и действия	115
Реабилитация Сталина	116
Узники совести и политические заключенные	118
Политические процессы и верховенство права	125
Отмена смертной казни	134
Защита окружающей среды	139
Международная ответственность за соблюдение прав человека	144
IV. Посвящается Сахарову	149
Сергей Ковалев. А. Д. Сахаров: Ответственность перед разумом	149
Валентин Турчин. Памяти Андрея Дмитриевича Сахарова	158
Валерий Чалидзе. Андрей Сахаров и русская интеллигенция	163
Павел Литвинов. В поисках диалога	168
Юрий Орлов	176

Интервью Президента М.С. Горбачева	180
Президент Борис Ельцин	188
Президент Дмитрий Медведев	188
Ефрем Янкелевич. Альтернативы Сахарова	189
Вацлав Гавел. Предисловие к Собранию сочинений Андрея Сахарова	196
Адам Михник. Сахаров: Взгляд из Польши	199
Томас Хаммарберг. Актуальность примера Сахарова и уроки для правозащитников в современном мире	205

Приложение 1

Андрей Сахаров: Летопись жизни	213
--------------------------------------	-----

Приложение 2

Библиография	223
--------------------	-----

Благодарность

Комиссар по правам человека хотел бы поблагодарить Елену Боннэр, Валерия Чалидзе, Вацлава Гавела, Эдварда Клайна, Сергея Ковалева, Адама Михника, Юрия Орлова, Юрия Роста, Таню Турчину, «Рэндом Хаус Инк.», Нобелевский фонд и «Время» за их разрешение использовать тексты в данной книге.

Комиссар по правам человека благодарит также архив Сахарова, Елену Боннэр, ИТАР-ТАСС, Павла Литвинова, Юрия Роста, Льва Шерстенникова, Хендрика Смита, Ричарда Соболя, Радия Цимерина и Игоря Зарембо за разрешение использовать фотографии, включенные в эту книгу.

Предисловие

Авторитарные правители стремятся не допустить никакой критики. Им нужно молчание. Чтобы встать на защиту прав человека, нужно нарушить молчание и предать гласности факты как они есть. Даже в самых репрессивных обществах находятся люди, сопротивляющиеся несправедливости и критикующие свое общество, не поступаясь принципами, зачастую выступая наперекор господствующему духу своего времени и платя за это дорогую цену – и вселяя тем самым мужество в других. Таким человеком был Андрей Дмитриевич Сахаров – выдающийся российский физик, лауреат Нобелевской премии мира, один из величайших борцов за права человека, какого знало наше время.

Цель этой книги – запечатлеть значение Андрея Сахарова для сегодняшней Европы. Разумеется, обстоятельства, в которых жил Сахаров, сильно отличаются от теперешних: вторая мировая война и последовавшая за ней «холодная война»; мир, разделенный на Восток и Запад, где соперничающие державы причиняли неисчислимые страдания людям по всему миру, а идеологические конфликты рождали особые представления о правах человека, имевшие мало общего с первоначальным духом и смыслом этой идеи.

Сахаров сознавал глубочайшее значение прав человека и их ключевую роль для поддержания на Земле мира и справедливости. Многие изменилось за два десятилетия, прошедшие со дня его смерти. Но множество проблем, с которыми боролся Сахаров, стоят и сегодня: ни перед кем не ответственные режимы и институты; политически мотивированные судебные процессы; бесчеловечные условия содержания в тюрьмах; сохранение смертной казни; жесткие ограничения свободы объединения и собраний; отказ людям в свободе выражения мнений и в возможности свободно обмениваться информацией и идеями. И подавление тех, кто осмеливается возвысить свой голос.

Мы старались подобрать те тексты, которые до сих пор сохраняют актуальность, и упорядочить их таким образом, чтобы они составили единое внутренне связанное целое. Введением и к теме Сахарова, и к книге служит презентационная речь, прочитанная в декабре 1975 года в Осло на церемонии вручения Нобелевской премии мира. За ней следует автобиографический раздел. Задача последующих разделов – осветить с помощью сахаровских текстов его взгляды, идеи и действия, направленные на защиту прав человека. Комментарии сведены к минимуму: мы хотели, чтобы Сахаров сам говорил за себя своими собственными словами. Заканчивается книга рядом посвященных Сахарову материалов. Они помогают нам глубже понять этого замечательного человека, его мужество, его усилия построить более гуманный, более мирный мир.

В заключение я хочу поблагодарить Марго Пикен, взявшую на себя редактирование этой книги; Эдварда Клайна, президента Фонда Андрея Сахарова в США, за его многочисленные консультации в процессе работы. Я благодарю также Елену Боннэр за предоставленные ею материалы, автором которых был ее муж, копирайт которых принадлежит ей, а также сотрудников Архива Сахарова (Бэлу Хасановну Коваль, заведующую Архивом; Екатерину Юрьевну Шиханович, сотрудника Архива и библиографа Елену Савельеву), Музей Сахарова в Москве и в особенности Леонида Резниченко, готовившего русское издание книги.

Томас Хаммарберг

Комиссар Совета Европы по правам человека

От редактора

Текст на русском языке идентичен англоязычному изданию книги, при этом были сделаны все усилия, чтобы найти и использовать оригинальный текст документов на русском языке для русскоязычного издания. Леонид Резниченко сделал перевод англоязычного текста и других материалов, в том числе некоторых частей, которые потребовалось перевести обратно на русский язык.

Марго Пикен

Однажды меня спросили, легко ли это – жить с гением. Вопрос был для меня неожиданным. Я просто любила Андрея Сахарова, хотя, разумеется, понимала, что была спутницей человека необычайного интеллектуального мужества, доброго и честного, человека с твердыми и безошибочными моральными суждениями, живущего в полном соответствии с ними.

Елена (Люся) Боннэр¹

Введение

Презентационная речь г-жи Осе Лионес, председателя Нобелевского комитета норвежского Стортинга²

Ваше величество, ваши королевские высочества, дамы и господа!

Нобелевский комитет Парламента Норвегии (Стортинга) присудил Нобелевскую премию мира 1975 года Андрею Дмитриевичу Сахарову.

В завещании, написанном А. Нобелем незадолго до смерти в 1996 году, он указал, что Премию мира следует присуждать лицу, «которое принесло наибольшее благо человечеству и сделало больше всех во имя братства между народами, для роспуска или сокращения действующих армий и проведения и пропаганды конгрессов в поддержку мира».

Как и можно было ожидать, с годами толкование этого условия менялось вместе с отношением к самой идее международного мира.

Это легко проследить по списку имен лауреатов за последние 74 года. Среди них поборники принципов международного права; борцы за торжество социальной справедливости, как Леон Жуо; выдающиеся

1. *Time*, November 13, 2006. Текст дается в обратном переводе с английского.

2. Выступление дается в переводе с английского по тексту, опубликованному в: *Les Prix Nobel en 1975*. Стокгольм. 1976. © Нобелевский фонд 1975.

гуманисты, как Альберт Швейцер; видные деятели движения в защиту мира, как Берта фон Зутнер и Карл фон Осецкий; выдающиеся защитники прав человека, как Рене Кассен, Мартин Лютер Кинг и Альберт Лутули.

С самого начала решения Комитета нередко вызывали споры и навлекали на себя критику. Это, однако, вовсе не значит, что они были ошибочными. Нобелевский комитет – независимый орган. Он не зависит ни от каких государственных властей, партий, групп или лиц. В своих решениях он руководствуется исключительно указаниями и намерениями, выраженными в завещании Альфреда Нобеля. Позволить, чтобы на решения Комитета как-то влияли чьи-то требования, проявить оппортунизм – означало бы непростительно пренебречь своим долгом.

В этом году Нобелевский комитет присудил Премию мира одному из самых выдающихся в нашем столетии борцов за права человека. Обосновывая свой выбор, Комитет отметил, среди прочего:

«Бесстрашная поддержка Сахаровым фундаментальных принципов мира между людьми стала могучим вдохновляющим примером для всех подлинных борцов за мир. Он бескомпромиссно и неослабно борется со злоупотреблением властью и любыми формами унижения человеческого достоинства. Столь же мужественно борется он и за идею правления, основанного на принципах верховенства права. Сахаров убедительно подчеркивает, что соблюдение неотъемлемых прав человека – единственная надежная основа для подлинного и прочного международного сотрудничества. Тем самым он в трудных условиях действенно способствовал уважению ценностей, вдохновляющих всех подлинных сторонников мира.»

Когда с 1940 по 1945 год бушевала великая война, нам не раз говорили: ее ведут ради того, чтобы гарантировать будущим поколениям соблюдение прав человека. Те, кто сражались за этот благородный идеал, и

миллионы и миллионы тех, кто отдал за него жизнь, одержали победу на поле боя. Но их великая цель – прочное торжество человеческого достоинства – так и не была достигнута.

В послевоенные годы Организация Объединенных Наций без усталости и со всей энергией работала над выработкой Всеобщей Декларации прав человека и двух пактов об основных правах человека и добивалась повсеместного принятия и признания этих документов. Она делала это в убеждении, что данные права и свободы абсолютно необходимы для поддержания прочного мира на Земле. Это убеждение разделяют большинство стран.

И все же сегодня, несмотря на все жертвы и усилия, в любой части мира миллионы людей лишены самых основных прав человека. Более того, в некоторых регионах люди, прежде пользовавшиеся этими правами, с окончанием войны их лишились.

Это хорошо понимал Рене Кассен, главный идеолог Всеобщей Декларации прав человека и лауреат Нобелевской премии мира 1968 года. Он так оценивал нынешнюю ситуацию:

«Всеобщая Декларация задала нам идеал, к которому следует стремиться, и принципы, которыми следует руководствоваться в наших действиях. Но достаточно одного взгляда на окружающий нас мир, чтобы понять, что нам предстоит еще долгий путь к этому идеалу. Ни одна страна в мире, даже самая передовая, не может похвастаться, что исполнила требования всех статей Декларации. Мы встречаемся с нарушениями права на жизнь. Убийства, в том числе и случаи массовой резни, могут оставаться безнаказанными. Женщин подвергают эксплуатации, во многих регионах мира люди голодают, свободой совести и свободой слова пренебрегают. Широко распространена расовая дискриминация. Все это слишком распространенное зло, чтобы можно было не обращать на него внимания.»

Однако эта трагическая ситуация – не повод опускать руки. Напротив, для всех, кто чувствует социальную ответственность, независимо от государственных границ, это – вызов, побуждающий энергичнее бороться ради того, чтобы в мире утвердилось уважение к человеческому достоинству, и теснее сплотиться вокруг мужественных людей, не желающих склонять шею под ярмо.

Лауреат премии этого года, Андрей Сахаров, родился в Москве в 1921 году. Он изучал физику в Московском университете и уже в самой ранней молодости привлек к себе внимание, опубликовав ряд научных статей.

С 1948 по 1968 год Сахаров работал в секретном институте ядерных исследований в команде ученых, занятых созданием ядерного оружия. Сам Сахаров подчеркивает, что его собственная работа в этой группе не была связана исключительно с военными задачами, но была направлена и на использование мощи атома для других целей, в том числе для развития промышленности и производства энергии.

Хотя в 1949 году Советский Союз создал, как и Соединенные Штаты, свою атомную бомбу, Соединенные Штаты сильно опережали СССР в области ядерной технологии. Сахаров считал, что в интересах мира этот разрыв необходимо сократить, дабы установившееся в результате равенство в гонке вооружений удерживало обе стороны от развязывания войны.

В исключительно молодом возрасте, в 32 года, Сахаров был избран членом российской Академии Наук – он был самым молодым ее членом. За свою научную работу на благо страны он был дважды награжден Орденом Ленина, один раз получил Сталинскую премию и трижды удостоивался звания Героя Социалистического Труда.

Однако в 1968 году и его положение, и его жизнь круто изменились. Его лишили его научного поста и перевели на работу в Институт физики

Академии наук. Эта перемена была прямым следствием его образа мыслей. В книге *Sakharov Speaks* («Сахаров говорит») он рассказывает об этом:

«Начиная с 1957 года (не без влияния заявлений, с которыми выступали по всему миру такие люди, как Альберт Швейцер, Лайнус Полинг и другие) я почувствовал, что несу ответственность за проблему радиоактивного загрязнения от ядерных взрывов.»

Сахаров не делал секрета из этих своих выводов. Напротив, он открыто обращался к властям с письмами, излагая свое мнение о сложившейся ситуации. Он надеялся, что это послужит основой для свободного и откровенного обмена мнениями по данной проблеме. Но его ждало глубокое разочарование.

Тем не менее, в одном важном отношении выступления Сахарова, по его собственному мнению, привели к определенным результатам. Это выразилось в подписании в 1963 году Соединенными Штатами и Советским Союзом Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

В 1967 году Сахаров опубликовал свои знаменитые «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Сахаровские «Размышления» основываются не только на положении дел в его родной стране: они написаны с глобальных позиций и представляют собой самый серьезный призыв к миру, адресованный ответственным людям во всех странах.

Главная проблема, рассматриваемая в «Размышлениях», – это угроза полного уничтожения нашей цивилизации в результате ядерной войны. Он утверждает, что избежать этой опасности можно лишь путем всемирного сотрудничества, преодолевающего все национальные и идеологические границы.

В этой связи его особенно заботят контакты между США и Советским Союзом. Он уверен, что две эти сверхдержавы вполне могут мирно сосуществовать, если произойдет определенная конвергенция их политических систем. По твердому убеждению Сахарова, это – единственная альтернатива ядерной войне, которую он характеризует как коллективное самоубийство.

Что касается возможного вклада его собственной страны в этот процесс конвергенции, то здесь он подчеркивает необходимость таких реформ, как демократизация, де бюрократизация, демилитаризация, общественный и научный прогресс. В тесном сотрудничестве двух сверхдержав Сахаров усматривает и возможность выработать конструктивный общий подход к проблемам нехватки продовольствия в мире, перенаселения и загрязнения окружающей среды.

По его мнению, масштабная программа помощи могла бы заложить прочное основание гармоничного социального и экономического развития третьего мира. Затраты промышленно развитых стран на такую помощь, по мнению Сахарова, окупятся возможностью тратить меньше средств на вооружения.

Как все мы знаем, это идеи, которые с тех пор уже не раз обсуждались в ООН. Философия, на которой основываются эти аргументы, воплотилась, в числе прочего, в призыве, с которым Организация выступила в 1970 году. Тогда она призвала богатые страны выделить один процент своего валового национального продукта на цели помощи развивающимся странам.

«Размышления» Сахарова, вызвавшие оживленный интерес в разных частях мира, были первой опубликованной работой, в которой он в целостном виде изложил свои взгляды на условия, создающие возможность для разрядки международной напряженности и для интеллектуальной свободы. В своих последующих публикациях, таких как

сборник «Sakharov Speaks» («Сахаров говорит») и «My Country and the World» («О стране и мире») его взгляд на многие проблемы, рассматривавшиеся в «Размышлениях», претерпел изменения. Сам он объясняет это драматическими событиями и переменами в международной жизни в последние годы, разговорами со многими людьми у себя в стране и с людьми из-за рубежа и новым личным опытом. Предмет его размышлений – не мечты о будущем, а те опасности, которые сегодня грозят встать между мечтой и реальностью.

Оценивая идеи, высказанные в «Размышлениях», сам Сахаров подчеркивает, что в то время он еще жил в изолированной и в высшей степени привилегированной научной среде. В одном из интервью он отмечал:

«Жизнь моя сложилась так, что я сначала столкнулся с глобальными проблемами, а потом уже с более конкретными, личными, человеческими. Поэтому читая мою работу 1968 года, надо учитывать путь, пройденный мною от работы над термоядерным оружием, от волнения по поводу его испытаний, по поводу гибели людей, генетических последствий. Но я находился в этот момент еще очень далеко от основных проблем, стоящих перед всем народом и всей страной.»

Именно знакомство с повседневной жизнью людей и беспокойство о них заставило Сахарова посвятить жизнь борьбе за решение тех проблем, которые он откровенно описывал в своих письмах властям с призывами к реформам.

Стремление ознакомить со своими предложениями широкую общественность побудило Сахарова в 1970 году войти вместе со своими друзьями и коллегами в число членов-учредителей Московского комитета прав человека. Целью Комитета была деятельность, в рамках законодательства, по осуществлению конструктивных реформ, способствующих соблюдению прав человека, в соответствии с принципами, изложенными в принятой ООН в 1948 году Декларации прав человека.

В числе целей, которых необходимо добиваться, Сахаров неизменно называл ликвидацию практики закрытых судебных процессов; принятие нового закона о печати, гарантирующего доступ общественности ко всей имеющейся информации; реформу системы мест заключения; амнистию для политических заключенных; отмену смертной казни; открытие границ и запрет использовать психиатрические учреждения в политических целях.

Сахаров должен был испытать немалое удовлетворение, когда высказанные им идеи о необходимых условиях мира и разрядки нашли отклик в формулировках Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного 35 государствами 1 августа этого года в Хельсинки.

В VII разделе Декларации принципов Заключительного Акта провозглашается:

«Государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, для всех, без различия расы, пола, языка и религии.»

И далее: «Они будут поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития.»

Тот факт, что ведущие государства мира сочли необходимым в этом документе провозгласить права человека необходимым фактором международной разрядки, был поистине историческим событием. Теперь ни одно государство, ни один политический деятель уже не сможет отрицать или обходить обусловленные этой статьей моральные и политические обязательства, опираясь на формально-юридические

аргументы, излагаемых в терминах международного права. Теперь это означало бы предать человечество и международный мир.

Андрей Дмитриевич Сахаров доказал, что он готов нести свою долю этой ноши.

Говоря словами Нобелевского комитета, «громадный вклад Андрея Сахарова в дело мира состоит в том, что он в труднейших условиях, проявляя величайшее самопожертвование, самым действенным образом боролся за утверждение тех ценностей, которые провозглашает своей целью Хельсинкский Акт».

Конечной целью борьбы Сахарова за права человека, за разоружение, за сотрудничество между всеми странами и народами является международный мир. Присуждая ему Нобелевскую премию мира 1975 года, мы здесь сегодня отдаем дань признания и уважения его усилиям улучшить участь людей во всех странах.

Нобелевский комитет глубоко сожалеет, что Андрею Сахарову не позволили быть сегодня с нами и получить премию мира лично. Эту участь он разделил еще с одним человеком, удостоенным Премии мира 40 лет тому назад в 1935 году. Его звали Карл фон Осецкий.

На титульном листе прославленных «Размышлений» Сахарова 1968 года в качестве эпиграфа стоят слова Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!

Андрей Дмитриевич Сахаров в полной мере исполнил требование Гете к тому, кто достоин и свободы, и жизни.

I. Автобиография

В предисловии к опубликованным в 1990 г. «Воспоминаниям» Сахаров поясняет, что взялся за их написание потому, что автобиографические повествования – это важная часть памяти человечества. К тому же ему хотелось покончить с недоразумениями: слишком многое из того, что было написано о его жизни, обстоятельствах, его близких, было неправдой.

Круг людей, которым могут быть интересны мои воспоминания, достаточно широк в силу необычайных обстоятельств моей судьбы, в которой последовательно сменились столь разные периоды, как работа на военном заводе, научно-исследовательская работа по теоретической физике, 20 лет участия в разработке термоядерного оружия в секретном городе («объекте»), участие в исследованиях в области управляемой термоядерной реакции, общественные выступления, участие в защите прав человека, преследования властями меня и моих близких, высылка в Горький и изоляция (и возвращение в Москву в период «перестройки»)³

Судьба моя была в каком-то смысле исключительной. Не из ложной скромности, а из желания быть точным замечу, что судьба моя оказалась крупнее, чем моя личность. Я лишь старался быть на уровне собственной судьбы⁴.

Сахаров о себе

Свою «автобиографию» Сахаров написал в марте 1981 г. в горьковской ссылке.

Я родился 21 мая 1921 г. в Москве. Мой отец – известный преподаватель физики, автор учебников, задачника и научно-популярных книг.

3. Сахаров А.Д. *Собрание сочинений. Воспоминания*. М. Время, 2006. (Далее – *Воспоминания*). Т. 1. С. 10. Впервые опубликовано в Нью-Йорке в издательстве Хроника-пресс. 1978. © Елена Боннэр.

4. Интервью газете *Молодежь Эстонии*, 1988 // Андрей Сахаров. *Собрание сочинений. Тревога и надежда. Статьи, письма, воспоминания, интервью*. М. Время, 2006. (Далее – *Тревога и надежда*). Т. 2. С. 230-231.

Мое детство прошло в большой коммунальной квартире, где, впрочем, большинство комнат занимали семьи наших родственников и лишь часть – посторонние. В доме сохранялся традиционный дух большой крепкой семьи – постоянное деятельное трудолюбие и уважение к трудовому умению, взаимная семейная поддержка, любовь к литературе и науке. Мой отец хорошо играл на рояле, чаще Шопена, Грига, Бетховена, Скрябина. В годы гражданской войны он зарабатывал на жизнь, играя в немом кино. Душой семьи, как я это с благодарностью ощущаю, была моя бабушка Мария Петровна, скончавшаяся перед войной в возрасте 79 лет. Для меня влияние семьи было особенно большим, так как я первую часть школьных лет учился дома, да и потом с очень большим трудом сходил с сверстниками.

Я с отличием окончил школу в 1938 году и тогда же поступил на физический факультет Московского университета. Окончил его тоже с отличием уже во время войны, в 1942 году, в эвакуации, в Ашхабаде. Летом и осенью 1942 года несколько недель жил в Коврове, куда первоначально был направлен на работу по окончании университета, затем работал на лесозаготовках в глухой сельской местности под Мелекесом. С этими днями связаны мои первые, самые острые впечатления о жизни рабочих и крестьян в то трудное время. В сентябре 1942 года направлен на большой военный завод на Волге, где работал инженером-изобретателем до 1945 года. На заводе стал автором ряда изобретений в области контроля продукции (в университете я не сумел включиться в активную научную работу). В 1944 году, работая на заводе, я написал несколько статей по теоретической физике и направил их в Москву на отзыв. Эти первые работы никогда не были опубликованы, но они дали мне то чувство уверенности в своих силах, которое так необходимо каждому научному работнику.

С 1945 года я – аспирант Физического института АН СССР им. Лебедева. Мой руководитель, имевший на меня большое влияние, – крупнейший физик-теоретик Игорь Евгеньевич Тамм, впоследствии академик

и лауреат Нобелевской премии по физике. В 1948 году – включен в научно-исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия. Руководителем группы был И. Е. Тамм. Последующие двадцать лет – непрерывная работа в условиях сверхсекретности и сверхнапряжения сначала в Москве, затем в специальном научно-исследовательском секретном центре [Арзамас – 16 неподалеку от Горького]. Все мы тогда были убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире и увлечены ее грандиозностью.

В 1950 году я вместе с Игорем Евгеньевичем Таммом стал одним из инициаторов работ по исследованию управляемой термоядерной реакции. Нами предложен принцип магнитной термоизоляции плазмы. Я предложил также в качестве ближайшей технической цели использование термоядерного реактора для производства делящихся ядерных материалов (ядерного горючего для атомных электростанций). Сейчас работы по управляемой термоядерной реакции получили очень большое развитие во всем мире. Наиболее близко к нашим первоначальным идеям приближается система «токамак», усиленно изучаемая в лабораториях многих стран. В 1952 году по моей инициативе начаты экспериментальные работы по созданию взрыво-магнитных генераторов (устройств, в которых энергия взрыва химической или ядерной реакции переходит в энергию магнитного поля). В 1964 году в ходе этих работ достигнуто рекордное магнитное поле –25 млн. гаусс.

В 1953 году я был избран академиком Академии наук СССР [это входило в число наград за вклад А.Д.Сахарова в создание первой советской термоядерной бомбы, испытанной 12 августа 1953 г.]

В 1953-1968 годах мои общественно-политические взгляды претерпели большую эволюцию. В частности, уже в 1953–1962 годах участие в разработке термоядерного оружия, в подготовке и осуществлении термоядерных испытаний сопровождалось все более острым осознанием порожденных этим моральных проблем. С конца 50-х годов

я стал активно выступать за прекращение или ограничение испытаний ядерного оружия. В 1961 году в связи с этим у меня возник конфликт с Хрущевым, в 1962 году – с министром среднего машиностроения Славским. Я был одним из инициаторов заключения Московского договора 1963 года о запрещении испытаний в трех средах (т.е. в атмосфере, в воде и в космосе). Начиная с 1964 года (когда я выступил по проблемам биологии) и особенно с 1967 года круг волновавших меня вопросов все более расширялся. В 1967 году я участвовал в Комитете по защите Байкала.

К 1966-1967 годам относятся мои первые обращения в защиту репрессированных. К 1968 году возникла потребность в достаточно развернутом, открытом и откровенном выступлении. Так появилась статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». По существу это те же темы, которые через семь с половиной лет обозначены в названии Нобелевской лекции – «Мир, прогресс, права человека»; я считаю эти темы фундаментально важными и тесно связанными между собой. Это выступление стало поворотным во всей моей дальнейшей судьбе. Очень быстро оно стало широко известно во всем мире. В советской прессе «Размышления» долго замалчивались, потом о них стали упоминать весьма неодобрительно. Многие, даже сочувствующие, критики воспринимали мои мысли в этой работе как очень наивные, прожектерские. Сейчас, спустя тринадцать лет, мне все же кажется, что многие важные повороты мировой и даже советской политики лежат в русле этих мыслей.

С 1970 года защита прав человека, защита людей, ставших жертвами политической расправы, выходит для меня на первый план. Участие вместе с Чалидзе и Твердохлебовым, а затем с Шафаревичем и Подъяпольским в Комитете прав человека являлось одним из выражений этой позиции. (В марте 1976 г. Григорий Подъяпольский трагически рано умер.) С июля 1968 года, после опубликования за рубежом моей статьи «Размышления», я отстранен от секретных работ и «отлучен» от

привилегий советской «номенклатуры». С 1972 года все более усиливалось давление на меня и моих близких, кругом нарастали репрессии, я больше о них узнавал, и почти каждый день надо было выступать в защиту кого-то. Часто в эти годы выступал я и по проблемам мира и разоружения, свободы контактов, передвижения, информации и убеждений, против смертной казни, о сохранении среды обитания и о ядерной энергетике.

В 1975 году я удостоен звания лауреата Нобелевской премии Мира. Это явилось огромной честью для меня, признанием заслуг всего правозащитного движения в СССР. В январе 1980 года я лишен всех правительственных наград СССР (ордена Ленина, звания трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий) и выслан в город Горький, где нахожусь в условиях почти полной изоляции и под круглосуточным милицейским надзором. Этот акт властей совершенно незаконен, это – одно из звеньев усиления политических репрессий в нашей стране в последние годы.

С лета 1969 года я – старший научный сотрудник Физического института АН СССР. Мои научные интересы – элементарные частицы, гравитация и космология.

Я не профессиональный политик, и, может быть, поэтому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах. Я воздерживаюсь от конкретных прогнозов, но сегодня, как и всегда, я верю в силы человеческого разума и духа.

Андрей Сахаров

Горький, 24 марта 1981 г.⁵

5. Автобиография // *Тревога и надежда*. Т.1. С. 49-55. Впервые опубликовано в Сахаровском сборнике. Нью-Йорк. Издательство Хроника-пресс. 1981 © А. Бабенышев, Р. Лерт, Е. Печуро.

Арзамас-16 – «Объект»

В 1950 году наша исследовательская группа вошла в состав специального института. В течение последующих восемнадцати лет я находился в круговороте особенного мира военных конструкторов и изобретателей, специальных институтов, комитетов и ученых советов, опытных заводов и полигонов. Ежедневно я видел, как огромные материальные, интеллектуальные и нервные силы тысяч людей вливаются в создание средств тотального разрушения, принципиально способного уничтожить всю человеческую цивилизацию. Я наблюдал, что рычаги управления находятся в руках циничных, хотя по-своему и талантливых людей. До лета 1953 года верховным шефом атомного проекта был Берия, во власти которого находились миллионы рабов-заключенных, почти все строительство осуществлялось их руками. С конца пятидесятых годов все более отчетливым образом вырисовывалось коллективное могущество военно-промышленного комплекса, его энергичных, беспринципных руководителей, слепых ко всему, кроме своего «дела». Я был в несколько особом положении. В качестве теоретика-изобретателя, сравнительно молодого и к тому же беспартийного, я находился в стороне от административной ответственности, был свободен от партийной идеологической дисциплины. Мое положение давало мне возможность знать и видеть многое, заставляло чувствовать свою ответственность, и в то же время я мог смотреть на всю эту извращенную систему несколько со стороны. Все это толкало меня, особенно в идейной атмосфере, возникшей после смерти Сталина и XX съезда КПСС, на общие размышления о проблемах мира и человечества, в особенности о проблемах термоядерной войны и ее последствий.⁶

В этих автобиографических заметках Сахаров не обращается к своей семейной жизни, но в «Воспоминаниях» он пишет о своем браке с Клавдией Вихиревой.

10 ноября 1942 года, в первый день своей работы в Центральной заводской лаборатории, я впервые увидел свою будущую жену Клавдию Алексеевну Вихиреву (1919-1969) – Клаву. ...

6. «Сахаров о себе» // Андрей Сахаров. *Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления*. Л. 1990. С. 4-5. Впервые опубликовано в предисловии к сборнику *Сахаров говорит*. Нью-Йорк. Издательство Хроника-пресс. 1974 © Alfred A. Knopf, Inc.

Мы прожили вместе 26 лет до смерти Клавды 8 марта 1969 года. У нас было трое детей – старшая дочь Таня (родилась 7 февраля 1945 года), дочь Люба (28 июля 1949 года), сын Дмитрий (14 августа 1957 года). Дети принесли нам много счастья (но, конечно, как все дети, и не только счастья). В нашей жизни были периоды счастья, иногда – целые годы, и я очень благодарен Клавде за них.⁷

Жизнь Сахарова, отлученного в 1968 г. от своей работы и своих коллег, подавленного смертью Клавды в марте 1969 г., лишенного из-за ее смерти домашнего очага, круто переменялась. В 1969 г. он вернулся в теоретический отдел Института им. Лебедева, в 1970 г. вошел в Комитет прав человека и нашел для себя идеальную спутницу на всю будущую жизнь – Елену Боннэр, «Люсю», как звал он жену. Они познакомились на политических процессах, на которых оба присутствовали, и на проходивших по четвергам заседаниях Комитета прав человека. 7 января 1972 г. они поженились.

Горьковская ссылка

8 января 1980 г. Президиум Верховного Совета принял два указа: «Об административной высылке Сахарова из Москвы» и «О лишении Сахарова государственных наград». Возможные меры наказания для Сахарова обсуждались в Политбюро уже несколько лет, но решение выслать его в Горький было принято почти моментально после его призыва вывести советские войска из Афганистана, куда они вошли 24 декабря 1979 г., и бойкотировать Олимпийские игры в Москве в случае, если войска не будут выведены. Однако сам Сахаров видел в этой мере против него часть более широкой капани нажима на диссидентов.

Заявление от 27 января 1980 года

22 января я был задержан на улице и насильно перевезен в Прокуратуру СССР. Зам. Ген прокурора СССР А. Рекунков сообщил мне о лишении

7. Сахаров А. Д. *Воспоминания*. Т. 1. С. 133, 136.

меня по постановлению Президиума Верховного Совета СССР звания Героя Социалистического Труда, всех наград и лауреатских званий. Мне было предложено вернуть ордена и медали и удостоверения к ним, но я отказался, считая, что награжден ими не зря. Рекунков сообщил также о принятом решении выслать меня в г. Горький, закрытый для иностранцев. В тот же день я с женой Еленой Боннэр, которой решили ехать вместе со мной, был доставлен специальным рейсом самолета в Горький, где зам. прокурора города объявил условия назначенного мне режима – гласный надзор, запрещение выезда за черту города, запрещение иметь встречи с иностранцами и «преступными элементами», запрещение переписки и телефонных разговоров с заграницей, в том числе научной и чисто личной переписки и телефонной связи, даже с детьми и внуками – Матвеем шести лет и Аней четырех лет... Мне поставлено в обязанность три раза в месяц являться в МВД с угрозой насильственного привода в случае неповиновения.

Фактически власти осуществляют еще более полную изоляцию от внешнего мира. Дом круглосуточно окружен нарядами милиции и КГБ, препятствующими приходу к нам кого бы то ни было, в том числе и наших друзей. Телефонная связь с Москвой и Ленинградом полностью блокирована, мы ни разу не могли позвонить маме моей жены, ничего не знавшей о нас. Не смог я также позвонить своему коллеге-физику, очень уважаемому советскому ученому. Эти же ограничения относятся к моей якобы свободной жене. Она послала телеграмму детям в США, но, раз нет ответа, значит, и она лишена связи с детьми. Даже в тюрьме возможности связи с внешним миром больше.

Мы, немолодые и не очень здоровые люди, полностью лишены помощи наших друзей, а также медицинской помощи наших врачей.

Эти репрессии против меня предприняты в момент большого обострения международного положения и усиления преследования инакомыслящих внутри страны. ...

Действия властей против меня в этой обстановке направлены на то, чтобы сделать полностью невозможным продолжение моей общественной деятельности, унижить и дискредитировать меня и тем самым развязать руки для всех дальнейших репрессий против всех групп инакомыслящих внутри страны при меньших возможностях миру узнать о них, и для дальнейших международных авантюр. ...

Представители советских властей пытаются успокоить широкое общественное мнение тем, что я смогу продолжать научную работу и мне не грозит уголовное преследование. Но я готов предстать перед открытым и гласным судом. Мне не нужна золотая клетка – мне нужно право служить общественному долгу так, как мне диктует совесть.⁸

Полгода спустя Сахаров так описывал свою жизнь в Горьком:

Я живу в квартире, около дверей которой день и ночь дежурит милиционер, не пуская никого. Часто я живу в полном одиночестве, так как моей жене приходится проводить много времени в Москве.

Большую часть времени я провожу за письменным столом: читаю, пишу. В доме специально для меня установлена «глушилка», и чтобы послушать радио нам с женой приходится по ночам ходить по улице с транзистором. Но и обычная система глушения достаточно мощная, и часто ничего не слышно. Какое-то время отнимают работы по дому – часто к приезду жены я что-то ремонтирую в квартире, нужно ходить за хлебом, относить белье в прачечную. Все это я делаю медленно. Я редко выхожу гулять, когда моей жены нет в городе, но когда она со мной, мы часто гуляем, иногда ходим в кино. Трижды за последние полтора года мы бывали на концертах.

Мне хотелось бы посвятить основное время и силы науке. Особенно интересна мне физика элементарных частиц и космология. Но как

8. Заявление о высылке в Горький // *Воспоминания*. Т. 2. С. 705-706, 707, 708.

можно говорить о «спокойной научной работе», когда я живу в изоляции, в незаконной ссылке и из-за постоянных краж моих научных и других рукописей вынужден тратить огромные силы просто на то, чтобы восстанавливать пропавшее.⁹

22 ноября 1981 г., исчерпав все другие средства, Сахаров и Елена Боннэр начали голодовку с требованием позволить их невестке Лизе присоединиться к своему мужу Алексею, их сыну, который в 1978 г. по настоянию Сахарова эмигрировал в США. 7 декабря она получила разрешение на выезд, и на следующий день супруги прекратили голодовку. 15 декабря Сахаров написал:

Мы бесконечно благодарны всем, кто поддержал нас в эти трудные дни – государственным, религиозным и общественным деятелям, ученым, журналистам, нашим близким, друзьям – знакомым и незнакомым. Их оказалось так много, что невозможно перечислить. Это была борьба не только за жизнь и любовь наших детей, за мою честь и достоинство, но и за право каждого человека быть свободным и счастливым, за право жить согласно своим идеалам и убеждениям и в конечном счете борьба за всех узников совести. ...

Желая счастливого пути Лизе, я надеюсь на воссоединение всех разлученных и вспоминаю прекрасные слова Михайлы Михайлова, что родина – не географическое понятие, родина – это свобода.¹⁰

2 мая 1984 г. Елену Боннэр задержали и обыскали в аэропорту Горького. Против нее было выдвинуто обвинение в клевете на советскую систему и начато следствие. 10 августа 1984 г. она была признана виновной и приговорена к пяти годам ссылки, которую должна была отбывать

9. *A Chronicle of Human Rights in the USSR*, No. 43, Нью-Йорк. Издательство Хроника-пресс. С. 17-18. Отдельные фрагменты текста воспроизведены в статье «Тревожное время» // *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 533-538. [Остальная часть текста дана в обратном переводе с английского – Ред.]

10. *Хроника текущих событий*. № 63. Нью-Йорк. Издательство Хроника-пресс. 1983. С. 165.

в Горьком. Это положило конец ее поездкам в Москву и лишило Сахарова главного канала контактов с внешним миром.

Все сильнее тревожась за здоровье жены и твердо решив добиться разрешения на ее выезд в Соединенные Штаты для столь необходимого ей лечения, Сахаров начал в мае 1984 г. серию изнурительных и опасных для его здоровья голодовок, продолжавшихся до октября 1985 г. В следующем месяце Елена Боннэр выехала из Горького в Бостон, где встретилась со своими родными. 14 января 1986 г. она перенесла операцию на открытом сердце, в ходе которой ей было установлено шесть шунтов. В начале июня она вернулась в Горький.

Возвращение в Москву

Конец ссылке Сахарова положил Михаил Горбачев, сменивший в 1985 г. Константина Черненко на посту генерального секретаря Коммунистической партии. В начале декабря 1986 г. Политбюро ЦК КПСС приняло решение о прекращении ссылки Сахарова и Боннэр, а 16 декабря Горбачев лично позвонил Сахарову и пригласил его вернуться в Москву.

О последовавших затем бурных годах Сахаров пишет в книге «Горький, Москва, далее везде» – продолжении его Воспоминаний.

23-го утром мы вышли на перрон Ярославского вокзала, запруженного толпой корреспондентов всех стран мира (как потом оказалось, там были и советские). Около 40 минут я медленно продвигался к машине в этой толпе (Люся оказалась отрезанной от меня) – ослепляемый сотнями фотовспышек, отвечая на непрерывные беглые вопросы в подставляемые к моему рту микрофоны. Это неформальное интервью было прообразом многих последующих, – а вся обстановка как бы «моделью» или предвестником ожидающей нас беспокойной жизни. Я говорил об узниках совести, призывал к их освобождению, называя

много имен, о необходимости вывода советских войск из Афганистана, о своем отношении к СОВЕТСКОМУ ОБЩЕСТВУ и к принципу «пакета» ..., о перестройке и гласности и о противоречивости и сложности этих процессов.

В конце декабря и в январе (с меньшей интенсивностью и в последующие месяцы) я давал интервью газетам, журналам и телекомпаниям Англии, Бельгии, Греции, Индии, Италии, Испании, Канады, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Финляндии, ФРГ, Югославии, Японии и других стран – по несколько раз в день.

На меня и на Люсю легла в эти первые месяцы почти непереносимая нагрузка – но делать нечего, приходилось тянуть... Наша жизнь в Москве. Подготовка в письменной форме ответов почти к каждому большому интервью, иначе я не умею, печатанье их Люсей. ...

Когда началось массовое освобождение политзаключенных, о чем я пишу ниже, Люся стала вести списки освобожденных, сообщая о новых освобожденных в агентства (естественно, сразу в два-три), а также сообщая о запинках на этом пути. Инкоры же – или радиокomentаторы – многое перевирают, и вот уже вместо сообщения Люси о голодовке Миколы Руденко с требованием ответить о судьбе забранного у него на обыске писательского архива мы слышим по западному радио, что академик Сахаров сообщил о голодовке Руденко с требованием эмиграции, а супруга лауреата заявила, что это дело якобы показывает обратную сторону политики кремлевских руководителей – слова, которых она не говорила и не могла сказать, это не ее стиль, мягко говоря.

Подобная путаница почти каждый день, очень искажались мои высказывания по СОВЕТСКОМУ ОБЩЕСТВУ.

Таковы будни нашей жизни. Может, у меня мания величия, но мне хочется надеяться, что все же это не вовсе бесполезная суета и не игра в свои ворота, а оказывает – пусть с очень малым КПД – реальное

воздействие на два ключевых дела: освобождение узников совести и сохранение мира и разоружение.

Итак, интервью первых месяцев... Во всех бесчисленных интервью декабря и января я постоянно повторял, что критерием глубины, подлинности и необратимости демократических преобразований в стране является полное освобождение узников совести, что противоречивость существующей ситуации разительным образом отражается в том, что люди, выступавшие за гласность, продолжают оставаться в заключении в эпоху гласности. Обычно я называл в своих интервью несколько (5-12) фамилий людей, дела которых были мне хорошо известны.¹¹

Что еще я думаю, на что надеюсь в нашей жизни в будущем?

Конечно, есть мечта о науке. Может, она не осуществится – слишком многое упущено за годы работы над оружием, потом – общественных дел, горьковской изоляции. Ведь наука требует безраздельности, а это все было отвлечением от нее. И все же само присутствие при великих свершениях в физике высоких энергий и космологии – это уже само по себе глубочайшее переживание, ради которого стоило родиться на свет (тем более, что в жизни есть и многое другое, общее для всех людей).

Возможно, я буду также принимать участие (пусть даже в каком-то смысле формальное) в тех делах, где играет роль мое имя – в проблеме управляемого термоядерного синтеза, подземного размещения ядерных реакторов, управления моментом землетрясений.

Похоже, что мы – я и Люся – не сможем полностью отойти от общественных дел, даже если получат разрешение проблемы узников совести и свободы выбора страны проживания – а пока им не видно скорого

11. Горький, Москва, далее везде // Воспоминания. Т. 3. С. 434, 436. Впервые опубликовано в Нью-Йорке в издательстве им. Чехова, 1990. © Елена Боннэр.

конца. Жизнь всегда что-то преподносит и требует внутренней гибкости (и одновременно принципиальности).¹²

Содержание последних трех лет жизни Сахарова кратко сформулировано в предисловии к английскому изданию его воспоминаний: «После возвращения из Горького Сахарову пришлось взять на себя роль представителя и выразителя мнений либеральной интеллигенции – роль, которую он иногда исполнял с неохотой, иногда не вполне удачно, но с неизменной честностью, пронизательностью и сочувствием». Он был избран членом президиума Академии наук СССР, одним из пяти сопредседателей Межрегиональной депутатской группы, назначен членом правительственной комиссии, призванной разработать проект новой Конституции СССР, стал почетным членом «Мемориала» – общества, основанного для увековечивания памяти жертв сталинских репрессий. Он фактически выступал как неофициальный национальный омбудсман, путешествуя по всей стране и помогая жертвам разного рода злоупотреблений властей. А на Съезде народных депутатов в июне 1989 г. выступил с пламенными призывами к радикальному реформированию советской системы и ликвидации монопольного положения Коммунистической партии в попытках вдохнуть новую жизнь в перестройку и наладить непростое сотрудничество между государством и гражданским обществом, начало которому было положено телефонным звонком Горбачева. Всего за несколько дней до смерти он закончил работу над черновым вариантом проекта новой конституции «Союза Советских Республик Европы и Азии» и начал раздавать его своим товарищам по работе для сбора замечаний.»¹³

В сентябре 1989 г. Сахаров закончил писавшуюся им книгу «Горький, Москва далее везде» такими словами:

Конечно, окончание работы над книгой создает ощущение рубежа, итога. «Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?» (А. С. Пушкин).

12. Там же. С. 495.

13. *Memoirs*, Alfred Knopf, 1990, p. xvi. Текст дается в переводе с английского.

И в то же время – ощущение мощного потока жизни, который начался до нас и будет продолжаться после нас. ...

Это чудо науки. Хотя я не верю в возможность скорого создания (или создания вообще?) всеобъемлющей теории, но я вижу гигантские, фантастические достижения на протяжении даже только моей жизни и жду, что этот поток не иссякнет, а наоборот, будет шириться и ветвиться. ...

... Семья, дети, внуки. Многое я упустил – по лености характера, по невозможности чисто физической, из-за сопротивления дочерей и сына, которое я не мог преодолеть. Но я не перестаю об этом думать. Люся, моя жена. На самом деле это единственный человек, с которым я внутренне общаюсь. Люся подсказывает мне многое, что я иначе по своей человеческой холодности не понял бы и не сделал. Она также большой организатор, тут она мой мозговой центр. Мы вместе. Это дает жизни смысл.¹⁴

Сахаров скончался в Москве 14 декабря 1989 г. в возрасте 68 лет от сердечного приступа. Он похоронен в Москве на Востряковском кладбище.

14. Горький, Москва, далее везде. С. 722.

II. Мировоззрение и взгляды Андрея Сахарова

Введение к книге «О стране и мире»

Сахарову было 24 года, когда закончилась Вторая мировая война. Во Введении к опубликованной в 1975 г. книге «О стране и мире» он писал:

В первые послевоенные годы впервые (во всяком случае для меня и многих людей моего поколения) обрисовались контуры тех общемировых проблем, которые и сегодня продолжают оставаться самыми важными, самыми актуальными.

Около тридцати лет назад только что окончилась кровопролитная и разрушительная война, оставившая после себя море человеческого горя, которое не смогли до конца осушить прошедшие десятилетия. На большей части планеты свирепствовал голод, унося миллионы жизней и угрожая дальнейшим распространением. Научно-технический прогресс в развитых странах исподволь подготавливал «зеленую революцию», которая должна была в будущем смягчить эту грозную беду, но одновременно он приближал другую опасность для человечества, масштабы и близость которой тогда мало кто осознал, – экологическую катастрофу.

Еще не существовало термоядерного оружия, но тень атомной бомбы уже нависла над миром, впервые за историю человечества угрожая всеобщей гибелью. В Хиросиме и Нагасаки ежедневно умирали облученные.

В Китае разгоралось пламя гражданской войны. В социалистических странах тела и души сотен миллионов людей были до предела зажаты

в чудовищных тисках сталинизма. Погасли печи Освенцима, но тысячи людей ежедневно погибали в холодных забоях Колымы, Норильска и Воркуты, на бесчисленных сталинских стройках смерти. Число жертв ГУЛАГа к этому времени уже достигло страшной цифры – 20 млн.

В эти годы многие благородные и пронизательные мыслители – физики и математики, экономисты, юристы, общественные деятели, философы – выступили с идеями, порожденными осознанной ими уже тогда глубокой тревогой за судьбу человечества (хотя они, по-видимому, и не понимали многого, скрытого от Запада «железным занавесом»). В их числе были Эйнштейн, Рассел, Бор, Кассен и многие другие. Высказанные ими идеи произвели глубокое впечатление на современников. Они призывали к защите прав человека во всем мире, к национальному альтруизму, к осуществлению «открытого мира». Разъясняя эту мысль, Нильс Бор, в частности, подчеркивал, что ничто не должно препятствовать обмену информацией и свободному передвижению людей. Они выступали за демилитаризацию, за помощь слаборазвитым странам, за укрепление ООН, за мировое правительство.

Мне уже тогда удалось узнать про выступление Нильса Бора – одно из тех, в которых были заложены новые идеи. Но лишь через 20 лет, в разгар «пражской весны» 1968 года, длительный путь жизни, общения с выдающимися людьми, собственных раздумий привел меня к решению самому выступить со статьей, примыкавшей по основному направлению к этим идеям. Статья называлась «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Она получила широкое распространение, особенно на Западе, как одно из первых выступлений такого рода из немых недр социалистических стран. Я и сейчас в главном не отошел от сформулированной тогда позиции.¹⁵

15. «О стране и мире» // *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 252-254. Впервые опубликовано в Нью-Йорке в издательстве Хроника-пресс. 1975 © Chekhov Publishing Corporation.

Заключительная часть открытого письма Нильса Бора Организации Объединенных наций

Граждане любого общества могут вместе бороться за общее благосостояние только на основе широко доступной осведомленности об условиях жизни в стране. Точно так же, реальное сотрудничество между государствами по проблемам, представляющим общий интерес, предполагает свободный доступ ко всей информации, имеющей значение для их отношений. Любые соображения в пользу ограничения обмена информацией и общения, в основе которых лежит забота о национальных идеалах или интересах, следует соизмерять с положительным воздействием общей информированности и ослабления напряженности, являющихся результатом открытости.

В поиске гармонической взаимосвязи между жизнью отдельной личности и структурой сообщества всегда оставались и всегда будут оставаться многочисленные проблемы, требующие раздумья, и принципы, к которым нужно стремиться. Однако для того, чтобы народы могли извлечь пользу из опыта других народов и чтобы избежать взаимного непонимания намерений, повсеместно должен быть обеспечен свободный доступ к информации и неограниченная возможность обмена идеями. ...

Сегодня развитие техники достигло такого этапа, на котором средства связи позволяют превратить все человечество в единое взаимодействующее целое и на котором в то же время возможны фатальные последствия для цивилизации, если международные разногласия не будут разрешаться путем совещаний, основанных на свободном доступе ко всей относящейся к делу информации.

Уже тот факт, что знания сами по себе лежат в основе цивилизации, непосредственно указывает на открытость, как на путь к преодолению современного кризиса. Какие бы международные юридические и административные органы ни были в конечном счете созданы для стабилизации международного положения, следует понимать, что лишь полная взаимная открытость сможет

эффективно содействовать установлению доверия и гарантировать общую безопасность.

Я обращаюсь к Объединенным Нациям с этими соображениями в надежде, что они могут содействовать поиску реального подхода к серьезным актуальным проблемам, стоящим перед человечеством. Изложенные здесь доводы позволяют предположить, что любая инициатива с какой бы то ни было стороны, направленная на устранение препятствий для свободного обмена информацией и общения, имела бы огромное значение для поиска выхода из того тупика, в котором мы находимся сегодня, и вдохновила бы и другие народы на действия в этом же направлении. Потребуется усилия всех сторонников международного сотрудничества, как отдельных лиц, так и целых народов, чтобы создать во всех странах мнение, выражающее со все большей определенностью и силой требование открытого мира.

Копенгаген, 9 июня 1950 года¹⁶

«Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»

Статья Сахарова «О прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» появилась на свет в конце апреля 1968 г. и широко ходила в самиздате. Была она опубликована и за границей – сначала, 6 июля, в голландской газете Het Parool, а затем, 22 июля, она была в полном виде напечатана в Нью-Йорк Таймс.¹⁷ Тем же летом Сахаров был лишен допуска к секретным материалам и уволен с поста заместителя директора по научной работе в Арзамасе-16. Год спустя ему было предложено занять должность старшего научного сотрудника в отделе теоретической физики Института им. Лебедева.

16. Нильс Бор. Письмо Организации Объединенных Наций // *Успехи физических наук*. Том 147. Вып. 2. Октябрь 1985. С. 366.

17. Сахаров вспоминает, что, по данным Международной ассоциации издателей, в 1968-1969 годах в мире было издано более 18 миллионов экземпляров статьи. (*Воспоминания*. Т. 1. С. 627).

В своих «Воспоминаниях» Сахаров замечает, что название, которое он дал своей статье, «...соответствовало тому тону приглашения к дискуссии со стороны человека, не являющегося специалистом в общественных вопросах, который казался мне тогда наиболее правильным».

Основная мысль статьи – человечество подошло к критическому моменту своей истории, когда над ним нависли опасности термоядерного уничтожения, экологического самоотравления, голода и неуправляемого демографического взрыва, дегуманизации и догматической мифологизации. Эти опасности многократно усиливаются разделением мира, противостоянием социалистического и капиталистического лагеря. В статье защищается идея конвергенции (сближения) социалистической и капиталистической систем. Конвергенция должна, по моему убеждению, способствовать преодолению разделения мира и тем самым – устранить или уменьшить главные опасности, угрожающие человечеству. В результате экономической, социальной и идеологической конвергенции должно возникнуть научно управляемое демократическое плюралистическое общество, свободное от нетерпимости и догматизма, проникнутое заботой о людях и будущем Земли и человечества, соединяющее в себе положительные черты обеих систем.¹⁸

Сахаров начинает «Размышления» с двух тезисов, с которыми, по его мнению, готово будет согласиться множество людей во всем мире. Они касаются угрозы гибели, нависшей над человечеством из-за его разделения, и необходимости интеллектуальной свободы. Он разделил статью на две части: «Опасности» и «Основа Надежды» и закончил кратким резюме своих предложений. Признавая, что многое из того, что он говорит, выглядит небесспорным, он приглашал читателей к дискуссии.

18. *Воспоминания*. Т. 1. С. 614.

Тезисы Сахарова

1. Разобщенность человечества угрожает ему гибелью. Цивилизации грозит: всеобщая термоядерная война; катастрофический голод для большей части человечества; оглупление в дурмане «массовой культуры» и в тисках бюрократизированного догматизма; распространение массовых мифов, бросающих целые народы и континенты во власть жестоких и коварных демагогов; гибель и вырождение от непредвидимых результатов быстрых изменений условий существования на планете.

Перед лицом опасности любое действие, увеличивающее разобщенность человечества, любая проповедь несовместимости мировых идеологий и наций – безумие, преступление. Лишь всемирное сотрудничество в условиях интеллектуальной свободы, высоких нравственных идеалов социализма и труда, с устранением факторов догматизма и давления скрытых интересов господствующих классов отвечает интересам сохранения цивилизации.

Читатель понимает, что при этом не идет речь об идеологическом мире с теми фанатичными, сектантскими и экстремистскими идеологиями, которые отрицают всякую возможность сближения с ними, дискуссии и компромисса, например с идеологиями фашистской, расистской, милитаристской или маоистской, демагогии.

Миллионы людей во всем мире стремятся покончить с нищетой, ненавидят угнетение, догматизм и демагогию (и их крайнее выражение – расизм, фашизм, сталинизм и маоизм), верят в прогресс на основе использования в условиях социальной справедливости и интеллектуальной свободы всего положительного опыта, накопленного человечеством.

2. Второй основной тезис: человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода – свобода получения и распространения

информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков. Такая тройная свобода мысли – единственная гарантия от заражения народа массовыми мифами, которые в руках коварных лицемеров-демагогов легко превращаются в кровавую диктатуру. Это – единственная гарантия осуществимости научно-демократического подхода к политике, экономике и культуре.

Но свобода мысли в современном обществе находится под тройной угрозой: со стороны рассчитанного опиума «массовой культуры», со стороны трусливой и эгоистической мещанской идеологии, со стороны окостенелого догматизма бюрократической олигархии и ее излюбленного оружия – идеологической цензуры. Поэтому свобода мысли нуждается в защите всех мыслящих и честных людей. Это задача не только интеллигенции, но и всех слоев общества, и в особенности наиболее активной и организованной его прослойки – рабочего класса. Мировые опасности войны, голода, культа, бюрократизма – это опасности для всего человечества.

Осознание рабочим классом и интеллигенцией общности их интересов – примечательное явление современности. Можно сказать, что наиболее прогрессивная, интернациональная и самоотверженная часть интеллигенции по существу является частью рабочего класса, а передовая, образованная и интернациональная, наиболее далекая от мещанства часть рабочего класса является одновременно частью интеллигенции.

Такое положение интеллигенции в обществе делает бессмысленными громогласные требования к интеллигенции подчинить свои стремления воле и интересам рабочего класса (в СССР, Польше и других социалистических странах). На самом деле в таких призывах подразумевается подчинение воле партии или, еще конкретней, ее центральному аппарату, его чиновникам. Но где гарантия, что эти чиновники всегда

выражают истинные интересы рабочего класса в целом, истинные интересы прогресса, а не свои кастовые интересы?

Опасности

В разделе «Опасности» Сахаров размышляет об угрозе термоядерной войны; о положении во Вьетнаме и на Ближнем Востоке; о международной напряженности; о голоде и перенаселении; о расизме, загрязнении окружающей среды, полицейских диктатурах и угрозах для интеллектуальной свободы. Вот некоторые из его размышлений об угрозе загрязнения и диктатуре.

Проблемы геогигиены

Мы живем в быстро меняющемся мире. Промышленное и гидротехническое строительство, лесозаготовки, распашка целинных земель, применение ядохимикатов – это все неконтролируемым, стихийным образом меняет облик Земли, нашу «среду обитания». Научное изучение всех взаимосвязей в природе и последствий нашего вмешательства явно отстает от темпов происходящих изменений. В воздух и воду выбрасывается огромное количество вредных отходов промышленности и транспорта, в том числе канцерогенных. Не будет ли перейден «предел безопасности» повсеместно, как это уже имеет место в ряде мест? Углекислота от сжигания угля меняет теплоотражательные свойства атмосферы. Рано или поздно это примет опасные масштабы. Но мы не знаем – когда. Ядохимикаты, применяемые в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями, проникают в тело человека и животных как непосредственно, так и в виде ряда видоизмененных, еще более опасных соединений, оказывают очень вредное влияние на мозг, нервную систему, кровеносные органы, печень и другие органы. Тут тоже нетрудно перейти предел, но вопрос не изучен, и очень сложно управлять всеми этими процессами.

Применение антибиотиков в птицеводстве способствует выработке новых форм болезнетворных микробов, устойчивых к антибиотикам.

Я мог бы упомянуть о проблеме сброса моющих веществ и радиоактивных отходов, об эрозии и засолении почвы, о затоплении лугов, о вырубке лесов на горных склонах и лесов водоохранного значения, о гибели птиц и таких полезных животных, как жабы и лягушки, о многих других примерах неразумного хищничества, вызванных приматом местных, временных, ведомственных и эгоистических интересов, а иногда и просто вопросами ведомственного престижа, как это имело место в печально знаменитой проблеме Байкала. Проблемы геогигиены очень сложны и многообразны, очень тесно переплетаются с экономическими и социальными проблемами. Их полное решение в национальном и тем более местном масштабе поэтому невозможно. Спасение нашей внешней среды обитания действительно требует преодоления разобщенности и давления временного, местного интереса. Иначе СССР отравит США своими отходами, а США отравят СССР своими. Пока это – гипербола, но при возрастании количества отходов на 10% ежегодно за 100 лет общее возрастание достигнет 20 тыс. раз.

Угроза расизма, национализма, милитаризма и диктаторских режимов

Крайним выражением опасностей современного общественного развития является развитие расизма, национализма и милитаризма и в особенности возникновение демагогических, лицемерных и чудовищно жестоких полицейских, диктаторских режимов. В первую очередь это – режим Сталина, Гитлера и Мао Цзэдуна, а также ряд крайне реакционных режимов в меньших странах (Испания, Португалия, ЮАР, Греция, Албания, Гаити и ряд латиноамериканских стран).

Истоками всех этих трагических явлений всегда была борьба эгоистических групповых интересов, борьба за неограниченную власть,

подавление интеллектуальной свободы, распространение в народе массовых эмоциональных и интеллектуально-упрощенных, удобных мещанину мифов (миф расы, земли и крови, миф о еврейской опасности, антиинтеллектуализм, концепция «жизненного пространства» в Германии, миф об усилении классовой борьбы и о пролетарской непогрешимости, дополненный культом Сталина и преувеличением противоречий с капиталистическими странами в СССР, миф о Мао Цзэдуне, крайний китайский национализм и воскрешение концепции «жизненного пространства», антиинтеллектуализм, крайний антигуманизм, определенные предрассудки крестьянского социализма в Китае).

Мир никогда не забудет костров из книг на площадях немецких городов, истерических, людоедских речей фашистских «вождей» и их еще более людоедских тайных планов уничтожения и порабощения целых народов, в том числе русского. Фашизм начал частичную реализацию этих планов во время развязанной им войны, уничтожая военнопленных и заложников, сжигая деревни, осуществляя преступнейшую политику геноцида (на период войны центральный удар геноцида был направлен по евреям, что, по-видимому, имело также определенный провокационный смысл, в частности на Украине и в Польше).

Мы никогда не забудем душегубки и газовые камеры, эсэсовских овчарок и врачей-изуверов, прессованные кипы женских волос, чемоданы с золотыми зубами и удобрения в качестве «продукции» фабрик смерти.

Анализируя причины прихода Гитлера к власти, мы не забываем о роли немецкого и международного монополистического капитала, не забываем также о преступно-сектантской, догматической, ограниченной политике Сталина и его соратников, натравивших друг на друга социалистов и коммунистов.

Фашизм в Германии просуществовал 12 лет, сталинизм в СССР – вдвое дольше. При очень многих общих чертах есть и определенные различия.

Это – гораздо более изощренный заряд лицемерия и демагогии, опора не на откровенно людоедскую программу, как у Гитлера, а на прогрессивную, научную и популярную среди трудящихся социалистическую идеологию, которая явилась очень удобной ширмой для обмана рабочего класса, для усыпления бдительности интеллигенции и соперников в борьбе за власть, с коварным и внезапным использованием механизма цепной реакции пыток, казней и доносов, с запугиванием и оболваниванием миллионов людей, в большинстве совсем не трусов и не дураков. Эта «специфика» сталинизма имела одним из своих следствий то, что самый страшный удар был нанесен против советского народа, его наиболее активных, способных и честных представителей. Не менее 10-15 млн. советских людей погибли в застенках НКВД от пыток и казней, в лагерях для ссыльных кулаков и так называемых «подкулачников» и членов их семей, в лагерях «без права переписки» (это были фактически прообразы фашистских лагерей смерти, где практиковались, например, массовые расстрелы тысяч заключенных из пулеметов при «перенаселенности» лагерей или получении «специальных указаний»), в холодных шахтах Норильска и Воркуты от холода, голода и непосильного труда на бесчисленных стройках, лесозаготовках, каналах, просто на перевозках в заколоченных вагонах и затопленных трюмах «кораблей смерти» Охотского моря, при пересылке целых народов – крымских татар, немцев Поволжья, калмыков, многих других народов.

Сталинский догматизм и отрыв от реальной жизни особенно проявился в деревне – в политике безудержной эксплуатации деревни – грабительскими заготовками по «символическим» ценам, с почти крепостным закабалением крестьянства, с лишением колхозников права владения основными средствами механизации, с назначением председателей колхозов по признаку угодливости и изворотливости. Результат налицо – глубочайшее и трудно поправимое разрушение экономики и всего уклада жизни в деревне, которое по «закону сообщающихся сосудов» подрывало также и промышленность.

Антинародный характер сталинизма ярко проявился в репрессиях военнопленных, выживших в фашистском плену и угодивших в сталинские лагеря, в антирабочих «указах», в преступном переселении целых народов, обрекая их на медленное вымирание, в свойственном сталинской бюрократии и НКВД (и лично Сталину) мещанско-зоологическом антисемитизме, в драконовских законах по охране социалистической собственности (пять лет за «колоски» и т. д.), которые фактически служили главным образом одним из средств удовлетворения спроса на «рынки рабов», в свойственной Сталину украинофобии и т. п.

Сейчас наша страна вступила на путь самоочистки от скверны «сталинизма». Мы «по капле выдавливаем из себя раба» (выражение А. П. Чехова), научаемся выражать свое мнение, не глядя в рот начальству и не боясь за собственную жизнь.

Начало этого трудного и далеко не прямолинейного пути, по-видимому, следует датировать докладом Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС; это смелое, неожиданное для бывших сообщников Сталина по преступлениям выступление и ряд сопутствующих мероприятий – освобождение сотен тысяч политзаключенных и их реабилитация, шаги по восстановлению принципов мирного сосуществования, шаги по воссозданию демократии – все это заставляет нас очень высоко оценить историческую роль Н. С. Хрущева, несмотря на ряд допущенных им в последующие годы досадных ошибок волюнтаристского характера и несмотря на то, что при жизни Сталина Хрущев, конечно, являлся одним из соучастников его преступлений, занимая ряд достаточно крупных постов.

Разоблачению сталинизма в нашей стране далеко до окончания. Конечно, абсолютно необходимо опубликование всех имеющихся достоверных материалов (в том числе архивов НКВД), проведение всенародного расследования. Для международного авторитета КПСС и идей социализма было бы весьма целесообразно намечавшееся в 1964 году, но «почему-то» отмененное символическое исключение из

КПСС Сталина – убийцы миллионов ее членов и политическая реабилитация жертв сталинизма.

Лишь в 1936-1939 годы было арестовано более 1,2 млн. членов ВКП(б) – половина всей партии. Только 50 тыс. вышло на свободу – остальные были замучены при допросах, расстреляны (600 тыс.) или погибли в лагерях. Только единицы из числа реабилитированных были допущены к работе на ответственных должностях, еще меньше смогли принять участие в расследовании преступлений, свидетелями и жертвами которых они были. В последнее время часто раздаются призывы «не сыпать соль на раны». Такие призывы обычно исходят от тех, у кого не было никаких ран. На самом деле лишь тщательный анализ прошлого и его последствий в настоящем даст возможность смыть всю безмерную кровь и грязь, которые запачкали наше знамя.

Резюме предложений

В заключение я суммирую некоторые конкретные предложения разной степени важности, которые обсуждались в тексте. Эти предложения, обращенные к руководству нашей страны, не исчерпывают содержания статьи.

1. Необходимо всемерно углублять стратегию мирного сосуществования и сотрудничества. Разработать научные методы и принципы международной политики, основанные на научном предвидении отдаленных и ближайших последствий.
2. Проявить инициативу в разработке широкой программы борьбы с голодом.
3. Необходимо разработать, широко обсудить и принять «Закон о печати и информации», преследующий цели не только ликвидировать безответственную идеологическую цензуру, но и всемерно поощрять

самоизучение в нашем обществе, поощрять дух бесстрашного обсуждения и поисков истины. Закон должен предусмотреть материальные ресурсы свободы мысли.

4. Необходимо отменить все антиконституционные законы и указания, нарушающие «права человека».

5. Необходимо амнистировать политических заключенных, а также пересмотреть ряд имевших в последнее время политических процессов (например, Даниэля и Синявского, Галанскова и Гинзбурга)¹⁹. Немедленно облегчить лагерный режим для политических заключенных.

6. Необходимо довести до конца – до полной правды, а не до взвешенной на весах кастовой целесообразности полуправды – разоблачение сталинизма. Необходимо всемерно ограничить влияние неосталинистов на нашу политическую жизнь (в тексте упоминался в качестве примера С. П. Трапезников).

7. Необходимо всемерно углублять экономическую реформу, расширять сферу эксперимента и делать все выводы из его результатов.

8. Необходимо принять, после широкого научного обсуждения, «Закон о геогиgiene», который впоследствии должен слиться с мировыми усилиями в этой области. ...²⁰

19. Писатели Юрий Даниэль и Андрей Синявский были арестованы в 1965 году и осуждены в феврале 1966 года по обвинению в антисоветской пропаганде за отправку за рубеж литературных произведений, которые власти сочли клеветническими. Даниэль был осужден к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, Синявский – к семи. Поэт Александр Гинзбург и поэт и редактор Юрий Галансков были осуждены в январе 1968 года по обвинениям, связанным с их протестом против суда над Даниэлем и Синявским, и приговорены к пяти и семи годам лишения свободы, соответственно. Галансков умер в лагере в 1972 году. [Ред.]

20. Сахаров А.Д. «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» // *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 69-130.

В марте 1970 г. Сахаров вместе с физиком Валентином Турчиным и историком Роем Медведевым направили руководителям Советского Союза (Брежневу, Косыгину и Подгорному) письмо с призывом установить в стране демократию и интеллектуальную свободу как необходимое условие для прогресса науки и развития экономики.²¹ 5 марта 1971 г. Сахаров направил генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу Памятную записку, где выдвигалось требование развернуть дискуссию по «неотложным вопросам», частично затрагивавшимся в его «Размышлениях» 1968 г. и письме 1970 г.²². Он сообщил Брежневу, что совместно с Валерием Чалидзе и Андреем Твердохлебовым организовал «Комитет прав человека» для исследования проблем защиты прав человека и развития правового сознания и что Комитет стремится к диалогу с руководством страны и откровенной публичной дискуссии по проблемам прав человека. Сахаров ожидал ответа год, но ответа не последовало. В июне 1972 г. он написал Послесловие к Памятной записке и передал его вместе с самой Памятной запиской зарубежным корреспондентам и в самиздат.

Послесловие к «Памятной записке»

Я начал общественную деятельность около 10-12 лет назад, осознав преступный характер возможной термоядерной войны и воздушных испытаний термоядерного оружия. С тех пор я пересмотрел многое в своих взглядах, в особенности начиная с 1968 года (для меня лично начало этого года ознаменовалось работой над «Размышлениями о прогрессе», а конец, как и для всех, грохотом танков на улицах непокорившейся Праги).

Но основа моих взглядов все же осталась прежней.

21. А. Сахаров, В. Турчин, Р. Медведев. «Руководителям Партии и правительства» // *Воспоминания*. Т. 1. С. 828–848.

22. «Памятная записка» // *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 132-148.

Я по-прежнему не могу не ценить большие благотворные изменения (социальные, культурные, экономические), которые произошли в нашей стране за последние 50 лет, отдавая, однако, себе отчет в том, что аналогичные изменения имели место во многих странах и что они являются проявлением общемирового прогресса.

Я по-прежнему считаю, что преодоление трагических противоречий и опасностей нашей эпохи возможно только на пути сближения и встречной деформации капитализма и социалистического строя.

В капиталистических странах этот процесс должен сопровождаться дальнейшим усилением элементов социальной защиты прав трудящихся, ослаблением милитаризма и его влияния на политическую жизнь. В социалистических странах также необходимо ослабление милитаризации экономики и мессианской идеологии, жизненно необходимо ослабление крайних проявлений централизма и партийно-государственной бюрократической монополии как в экономической области производства и потребления, так и в области идеологии и культуры.

Я по-прежнему придаю решающее значение демократизации общества, развитию гласности, законности, обеспечению основных прав человека.

Я по-прежнему надеюсь на эволюцию общества в этих направлениях под воздействием технико-экономического прогресса, хотя мои прогнозы стали более сдержанными.

Сейчас мне в еще большей мере, чем раньше, кажется, что единственной истинной гарантией сохранения человеческих ценностей в хаосе неуправляемых изменений и трагических потрясений является свобода убеждений человека, его нравственная устремленность к добру.

Наше общество заражено апатией, лицемерием, мещанским эгоизмом, скрытой жестокостью. Большинство представителей его высшего слоя – партийно-государственного аппарата управления, высших преуспевающих слоев интеллигенции – цепко держатся за свои явные и тайные привилегии и глубоко безразличны к нарушениям прав человека, к интересам прогресса, к безопасности и будущему человечества. Другие, будучи в глубине души озабочены, не могут позволить себе никакого «свободомыслия» и обречены на мучительный разлад самих с собой. Размеры национального бедствия приобрело пьянство. Оно является одним из симптомов нравственной деградации общества, которое все больше погружается в состояние хронического алкогольного отравления.

Для духовного оздоровления страны необходима ликвидация условий, толкающих людей на лицемерие и приспособленчество, создающих у них чувство бессилия, неудовлетворенности и разочарования. Необходимо обеспечение для всех на деле, а не на словах равных возможностей в продвижении на работе, в образовании и культурном росте, необходима ликвидация системы привилегий во всех областях потребления. Необходима большая идеологическая свобода, полное прекращение всех форм преследования за убеждения. Необходима коренная реформа образования. Эти мысли лежат в основе многих предложений «Памятной записки».

В «Записке» упомянута, в частности, проблема улучшения материального положения и самостоятельности двух наиболее многочисленных и социально весомых групп интеллигенции – учителей и медицинских работников. Плачевное состояние народного образования и здравоохранения тщательно скрывается от зарубежного глаза, но для всех желающих видеть не может являться секретом. Бесплатный характер здравоохранения и образования – не более чем экономическая иллюзия в обществе, где вся прибавочная стоимость экспроприируется и распределяется государством. В здравоохранении и образовании

особенно пагубно отразилась иерархическая классовая структура нашего общества с его системой привилегий. Состояние образования и здравоохранения для народа – это нищета общедоступных больниц, бедность сельских школ, переполненные классы, бедность и придаленность народного учителя, казенное лицемерие в преподавании, распространяющее на подрастающее поколение дух равнодушия к нравственным, художественным и научным ценностям.

Особое место в числе условий оздоровления общества занимает прекращение преследований по политическим мотивам как в судебных и психиатрических формах, так и в любых других, на которые способна наша бюрократическая и косная система с ее тоталитарным вмешательством государства в жизнь граждан (увольнение с работы, исключение из вузов, отказ в прописке, ограничение в продвижении по работе и т.п.).

Ростки нравственного возрождения народа и интеллигенции, которые возникли после ограничения крайних проявлений слепой террористической системы сталинизма, не встретили должного понимания у правящих кругов. Основные классово-социальные и идеологические черты строя не претерпели существенных изменений. С болью и тревогой я вынужден отметить, что вслед за иллюзорным в значительной мере либерализмом вновь усиливаются ограничения идеологической свободы, стремление к пресечению не контролируемой государством информации, преследования по политическим и идеологическим мотивам, намеренное обострение национальных проблем. Пятнадцать месяцев, прошедших с момента подачи «Записки», принесли новые тревожные свидетельства развития этих тенденций.

Особенно волнует волна политических арестов в первые месяцы 1972 года. Многочисленные аресты имели место на Украине. Аресты имели место также в Москве, в Ленинграде и в других районах страны.

Внимание общественности в эти же месяцы привлекли суды над Буковским в Москве, над Строкатой в Одессе и другие. Необычайно опасным по своим последствиям для общества и совершенно недопустимым нарушением прав человека является использование в политических целях психиатрии; известны многочисленные протесты и высказывания по этому вопросу, сейчас по-прежнему в тюремных психиатрических больницах находятся Григоренко, Гершуни и многие другие; неизвестна судьба Файнберга и Борисова; есть и новые факты психиатрической репрессии (например, дело поэта Лупыноса на Украине).

Преследование и разрушение религии, с упорством и жестокостью проводящиеся на протяжении десятилетий, – несомненно, одно из самых серьезных по своим последствиям нарушений прав человека в нашей стране. Свобода религиозных убеждений и религиозной деятельности – неотъемлемая часть интеллектуальной свободы вообще. К сожалению, последние месяцы ознаменовались новыми фактами религиозных преследований, в частности в Прибалтике и в других местах.

Я не останавливаюсь в этом послесловии на ряде важных проблем, получивших отражение в «Памятной записке» и в других документах, опубликованных мною, – в открытых письмах членам Президиума Верховного Совета СССР «О свободе выезда из страны» и министру МВД «О дискриминации в отношении крымских татар».

Не останавливаюсь также на большинстве получивших отражение в «Записке» международных проблем, выделяю из их числа вопрос об ограничении гонки вооружений. Милитаризация экономики накладывает глубокий отпечаток на международную и внутреннюю политику, приводит к нарушениям демократии, гласности и законности, создает угрозу миру. Хорошо изучена роль военно-промышленного комплекса в политике США. Аналогичная роль тех же факторов в СССР и других социалистических странах менее изучена. Однако необходимо

отметить, что ни в одной стране доля военных расходов, отнесенная к национальному доходу, не достигает таких размеров, как в СССР (более 40%). В обстановке взаимного недоверия особую роль играет проблема контроля, отмеченная в «Записке».

Я пишу это послесловие вскоре после подписания важных соглашений об ограничении ПРО и стратегических ракет. Хочется верить в чувство ответственности перед человечеством политических руководителей и деятелей военно-промышленных комплексов в США и СССР.

Хочется верить, что эти соглашения имеют не только символический смысл, но и приведут к реальному сокращению гонки вооружений и к дальнейшим шагам, смягчающим политический климат в нашем истстрадавшемся мире....

Июнь 1972²³

Интервью Улле Стенхольму

В конце июня 1973 г. Сахаров дал интервью корреспонденту Шведского радио и телевидения Улле Стенхольму, которое было передано в Швеции 2 июля 1973 г. Во введении к книге «Sakharov Speaks» он пишет об этом интервью и его последствиях:

Летом 1973 года я дал интервью по вопросам общего характера, предложенным мне корреспондентом шведского радио Улле Стенхольмом. Интервью это вызвало широкий резонанс в СССР и за рубежом. Я получил несколько десятков писем, содержащих возмущение моей «клеветнической» позицией (следует иметь в виду, что письма противоположного характера обычно не доходят до меня). Советская «Литературная газета» опубликовала статью обо мне под названием «Поставщик клеветы». Корреспондент Улле Стенхольм, взявший у меня интервью и без искажений опубликовавший его текст, недавно лишен въездной визы и возможности продолжать свою работу в СССР ... И этом интервью, как и в Памятной записке и в Послесловии, я

23. Послесловие к «Памятной записке». *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 149-155.

вышел за пределы темы прав человека и демократических свобод и коснулся экономических и социальных проблем, которые, вообще говоря, требуют специальной, а может быть, и профессиональной подготовки. Но эти проблемы так животрепещущи для каждого человека, что я не раскаиваюсь в том, что они явились предметом обсуждения. Особое раздражение моих оппонентов вызвала характеристика строя нашей страны как государственного капитализма с партийно-государственной монополией и вытекающих из такого строя последствий во всех областях жизни общества.²⁴

Отрывки из интервью

А. Сахаров: Читая мою работу шестьдесят восьмого года [«Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»], надо учитывать путь, пройденный мною. ... Я находился в этот момент еще очень далеко от основных проблем, стоящих перед всем народом и всей страной. Я был в чрезвычайно привилегированном материальном положении и был изолирован от людей. ...

У. Стенхольм: Вы сомневаетесь в том, что можно вообще что-то сделать, чтобы исправить систему в Советском Союзе и несмотря на это вы сами все время действуете. Почему?

А. Сахаров: Это – естественная потребность создавать идеалы, даже когда не видно непосредственного пути к их осуществлению. Ведь если нет идеалов, то и надеяться вообще не на что. Тогда наступает ощущение беспросветности, тупика. Кроме того, нам до конца не ясно, есть ли какие-нибудь возможности взаимодействия нашей страны с внешним миром. Если не будет сигналов о неблагополучии у нас, то не смогут быть использованы даже те возможности, которые, может быть, есть. Ведь тогда будет неясно, что же надо исправлять и нужно ли вообще что-нибудь исправлять.

24. «Сахаров о себе» // Андрей Сахаров. Мир, прогресс, права человека. С. 16-17. Впервые опубликовано в предисловии к сборнику Сахаров говорит. Нью-Йорк. Издательство Хроника-пресс. 1974 © Alfred A. Knopf, Inc.

Есть еще один важный момент. Наша страна должна служить предупреждением. Она должна удерживать Запад и развивающиеся страны от того, чтобы они не совершили ошибок такого масштаба, какие в ходе исторического развития были совершены у нас. Тот факт, что мы выступаем, еще не означает, что мы на что-то надеемся. Бывает, что человек ни на что не надеется, но все равно выступает, потому что он не может молчать. Возьмите конкретные случаи преследований у нас. Тут мы ни на что не надеемся, печальная действительность это подтверждает: практических результатов наши проекты не дают.

У. Стенхольм: Что же нужно делать прежде всего?

А. Сахаров: ... Партийная монополизация управления дошла у нас до таких пределов, недопустимость которых, наверное, видна и самому управленческому слою. Для борьбы с этим явлением нужна, наверное, большая гласность в работе аппарата управления. Однопартийная система очень уж жестка. Между тем, даже в условиях социалистического экономического строя возможна неоднопартийная система, и в странах народной демократии есть некоторые элементы многопартийности, правда, в полукarikатурном виде.

Нужно предоставить возможность выбора между несколькими кандидатами.

В общем, нужен ряд мероприятий, которые, каждое в отдельности, дадут немного, но в совокупности могли бы расшатать окаменелый и давящий на жизнь всей планеты монолит.

Измениться должна и наша печать. Сейчас она настолько унифицирована, что уже потеряла значительную часть своей информационной ценности. Факты она отражает так, что они понятны

только посвященным, а подлинная картина реальной жизни в стране искажена.

Нет разнообразия интеллектуальной жизни. Неправомерно ущемлена роль интеллигенции в обществе. Интеллигенция материально у нас очень плохо обеспечена, даже по сравнению с людьми физического труда. Диспропорция еще больше, если сравнить ее жизненный уровень со странами Запада, где примерно такой же общий уровень экономического развития.

Приниженное положение интеллигенции вызывает также и идеологическую придавленность, создает в стране антиинтеллектуальную атмосферу, когда интеллигентная профессия, профессия педагога, врача не пользуется должным уважением. В результате сама интеллигенция начинает уходить либо в узкий профессионализм, либо в двойственную интеллектуальную жизнь на работе и дома. В узком кругу своих знакомых, где это можно, они начинают самостоятельно, по-разному мыслить. Но это означает усиление лицемерия на работе и среди чужих и дальнейшее падение, нравственное и творческое. Особенно тяжело все это сказывается не на технической, а на гуманитарной интеллигенции, у которой уже создалось полное ощущение тупика. Доказательством этому служит литература – страшно серая и казенная, скучная.

У. Стенхольм: Разрешите мне последний вопрос. Вы лично не боитесь за себя и за свою свободу?

А. Сахаров: Лично за себя я никогда не боялся, но это отчасти из-за свойств моего характера, а отчасти потому, что начал-то я с очень высокого общественного положения, когда опасения были бы, наверное, совершенно не оправданны по существу. Сейчас же я, в основном боюсь таких форм давления, которые касаются не

меня лично, а членов моей семьи, членов семьи моей жены. Это наиболее тяжелая, но реальная угроза, вплотную приблизившаяся к нам.²⁵

Нобелевская лекция «Мир, прогресс, права человека»

Сахарову не позволили поехать в Осло в декабре 1975 г., чтобы получить Нобелевскую премию, и его нобелевскую лекцию от его имени зачитала Елена Боннэр. Сахаров отмечает в «Воспоминаниях», что нобелевскую лекцию он писал легко, с подъемом. В ней отражены не только его общественные взгляды по вопросам сохранения мира, необходимости сближения социалистической и капиталистической систем, разоружения и стратегического равновесия, прогресса, открытости общества и прав человека, но и в какой-то мере – его внутренний эмоциональный мир.²⁶

Глубокоуважаемые члены Нобелевского комитета!

Глубокоуважаемые дамы и господа!

Мир, прогресс, права человека – эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими. Такова главная мысль, которую я хочу отразить в этой лекции.

Я глубоко благодарен за присуждение мне высокой, волнующей награды – Нобелевской премии мира – и за предоставленную возможность выступить сегодня перед вами. Я с особенным удовлетворением воспринял формулировку Комитета, в которой подчеркнута роль защиты прав человека как единственного прочного основания для подлинного и долговечного международного сотрудничества. Эта

25. Интервью корреспонденту шведского радио и телевидения Улле Стенхольму // *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 157-158, 164-166, 168-169.

26. *Воспоминания*. Т. 2. С. 236.

мысль кажется мне очень важной. Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немислимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав. Таким образом я защищаю тезис о первичном, определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судеб человечества. Эта точка зрения существенно отличается от широко распространенных марксистских, а также от технократических концепций, согласно которым определяющее значение имеют именно материальные факторы, социальные и экономические права. (Сказанное не означает, конечно, что я в какой-либо мере отрицаю значение материальных условий жизни людей.)

Все эти тезисы я собираюсь отразить в лекции и особо остановиться на некоторых конкретных проблемах нарушения прав человека, решение которых представляется мне необходимым и срочным.

В соответствии с этим планом выбрано название лекции: «Мир, прогресс, права человека». Это, конечно, сознательная параллель к названию моей статьи 1968 года «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», во многом близкой по своей направленности, по содержащимся в ней предостережениям.

Имеется много признаков того, что начиная со второй половины XX века человечество вступило в особо ответственный, критический период своей истории.

Создано ракетно-термоядерное оружие, способное в принципе уничтожить все человечество, – это самая большая опасность современности. Благодаря экономическим, промышленным и научным достижениям несравненно более опасными стали также так называемые «обычные» виды вооружения, не говоря уже о химическом и бактериологическом оружии.

Несомненно, успехи промышленного и технологического прогресса являются главным фактором преодоления нищеты, голода и болезней; но они одновременно приводят к угрожающим изменениям в окружающей среде, к истощению ресурсов. Человечество, таким образом, столкнулось с грозной экологической опасностью.

Быстрые изменения традиционных форм жизни привели к неуправляемому демографическому взрыву, особенно мощному в развивающихся странах «третьего мира». Рост населения создает необычайно трудные экономические, социальные и психологические проблемы уже сейчас и неотвратимо угрожает гораздо более серьезными опасностями в будущем. Во многих странах, в особенности в Азии, Африке, Латинской Америке, недостаток продовольствия продолжает оставаться постоянным фактором жизни сотен миллионов людей, обреченных с момента рождения на нищенское полуголодное существование. При этом прогнозы на будущее, несмотря на несомненные успехи «зеленой революции», являются тревожными, а по мнению многих специалистов – трагическими.

Но и в развитых странах люди сталкиваются с очень серьезными проблемами. Среди них – тяжелые последствия неумеренной урбанизации, потеря социальной и психологической устойчивости общества, непрерывная изнуряющая гонка моды и сверхпроизводства, бешеный, безумный темп жизни и ее изменений, рост числа нервных и психических заболеваний, отрыв все большего числа людей от природы и нормальной, традиционной человеческой жизни, разрушение семьи

и простых человеческих радостей, упадок морально-этических устоев общества и ослабление чувства цели и осмысленности жизни. На этом фоне возникают многочисленные уродливые явления – рост преступности, алкоголизма, наркомании, терроризма и т.п. Надвигающееся истощение ресурсов Земли, угроза перенаселения, многократно углубленные международными политическими и социальными проблемами, начинают все сильнее давить на жизнь также и в развитых странах, лишая (или угрожая лишить) многих людей ставших уже привычными излишества, удобства и комфорта.

Сахаров закончил лекцию словами о том, что бороться необходимо за каждую жертву несправедливости и нарушений прав человека, и от этого во многом зависит все наше будущее.

Стремясь к защите прав людей, мы должны выступать, по моему убеждению, в первую очередь как защитники невинных жертв существующих в разных странах режимов, без требования сокрушения и тотального осуждения этих режимов. Нужны реформы, а не революции. Нужно гибкое, плюралистическое и терпимое общество, воплощающее в себе дух поиска, обсуждения и свободного, не догматического использования достижений всех социальных систем. Что это – разрядка? конвергенция? – дело не в словах, а в нашей решимости создать лучшее, более доброе общество, лучший мировой порядок.

Тысячелетия назад человеческие племена проходили суровый отбор на выживаемость; и в этой борьбе было важно не только умение владеть дубинкой, но и способность к разуму, к сохранению традиций, способность к альтруистической взаимопомощи членов племени. Сегодня все человечество в целом держит подобный же экзамен. В бесконечном пространстве должны существовать многие цивилизации, в том числе более разумные, более «удачные», чем наша. Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой космологическое развитие Вселенной повторяется в основных своих чертах бесконечное

число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более «удачные», должны существовать бесконечное число раз на «предыдущих» и «последующих» к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалить нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели.²⁷

Открытое письмо президенту Академии наук СССР

Вот несколько отрывков из открытого письма, которое Сахаров 20 октября 1980 г. направил из горьковской ссылки президенту Академии наук. Ответа он не получил.

... Я считаю важным изложить свою позицию по принципиальным вопросам, дать оценку действиям органов власти в моем деле, ответить на некоторые публичные обвинения, а также дать оценку позиции, занятой моими коллегами в СССР, в частности Академией наук и ее руководителями.

Моя жизнь сложилась так, что я на протяжении двух десятилетий находился среди тех, кто был занят военно-научными и военно-конструкторскими работами, и сам принимал в них активное участие, а затем более двенадцати лет – среди людей, ставящих своей задачей ненасильственную борьбу за соблюдение прав человека и законность. Эта судьба заставила меня с особой остротой воспринимать вопросы войны и мира, международной безопасности, международного доверия и разоружения и вопросы прав человека, открытости общества, напряженно размышлять об этих проблемах в их взаимосвязи. Так сформировалась моя позиция. Во многом она оказалась неортодоксальной,

27. *Тревога и надежда*. Т. 1. с. 369-373; 389-390. © Nobel Foundation 1975.

идущей вразрез с официальной линией и с моей собственной оценкой в более ранние годы. Это в конечном итоге полностью изменило мою жизнь, изменило цели и идеалы.

Еще очень рано я пришел к выводу, что при страстной воле всего народа к миру и при несомненном желании руководителей государства избежать большой войны в своей практической внешней политике они зачастую руководствуются крайне опасной, по моему мнению, «геополитической» стратегией силы и экспансии и стремлением подавить, разложить потенциального противника. Но, разлагая «противника», мы разлагаем мир, в котором живем. ...

Я убежден, что предотвращение термоядерной войны, угрожающей человечеству гибелью, является самой важной задачей, имеющей абсолютный приоритет над всеми остальными проблемами нашей жизни. Пути ее решения – политические, политико-экономические, создание международного доверия открытых обществ, безусловное соблюдение основных гражданских и политических прав человека и – разоружение. ...

Я против международного терроризма, разрушающего мир, какими бы целями ни руководствовались его участники. Государства, реально стремящиеся к стабилизации в мире, не должны его поддерживать ни при каких обстоятельствах.

Важнейший тезис, который со временем лег в основу моей позиции, – неразрывная связь международной безопасности, международного доверия и соблюдения прав человека, открытости общества. Этот тезис вошел составной частью в Заключительный акт Хельсинкского совещания, но слова здесь расходятся с делом, в особенности в СССР и странах Восточной Европы. Я узнал о масштабах и цинизме, с которыми нарушаются основные гражданские и политические права в СССР, в том числе право на свободу убеждений и свободу информации,

право на свободный выбор страны проживания (т.е. на эмиграцию и возвращение), на выбор места проживания в пределах страны, право на беспристрастный суд и защиту в суде, право на свободу религии. Без соблюдения этих прав общество является «закрытым», потенциально опасным для человечества и осужденным на деградацию. Я узнал людей, которые поставили своей целью бороться за права человека путем гласности, принципиально отвергая насилие, и о жесточайших преследованиях их властями, увидел воочию несправедливые суды, увидел наглость КГБ, узнал о тяжелейших условиях в местах заключения. Я стал одним из этих людей, которых Вы назвали «чуждой кликой» и даже обвинили в измене, но они мои друзья, и я именно в них вижу светлую силу нашего народа. ...

Другими глазами посмотрел я на экономические, и в особенности продовольственные, трудности в СССР, на кастовую партийно-бюрократическую элиту с ее привилегиями, на косность системы производства, на угрожающие признаки бюрократического извращения и омертвления всей жизни страны, на всеобщее равнодушие к результатам труда, на безликое государство (когда всем все до лампочки), на коррупцию, блат и уродующие человека вынужденные лавирование и лицемерие, на алкоголизм, на цензуру и наглое вранье прессы, на безумные нарушения среды обитания – почвы, лугов, чистоты воздуха, лесов, рек и озер. Необходимость глубоких экономических и социальных реформ в СССР очевидна многим в стране, но их проведение наталкивается на противодействие части правящей бюрократии, и все продолжается по-старому – приевшиеся лозунги, все же что-то делается, а больше – проваливается. Между тем военно-промышленный комплекс и КГБ набирают силу, угрожая стабильности во всем мире, а сверхмилитаризация поедает все ресурсы.

Моим идеалом стало открытое плюралистическое общество с безусловным соблюдением основных гражданских и политических прав человека, общество со смешанной экономикой, осуществляющее научно

регулируемый всесторонний прогресс. Я высказал предположение, что такое общество должно возникнуть как результат мирного сближения («конвергенции») социалистической и капиталистической систем и что в этом – главное условие спасения мира от термоядерной катастрофы.

Наша страна половину своей истории прожила в обстановке чудовищных преступлений сталинского режима. Хотя на словах действия Сталина официально осуждены, но масштабы сталинских преступлений и их конкретные проявления тщательно скрываются от народа, а разоблачители преследуются за мнимую клевету. Террор и голод эпохи коллективизации, убийство Кирова и уничтожение культурных, гражданских, военных и партийных кадров, геноцид при переселении «наказанных» народов, лагеря каторжного труда и гибель многих миллионов в них, заигрывание с Гитлером, обернувшееся национальной трагедией, репрессии против оказавшихся в плену, антирабочие законы, убийство Михоэлса и возрождение государственного антисемитизма – все эти язвы должны быть вскрыты с абсолютной окончательностью. Народ без исторической памяти обречен на деградацию. Как мне известно, Вы в той или иной мере разделяли эту точку зрения раньше, и я надеюсь, что Ваша позиция не изменилась.

Свою концепцию я изложил в 1968–1980 годах в серии статей, выступлений и интервью. Вместо серьезной дискуссии официальная пропаганда ответила умышленными искажениями моей позиции, ее о карикатурированием, руганью и клеветой. А в жизни я столкнулся со все большими преследованиями, угрозами мне и особенно моим близким – и, наконец, с бессудной депортацией. ...

Да, я в лучших условиях, чем те мои друзья, которые осуждены на многолетние сроки или ждут суда, среди них много наших с Вами коллег, назову лишь некоторых – биолог Ковалев, физик-теоретик Орлов, математики Великанова и Лавут, молодой ученый-кибернетик Щаранский, медики Некипелов и Терновский, математик-кибернетик

Болонкин (только последнего я не знаю лично). Все они не нарушали законов страны, не прибегали и не призывали к насилию, словом и пером пытаюсь осуществить свои идеалы, как и я, и нас нельзя отделять. Я считаю, что было бы естественно, если б Академия наук защищала репрессированных ученых, а не допускала в лице ее президента клеветы в их адрес. Но мое дело отличается тем, что в нем власти отбросили даже ту жалкую имитацию законности, которую они изображали при преследовании инакомыслящих в последние годы. И это недопустимо – как прецедент и как рецидив. Ни одно из официальных учреждений, призванных осуществлять закон, не взяло на себя ответственности за акт моей депортации.

Вы знаете так же хорошо, как и я, что по общепринятым юридическим нормам только суд может установить виновность человека, определить ему меру наказания и обязательно – его срок. Мое же дело во всех этих трех аспектах – вопиющее беззаконие, поэтому мое требование открытого суда – глубоко серьезно и принципиально. ...

Перед Общим собранием АН СССР в марте 1980 года я обратился в президиум АН СССР с просьбой обеспечить мой приезд для участия в собрании, что является моим правом и обязанностью согласно Уставу. Я получил ответ: «Ваше участие в общем собрании не предусматривается». Смысл этих слов был наглядно продемонстрирован действиями гебистов, с пистолетами в руках не пустивших меня в вагон поезда Горький-Москва вечером 4 марта, накануне Общего собрания, когда я провожал на вокзал свою тещу и хотел занести ее чемоданы. Таким образом, президиум АН допустил возможность вмешательства КГБ в дела академии, формально оставив меня членом АН, но лишив одного из основных прав академика.

Посылая Вам это открытое письмо, я надеюсь, что Вы аргументированно ответите мне так же открыто по всем поднятым в нем вопросам, особо же по следующим из них:

Готово ли руководство АН СССР в соответствии с пожеланиями мировой научной общественности активно защищать мои нарушенные права и права других репрессированных ученых?

Готово ли руководство АН СССР потребовать моего немедленного возвращения в Москву и определения открытым судом моей виновности или невиновности в нарушении закона и в случае установления вины – меры и срока наказания?

Я вновь обращаю Ваше внимание на то, что позиция Академии наук и ее руководства не только в моем деле, но и в делах других репрессированных ученых не соответствует традиционному пониманию солидарности ученых. Сейчас ученые несут на себе большую долю ответственности за судьбы мира, и это обязывает их к независимости от кастово-бюрократических институтов и тем более от тайной полиции, называется ли она ФБР или КГБ. Я все еще надеюсь, что Академия наук СССР проявит такую независимость.²⁸

Опасность термоядерной войны

Свои взгляды на опасность термоядерной войны Сахаров подробно изложил в открытом письме, направленном 2 февраля 1983 г. доктору Сиднею Дреллу, заместителю директора Стэнфордского центра линейных ускорителей. Свое письмо он завершил следующими словами:

В заключение я еще раз подчеркиваю, насколько важно всеобщее понимание абсолютной недопустимости ядерной войны – коллективного самоубийства человечества. Ядерную войну невозможно выиграть. Необходимо планомерно – хотя и осторожно – стремиться к полному ядерному разоружению на основе стратегического равновесия обычных вооружений. Пока в мире существует ядерное оружие, необходимо

28. «Открытое письмо президенту Академии Наук СССР А.П. Александрову» // *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 543-551, 557-558.

такое стратегическое равновесие ядерных сил, при котором ни одна из сторон не может решиться на ограниченную или региональную ядерную войну. Подлинная безопасность возможна лишь на основе стабилизации международных отношений, отказа от политической экспансии, укрепления международного доверия, открытости и плюрализации социалистических обществ, соблюдения прав человека во всем мире, сближения – конвергенции – социалистической и капиталистической систем, общемировой согласованной работы по решению глобальных проблем.²⁹

Неизбежность перестройки

«Неизбежность перестройки» была последней в ряду работ Сахарова, более или менее полно отражающих его взгляды, который начался с «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Она была опубликована в марте 1988 г. в сборнике статей о перестройке «Иного не дано» под редакцией Юрия Афанасьева, вышедшем в издательстве «Прогресс».³⁰

Наше общество оказалось (не «вдруг», конечно, а в результате сложного исторического процесса) глубоко больным. Симптомы болезни – последняя стадия которой получила название «эпоха застоя» – известны, в какой-то мере мы понимаем ее причины и внутренние механизмы (хотя до полной глубинной ясности еще далеко).

В первую очередь это отсутствие плюрализма в структуре власти, в экономике (за исключением периода нэпа), в идеологии. С этим тесно связана бюрократизация всей жизни страны. Все нити управления концентрируются в руках людей, обладающих властью в силу должности в государственно-хозяйственном или партийном аппарате и образующих

29. Тревога и надежда. Т. 1. С. 617-618.

30. Тревога и надежда. Т. 2. С. 113-145.

особый социальный «бюрократический» слой. Бюрократия – необходимая часть современного общества, организованного общества вообще. Всюду с ее функционированием, часто весьма полезным, бывают также в той или иной мере связаны некоторые негативные явления – административно-командная структура управления с механическим подчинением средних звеньев вышестоящим инстанциям и пренебрежением демократическим контролем снизу, иногда вопреки интересам дела, элитарность, потеря гибкости. Но в «антиплюралистических» условиях нашей страны эти явления приобрели качественно иной, самодовлеющий характер.

Возникла новая общественная сила, олицетворением которой надолго стал Сталин. Это не значит, однако, что у бюрократии при Сталине была легкая жизнь. Фактически в тот период сформировалась единоличная диктатура, усугубленная жестокостью и другими общеизвестными качествами Сталина. Но «мандат» на власть он получил от бюрократии, правда, не только от нее.

Новая сила показала свои «зубы», ликвидировав нэп. Можно предполагать, что именно нэп мог бы явиться базисом плюралистического развития нашего общества в сочетании с добровольным (т.е. частичным!) производственным кооперированием в деревне и рациональным строительством государственной промышленности на здоровой экономической основе. Но именно это было бы неприемлемо для «новой бюрократии».

Что было потом – известно. Насильственная коллективизация и раскулачивание, разорение крестьянства ради темпов индустриализации. Голод с чудовищной изоляцией обреченных на смерть районов. Практически никакой помощи умирающим с голоду. Именно в это время вывоз хлеба и леса на Запад достигает максимального уровня. Потом «великий террор», охвативший не только старую

революционную гвардию и военачальников, но и все живые силы общества с трагическим апогеем в 1937 году. Потом многое другое...

Предпринятая Хрущевым и его помощниками попытка реформ так же, как экономическая реформа 60-х годов, встретила сопротивление «номенклатуры» и оказалась (особенно последняя) почти бесплодной. Эти неудачи в значительной степени предопределили психологический климат последующих десятилетий. Еще одна попытка «перестройки» в пределах соцлагеря была подавлена танками в 1968 году.

И все же после XX съезда КПСС система избавилась от крайностей и эксцессов сталинского периода, стала более «цивилизованной», с лицом если и не совсем человеческим, но, во всяком случае, не тигриным. Более того, в каком-то смысле эта эпоха была психологически комфортной для некоторой части населения. И в то же время она действительно была эпохой застоя, страна все более и более заходила в тупик!

В этот период возможности экстенсивного развития хозяйства уже исчерпали себя, а к интенсивному развитию система оказалась неспособной. Технический прогресс не выгоден хозяйственникам, действующим в рамках административно-бюрократической структуры, новинки не внедряются и даже не разрабатываются (так как бюрократизация захватывает и сферу науки). Большая часть научно-технических идей приходит с Запада, при этом часто с опозданием на годы и десятилетия. Фактически страна все больше выпадает из общемировой научно-технической революции, становится ее «паразитом». Эффективность вложений в народное хозяйство катастрофически падает. В строительстве преобладает «долгострой». Общий итог всего этого мы находим в недавнем заявлении М. С. Горбачева – уже 4 пятилетки нет абсолютного прироста национального дохода, а в 80-е годы наблюдалось даже его снижение. Сельское хозяйство страны находится в состоянии

перманентного кризиса, в результате – низкое качество питания населения, скудость ассортимента продовольственных магазинов, необходимость закупок зерна и других продуктов сельского хозяйства за границей. Бюрократия при этом с особой силой противостоит всем инициативам, направленным на усиление самостоятельности низших звеньев хозяйственного механизма и реальной материальной заинтересованности людей в конечном результате их труда. Так был уничтожен Худенко, один из предтеч перестройки; как известно, он был обвинен в нарушении финансовой дисциплины и погиб в лагере³¹.

Другая сторона эпохи власти бюрократии, тесно связанная с экономическими уродствами, не менее трагическая – нравственная деградация общества. В прессе, радио и телевидении, в школе, комсомоле, вузе, семье процветают лицемерие и ложь. Многократно обманутые красивыми словами люди больше уже не верят им, общество охватывает всеобщее безразличие. Особенно тяжело эта давящая психологическая обстановка сказывается на молодежи, разлагая и развращая ее.

Бюрократия далеко не бескорыстна. Прикрываясь демагогической фразеологией, она попирает социальную справедливость во всех сферах материальной жизни – таких, как проблема жилья, качество здравоохранения (большая часть населения, в частности, лишена возможности приобретения современных лекарств), качество образования и др. Зарплата значительной части трудящихся искусственно занижена, что означает фактически скрытый налог, основная тяжесть которого ложится на людей с меньшим уровнем дохода. Особенно занижена

31. Иван Худенко, агроном, получил возможность возглавить в 1964-1972 г.г. совхоз в Казахстане с правом самостоятельно подбирать работников и устанавливать размер оплаты их труда. За время его директорства производительность труда выросла в четыре раза, оплата труда – в восемь раз, а доходы совхоза – еще больше. Сельскохозяйственная бюрократия организовала фабрикацию уголовного дела против Худенко. Его экспериментальное хозяйство было ликвидировано, а сам он в 1973 г. был приговорен к 6 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере, где и умер в 1974 г. В 1989 г. был «реабилитирован». См.: Ваксберг А. *Советская мафия*. Стокгольм. 1991. [Ред.]

зарплата в наиболее массовых интеллигентных профессиях. Постыдно малы пенсии у подавляющей массы пенсионеров. Одновременно существуют элитарные группы населения, обладающие огромными социально несправедливыми привилегиями.

Социальный портрет эпохи застоя будет неполным, если не отметить колоссального развития различных форм коррупции; возникают чисто мафиозные группы, сращенные с местным партийным и государственным аппаратом, от которого, как правило, нити тянутся вверх. Классический пример – узбекистанская мафия с ее многомиллиардными хищениями и приписками к производству хлопка, систематическим взяточничеством, эксплуатацией уборщиков хлопка, при этом тысячи людей, особенно детей, стали жертвами бесконтрольного массового применения дефолиантов и других химикатов с жесточайшими расправами над недовольными в подземных личных тюрьмах и психушках.

В сталинское время рабский труд миллионов заключенных, погибавших в чудовищной системе ГУЛАГа, играл существенную экономическую роль, в особенности в освоении плохо обжитых районов Востока и Севера. Конечно, эта система была не только безмерно бесчеловечной и преступной, но и неэффективной, это была часть экстенсивной расточительной экономики того времени, не говоря уж об отдаленных последствиях варварского уничтожения человеческого потенциала страны. В последние десятилетия размах этой рабовладельческой экономики существенно уменьшился, но все же, по-видимому, от одного до двух миллионов людей находится в лагерях и на так называемой «химии».

Режим в местах заключения и сейчас очень тяжел, не соответствует современным стандартам и требованиям гуманности. Заключенные

страдают от непосильного труда, плохого питания, от ограничения свиданий (разрешенных очень редко и только с родными), от произвола начальства. Сроки заключения непомерно велики. Лагеря и тюрьмы сейчас в отличие от сталинских времен пополняются в основном людьми, осужденными за уголовные преступления. Однако наша судебная и следственная система очень несовершенна (в последние годы гласности данные об этом проникли на страницы прессы). Нравственный и юридический уровень судей часто низок, они зависят от местного начальства, приговоры часто не мотивированы, повторяют выводы предвзятого следствия, иногда основанного на вынужденных избиениями признаниях обвиняемых. При этом наиболее опасные преступники оказывались безнаказанными, а некоторые занимали высокие посты; сращенной с этой мафией оказывалась в ряде случаев и милиция, МВД, прокуратура и суды.

Лагерный мир... Это дно нашего общества. Его ужас, серая беспросветность отражают в себе всю глубину социальной трагичности и нравственной ущербности нашей жизни, так же как быт и трагедия детских домов и детских колоний, о которых теперь стала писать наша пресса и показывать телевидение. Эти две стороны жизни тесно соприкасаются. Часто приходится слышать, что среди заключенных непомерно много воспитанников детских домов, слышать о жестоких приговорах им. Казалось бы, к этим обездоленным людям надо бы относиться особенно снисходительно. Но часто бывает наоборот. Очень часты также несправедливые и жестокие приговоры бывшим заключенным. В 70-х годах я получал сотни писем, в которых нашли отражение все эти темы (а также в особенности тема эмиграции). Помочь кому-либо было не в моих силах.

Что касается КГБ, то в 70–80-е годы очень характерно новое усиление этой организации, после некоторой потери влияния в 50–60-е годы. При

этом роль КГБ оказывается неоднозначной. С одной стороны – безжалостные репрессии против инакомыслящих. Как известно, в конце 60-х годов (или несколько ранее) в нашей стране возникли относительно немногочисленные, но принципиально важные общественные движения, психологически и морально подготавливающие необходимую плюралистическую эволюцию общества. В особенности мне близки те, кто решился на активные действия в защиту гласности и принципов прав человека. Среди них – издатели знаменитого информационного сборника «Хроника текущих событий». Этот машинописный самиздатовский сборник с огромными жертвами и самоотверженностью издавался (с небольшим перерывом) более 13 лет. Он информировал советскую и мировую общественность о несправедливых судах, психиатрических репрессиях, условиях в местах заключения, о наболевших проблемах эмиграции, религиозной и национальной жизни. Другие группы инакомыслящих связаны с теми или иными частными проблемами, в том числе с некоторыми из перечисленных.

Инакомыслящие в 70–80-е годы жестоко преследовались, многие из них долгие годы провели в тюрьмах, лагерях и в психиатрических больницах. Многие погибли в заключении, среди них Юрий Кукук, замечательный украинский поэт Василь Стус, учитель Алекса Тихий, рабочий и писатель Анатолий Марченко. Особо жестокой и социально опасной являлась практика использования в политических целях психиатрии (эта опасность не уменьшается тем, что большей частью жертвами психиатрических репрессий становятся люди, нуждающиеся в доброй помощи психиатра, и лишь изредка – вполне здоровые, как, например, недавно умерший за рубежом один из выдающихся людей нашего времени генерал Петр Григорьевич Григоренко). Справедливости ради надо сказать, что масштаб политических репрессий в «годы застоя» был несравнимо меньше сталинского.

Существовали ли связи КГБ с возникшим в 60–70-е годы «террористическим интернационалом», другими деструктивными акциями? Это

важный вопрос, требующий детального непредвзятого изучения в обстановке гласности (подобно тому, как аналогичное изучение было проведено в США в отношении ЦРУ). Я уверен, что высшие интересы страны требуют полной правды о прошлом и настоящем, какой бы она ни была трудной. В нашей жизни не должно быть недоступных свету уголков. Это гораздо важнее, чем так называемые соображения «государственной безопасности», специфика секретных служб и т.п. (конечно, «открывать» резидентов я не призываю!).

С другой стороны, именно КГБ оказался благодаря своей элитарности почти единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии. Эта двойственность отразилась в личной судьбе и позиции руководителя КГБ [1967-1982] Ю. В. Андропова. Став во главе государства, он продолжил борьбу с коррупцией и преступностью, но не сделал никаких других шагов в преодолении негативных явлений эпохи застоя.

Особо необходимо сказать о международной политике последних десятилетий. В ней тоже проявились черты застоя, недостатка гибкости, отсутствие принципиально нового подхода к беспрецедентным проблемам современности.

Доверие к СССР, а значит, международная безопасность непрерывно падали. Шумные, часто инспирированные акции «борьбы за мир» тут ничего не меняли.

Особенно большое, трагическое значение имели действия СССР в отношении Афганистана. Ввод войск вызвал острую реакцию национального сопротивления, СССР ответил жестокой многолетней войной, принесшей огромные страдания и жертвы всему афганскому народу. Число афганцев, погибших в результате «войны кишлаков», превышает

600 тысяч и, вероятно, близко к 1 млн. человек, в стране голод и эпидемии, число беженцев больше 4 млн. человек, т.е. около одной четверти населения страны. Погибло и искалечено много советских солдат. Участие в несправедливой войне имеет для СССР пагубные психологические и социальные последствия. События в Афганистане стали главным источником международной напряженности и недоверия в большом регионе, угрозой миру во всем мире. Афганская авантюра как бы воплотила в себе всю опасность и иррациональность закрытого тоталитарного общества.

Такова общая картина тупика, застоя, как она вырисовалась к середине 80-х годов. К счастью, в СССР нашлись здоровые силы, осознавшие, что дальше так продолжаться не может. Лозунги перестройки, ее идеология известны. Это экономическая реформа, гласность, демократизация, в особенности новые принципы выдвижения руководителей, социальная справедливость, новое политическое мышление, провозглашающее приоритет общечеловеческих целей выживания и общемирового развития над всеми государственными, классовыми, национальными, ведомственными и частными интересами.

Реальна ли программа перестройки? Этот вопрос волнует сейчас всех.

Прежде всего я хочу подчеркнуть, что убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки. Это как на войне. Победа необходима. Но неизбежны большие трудности и препятствия экономического, психологического, организационного характера. Народ проходил на протяжении десятилетий развращающую «антишколу», приучавшую многих не работать, а только создавать видимость работы, приучавшую к лицемерию, лжи, эгоизму и приспособленчеству (говоря «народ», я имею в виду и интеллигенцию). Сохранились ли в нем достаточные внутренние нравственные силы? Если этих сил мало, то наш путь

будет медленным, противоречивым, с отступлениями и падениями. Но я верю, что в народе всегда, в особенности в молодежи, под наносной оболочкой горит живой огонь. Он должен дать о себе знать. Это зависит от всех нас. Нужна нравственная и материальная мотивация перестройки, заинтересованность каждого в ее успехе! И еще – чувство большой общей цели, такое по заказу и уговорам не получается, но без этого все повиснет в воздухе. Народ должен поверить, что ему говорят правду, – а для этого нужно одно – говорить только правду и всю правду и всегда подтверждать слова делами.

Но и в любом, даже самом благоприятном случае будут большие трудности. Уже сейчас переход к самокупаемости и самофинансированию, к новым системам снабжения и кооперирования приводит к потере многими части их доходов и даже работы. А ведь это только начало трудного пути. Поменьше бы при этом глупостей и побольше здравого смысла и чувства ответственности. Главные препятствия перестройки – в общей косности сложившейся десятилетиями административно-бюрократической системы, в реальных интересах миллионов ее деятелей на всех уровнях. Саморегулирующаяся эффективная система им просто не нужна, они окажутся как бы не у дел. Отсюда опасность того, что кто-то активно или пассивно, по неумению, будет мешать перестройке, исказить, карикатуризировать ее. И представлять ее временные трудности как окончательный провал. Через все это придется пройти.

О чем же я думаю, что жду от перестройки?

Прежде всего – о гласности. Именно гласность должна создать в стране новый нравственный климат! Общепризнанно, что в этой сфере мы шагнули дальше всего. Все меньше запретных тем, мы начинаем видеть свое общество таким, какое оно было в прошлом и есть в настоящем.

Люди должны знать правду и должны иметь возможность беспрепятственно выражать свои мысли. Развращающая ложь, умолчание и лицемерие должны уйти навсегда и бесповоротно из нашей жизни. Только внутренне свободный человек может быть инициативным, как это необходимо обществу.

Другая, не менее важная основа нравственного здоровья общества – социальная справедливость. Тема эта широкая и многосторонняя...

Как я уже писал, в 70-х и 80-х годах происходили жестокие преследования инакомыслящих. В течение 1987 года большая часть узников совести – т.е., по терминологии международной правозащитной организации Эмнести Интернешнл, людей, репрессированных за убеждения и связанных с убеждениями ненасильственных действий, – была освобождена (еще раньше были освобождены Анатолий Щаранский, Юрий Орлов, автор этой статьи и моя жена Елена Боннэр). Однако все еще остается в заключении около 20 осужденных по статье 70 Уголовного кодекса РСФСР (включая ссыльных), а также некоторые осужденные по другим статьям и находящиеся в психиатрических больницах. Все они должны быть освобождены. Это чрезвычайно важно в нравственном отношении, для оздоровления всей обстановки в стране, для преодоления «инерции страха» (название одной из самиздатовских книг)³². Психологически и политически важно, чтобы все узники совести были реабилитированы, а не просто «втихую» освобождены как помилованные. Пора уже отойти от системы реабилитировать невиновных посмертно, а не при жизни. Требования в 1987 году от узников совести заявлений о помиловании, конечно, были неправомерны с нравственной и юридической точек зрения. Не менее важно – отмена всех тех статей Кодекса, по которым имели место преследования за убеждения.

32. Имеется в виду книга Валентина Турчина, *Инерция страха. Социализм и тоталитаризм*, Нью-Йорк. Издательство Хроника-пресс, 1977.

Это – уже упомянутая статья 70 УК РСФСР (и аналогичные статьи союзных республик), почти буквально списанная с одного из пунктов трагически знаменитой 58-й статьи сталинского кодекса. Это статья 190-1: «заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй»; суды не утруждали себя доказательством или анализом «заведомой ложности». Это две статьи, допускающие преследования за религиозную деятельность, – 142 и 227 УК РСФСР. Конечно, необходима гуманизация пенитенциарной системы в соответствии с международными нормами.

Необходима также полная отмена института смертной казни. Беккариа, Гюго, Толстой и другие писатели и гуманисты прошлого открыли людям глаза на психологическую бесчеловечность смертной казни. В судебной практике неизбежны ошибки, в случае смертного приговора исправление их невозможно. Отмена смертной казни, несомненно, будет способствовать гуманизации общества. К сожалению, многие не верят в это и, возмущенные известными им преступлениями, продолжают возражать против отмены смертной казни. Я надеюсь, что их точка зрения не возобладает.

Перестройка должна способствовать «открытости общества» как одного из основных условий нравственного и экономического здоровья страны, международного доверия и безопасности. Понятие открытости включает в себя контроль общественности за принятием ключевых решений (повторение ошибки вторжения в Афганистан должно быть невозможным), свободу убеждений, свободу получения и распространения информации, свободу выбора страны проживания и места проживания внутри страны. Все эти положения сформулированы в одном из важнейших документов нашего времени – «Всеобщей декларации прав человека» (ООН, 1948 г.) и в Пактах о правах человека ООН, ратифицированных СССР. На последний из этих документов имеется также ссылка в Хельсинкском акте. Коротко остановлюсь на последних двух правах.

Свобода выбора страны проживания подразумевает право эмиграции и право возвращения. Право эмиграции не сводится к объединению семей, поэтому совершенно неправомерно требование так называемых «вызовов» от родственников, тем более – от ближайших родственников (сейчас очень многим отказывают в принятии заявления на эмиграцию по причине недостаточно близкого родства с лицом, пославшим вызов; а при отсутствии вызова вообще не разговаривают). В своем полном виде право на эмиграцию имеет большое социальное, политическое и международное значение, давая каждому гражданину возможность лично выбирать то общественно-экономическое устройство, которое является для него наилучшим. Границы между странами в некотором смысле исчезают. В конечном итоге это будет важной гарантией мира. Выбор при этом не должен иметь окончательного, фатального характера, люди должны иметь возможность пересмотреть свои оценки, исправить ошибку – поэтому так важно дополнение права на эмиграцию правом на возвращение.

Перехожу к проблемам мира и разоружения. Они всегда лежали в центре моих общественных выступлений, начиная с первой опубликованной в 1968 году в «самиздате» и на Западе статьи «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Эпоха гласности дала мне возможность изложить свои взгляды непосредственно перед советской аудиторией.

В более широком аспекте я считаю возможным и необходимым рассмотреть вопрос об осуществлении СССР смелого, грандиозного по своему общечеловеческому значению шага – сокращения в одностороннем порядке срока службы в армии, флоте и авиации (ориентировочно – в 2 раза), тем самым уменьшения численности вооруженных сил с одновременным сокращением (в той же пропорции) всех видов вооружений (но, вероятно, с относительно меньшим сокращением офицерского

состава). Конечно, такое решение может быть принято после всестороннего учета всех возможных последствий, в том числе – для военной безопасности СССР и других стран социалистического содружества, а также с учетом социальных и демографических факторов. Необходимо также исходить из прогнозов развития международной обстановки, возможных ее осложнений. Но нельзя не учитывать того, что лежит на противоположной чаше весов!

Предполагаемый шаг сразу и кардинально изменит всю ситуацию в мире. Откроется прямая дорога к глубокому и всестороннему разоружению, к сбалансированному сокращению обычных и ядерных вооружений, вплоть до полного уничтожения ядерного оружия! Укрепитесь международное доверие. Это будет, в частности, способствовать урегулированию региональных конфликтов на всех континентах. Разоружение освободит огромные материальные средства, так необходимые для перестройки в СССР, а в общемировом масштабе – для решения социальных, экологических и других всеобщих проблем, для борьбы с голодом, болезнями, для преодоления неравномерности общемирового развития.

Значительными будут социальные последствия сокращения срока службы в армии внутри страны. Облегчится возвращение юношей к производительному труду и учебе. Произойдет также оздоровление внутренних отношений в армии – исчезнут корни так называемой «дедовщины» (помыкание солдатами первого года службы). Сокращение срока службы в армии вполне возможно, в частности, и потому, что в армию приходят сейчас гораздо более подготовленные ребята, чем, скажем, в 30-е годы; многие из них знакомы с трактором, автомобилем, радио; обучить их военным специальностям можно значительно быстрее!

Отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете – настоятельная необходимость

современного этапа мировой истории. Это, как я убежден, возможно лишь в результате глубоких геополитических, социально-экономических и идеологических изменений в направлении сближения (конвергенции) капиталистической и социалистической систем и открытости общества, при достижении большего равновесия всех рас и народов не только юридически, но и в экономическом, культурном и социальном отношении.

25 марта 1988 г.

Речь при закрытии 1-го съезда народных депутатов

Сахаров был избран делегатом на Первый съезд народных депутатов в апреле 1989 г. Вот несколько отрывков из его речи при закрытии съезда в июне 1989 г. Сам Сахаров придавал ей большое значение и включил ее текст в книгу «Горький, Москва, далее везде».

Я должен объяснить, почему я голосовал против утверждения итогового документа Съезда. В этом документе содержится много правильных и очень важных положений, много принципиально новых и прогрессивных идей. Но я считаю, что Съезд не решил стоящей перед ним ключевой политической задачи, воплощенной в лозунге: «Вся власть Советам!». Съезд отказался даже от обсуждения «Декрета о власти».

До того, как будет решена эта политическая задача, фактически невозможно реальное решение всего комплекса неотложных экономических, социальных, национальных и экологических проблем.

Съезд народных депутатов СССР избрал Председателя Верховного Совета СССР в первый же день без широкой политической дискуссии и хотя бы символической альтернативности. По моему мнению, Съезд совершил серьезную ошибку, уменьшив в значительной степени свои

возможности влиять на формирование политики страны, оказав тем самым плохую услугу и избранному Председателю.

По действующей конституции Председатель Верховного Совета СССР обладает абсолютной, практически ничем не ограниченной личной властью. Сосредоточение такой власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек инициатор перестройки. В частности, возможно закулисное давление. А если когда-нибудь это будет кто-то другой?

Постройка государственного дома началась с крыши, что явно не лучший способ действий. То же самое повторилось при выборах Верховного Совета. По большинству делегаций происходило просто назначение, а затем формальное утверждение Съездом людей, из которых многие не готовы к законодательной деятельности. Члены Верховного Совета должны оставить свою прежнюю работу «как правило» – нарочито расплывчатая формулировка, при которой в Верховном Совете оказываются «свадебные генералы». Такой Верховный Совет будет – как можно опасаться – просто ширмой для реальной власти Председателя Верховного Совета и партийно – государственного аппарата.

В стране, в условиях надвигающейся экономической катастрофы и трагического обострения межнациональных отношений происходят мощные и опасные процессы, одним из проявлений которых является всеобщий кризис доверия народа к руководству страны. Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя надеждой постепенных перемен к лучшему в далеком будущем, нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями.

Товарищи депутаты, на вас сейчас – именно сейчас! – ложится огромная историческая ответственность. Необходимы политические решения, без которых невозможно укрепление власти советских органов на местах и решение экономических, социальных, экологических,

национальных проблем. Если Съезд народных депутатов СССР не может взять власть в свои руки здесь, то нет ни малейшей надежды, что ее смогут взять Советы в республиках, областях, районах, селах. Но без сильных Советов на местах невозможна земельная реформа и вообще какая-либо эффективная аграрная политика, отличающаяся от бессмысленных реанимационных вливаний нерентабельным колхозам. Без сильного Съезда и сильных, независимых Советов невозможны преодоление диктата ведомств, выработка и осуществление законов о предприятии, борьба с экологическим безумием.

Съезд призван защитить демократические принципы народовластия и тем самым – необратимость перестройки и гармоническое развитие страны.

9 июня Сахаров вновь обратился к Съезду с призывом принять Декрет о власти, который должен был демократизировать отправление власти в стране, в том числе и путем отмены Статьи 6 Конституции СССР, объявлявшей Коммунистическую партию руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы и всех государственных и общественных организаций. Декрет должен был также объявить Верховный Совет рабочим органом Съезда, поручить разработку проектов законов комиссиям и комитетам, ответственным перед Съездом, и ограничить функции КГБ защитой международной безопасности СССР.

В том же выступлении Сахаров поднял еще несколько важных проблем, которые, по его мнению, Съезду необходимо было рассмотреть как можно скорее.

Национальные проблемы. Мы получили в наследство от сталинизма национально-конституционную структуру, несущую на себе печать имперского мышления и имперской политики «разделяй и властвуй». Жертвой этого наследия являются малые Союзные республики и малые национальные образования, входящие в состав Союзных республик по

принципу административную подчинения. Они на протяжении десятилетий подвергались национальному угнетению. Сейчас эти проблемы драматически выплеснулись на поверхность. Но не в меньшей степени жертвой явились большие народы, в том числе русский народ, на плечи которого лег основной груз имперских амбиций и последствий авантюризма и догматизма во внешней и внутренней политике.

[В нынешней острой межнациональной ситуации] необходимы срочные меры. Я предлагаю переход к федеративной (горизонтальной) системе национально-конституционного устройства. Эта система предусматривает предоставление всем существующим национально-территориальным образованиям, вне зависимости от их размера и нынешнего статуса, равных политических, юридических и экономических прав, с сохранением теперешних границ (со временем возможны и, вероятно, будут необходимы уточнения границ [здесь обрывается официальная стенограмма. По-видимому, в этот момент были выключены микрофоны. – Прим. ред.] образований и состава федерации, что и должно стать важнейшим содержанием работы Совета Национальностей). Это будет Союз равноправных республик, объединенных Союзным Договором, с добровольным ограничением суверенитета каждой республики в минимально необходимых пределах (в вопросах обороны, внешней политики и некоторых других). Различия в размерах и численности населения республик и отсутствие внешних границ не должны смущать. Проживающие в пределах одной республики люди разных национальностей должны юридически и практически иметь равные политические, культурные и социальные права. Надзор за этим должен быть возложен на Совет Национальностей.

Важной проблемой национальной политики является судьба насильственно переселенных народов. Крымские татары, немцы Поволжья, турки-месхи, ингуши и другие должны получить возможность вернуться к родным местам. Работа комиссии Президиума Верховного Совета по проблеме крымских татар была явно неудовлетворительной.

К национальным проблемам примыкают религиозные. Недопустимы любые ущемления свободы совести. Совершенно недопустимо, что до сих пор не получила официального статуса Украинская Католическая Церковь.

Важнейшим политическим вопросом является утверждение роли советских органов и их независимости. Необходимо осуществить выборы советских органов всех уровней истинно демократическим путем. В избирательный закон должны быть внесены уточнения, учитывающие опыт выборов народных депутатов СССР. Институт окружных собраний должен быть уничтожен и всем кандидатам должны быть предоставлены равные возможности доступа к средствам массовой информации.

Съезд должен, по моему мнению, принять постановление, содержащее принципы правового государства. К этим принципам относятся: свобода слова и информации, возможность судебного оспаривания гражданами и общественными организациями действий и решений всех органов власти и должностных лиц в ходе независимого разбирательства: демократизация судебной и следственной процедур (допуск адвоката с начала следствия, суд присяжных, следствие должно быть выведено из ведения прокуратуры: ее единственная задача следить за исполнением Закона). Я призываю пересмотреть законы о митингах и демонстрациях, о применении внутренних войск и не утверждать Указ от 8 апреля [о подрывной деятельности и клевете на государственные органы].

Съезд не может сразу накормить страну. Не может сразу разрешить национальные проблемы. Не может сразу ликвидировать бюджетный дефицит. Не может сразу вернуть нам чистый воздух, воду и леса. Но создание политических гарантий решения этих проблем – это то, что он обязан сделать. Именно этого от нас ждет страна!³³

33. *Тревога и надежда*. Т. 2. С. 425-427; 431-434. Впервые опубликовано в Нью-Йорке в издательстве им. Чехова, 1990.

III. Правозащитная деятельность

В написанной в 1974 г. автобиографии Сахаров частично ответил на вопрос, почему он от общемировых проблем обратился к защите конкретных людей.

Я убежден, что в условиях нашей страны нравственная и правовая позиция является самой правильной, соответствующей потребностям и возможностям общества. Нужна планомерная защита человеческих прав и идеалов, а не политическая борьба, неизбежно толкающая на насилие, сектантство и бесовщину.

Убежден, что только при условии возможно широкой гласности Запад сможет увидеть сущность нашего общества, и тогда эта деятельность становится частью общемирового движения за спасение всего человечества.³⁴

Тексты этого раздела проливают свет на деятельность Сахарова и гражданских групп, возникших в 60-е годы в Советском Союзе и Восточной Европе с общей для всех задачей поддержки и защиты прав человека. Сам Сахаров шире включился в эту деятельность после того, как в 1968 г. покинул Арзамас-16. В 1970 г. он вместе с двумя молодыми физиками основал Московский Комитет прав человека.

Раздел начинается выдержками из «Ответственности ученых» – работы, которую сам Сахаров в своих «Воспоминаниях» отмечает в числе шести важнейших работ, написанных им в ссылке. Заканчивается раздел выступлениями и обращениями по вопросам, которые остаются актуальными и сегодня: реабилитация Сталина; узники совести и политзаключенные; политические процессы; законность и верховенство права; смертная казнь; защита окружающей среды.

34. «Сахаров о себе» // Андрей Сахаров: Мир, прогресс, права человека. С. 13.

В 1966 году я послал телеграмму Верховному Совету РСФСР о намечавшемся тогда новом законе, который открывал возможности широких преследований за убеждения (статья 190-1 УК РСФСР). Так впервые моя судьба переплелась с судьбой той малочисленной, но очень весомой в нравственном и, смею сказать, в историческом плане группы людей, впоследствии получивших название «инакомыслящие». (Лично мне больше по душе старое русское слово «вольномыслящие»). Очень скоро мне пришлось выступить в письме на имя Брежнева против ареста четырех из них: А. Гинзбурга, Ю. Галанскова (трагически погибшего в лагере в 1972 году), В. Лашковой и Добровольского. В связи с этим письмом и предыдущими действиями министр ведомства, которому я был подчинен, сказал обо мне, что Сахаров крупный ученый и мы его хорошо наградили, но он «шалавый политик».³⁵

Ответственность ученых

Эту работу Сахаров написал для международной конференции, проходившей в Нью-Йорке 1-2 мая 1981 г. в честь его шестидесятилетия.

Ученые в современном мире в силу интернационального характера науки образуют единственное пока реально существующее международное сообщество. Это несомненно так в профессиональном плане: уравнение Шредингера или формула $E=mc^2$ одинаково справедливы на всех континентах. Но международная интегрированность научного сообщества неизбежно выходит и должна выходить в еще большей степени за узко профессиональные рамки, охватывая широкий круг нравственных и общечеловеческих проблем.

Ученые, инженеры, специалисты обладают – в силу профессиональных знаний и особенностей положения – широким и глубинным пониманием возможностей применения на благо людям достижений науки и технологии и одновременно связанных с этим опасностей и в

35. Там же. С. 7-8.

какой-то мере пониманием или стремлением к пониманию позитивных и негативных тенденций и возможных последствий прогресса в целом. Колоссальные резервы использования современных достижений физики, химии и биохимии, технологии и инженерии, компьютерной техники, медицины и генетики, физиологии и научной гигиены, микробиологии, в том числе промышленной, новых принципов организации промышленности и сельскохозяйственного производства, психологии и других точных и гуманитарных наук. Еще большего можно ждать от науки и технологии в будущем. Долг всех нас – всемерно способствовать полной реализации этих достижений и дальнейшему их развитию в мире, где жизнь большинства людей все еще очень тяжела, где столь многим угрожают голод, ранние болезни и преждевременная смерть.

Но ученые и специалисты не могут не думать и об опасностях неконтролируемого прогресса, в частности неконтролируемого промышленного роста, и в особенности об опасностях военного применения достижений науки. Широкие общественные дискуссии связанных с научно-техническим прогрессом вопросов – ядерной энергетики, демографического взрыва, геной инженерии, защиты среды обитания от последствий промышленного роста, защиты воздуха, флоры и фауны, рек и озер, морей и океанов, влияния на людей средств масс-медиа – часто ведутся на низком уровне информации, с предвзятостью и под влиянием политических страстей, а иногда просто недобросовестно – но они отражают реальные и серьезные проблемы. Поэтому долг специалистов – непредвзятое и максимально широкое рассмотрение всего комплекса проблем с обязательным доведением всей общественно значимой информации до населения, причем только в пересказах, а и из «первых рук». ...

С некоторыми существенными оговорками (в особенности относящимися к тоталитарным странам) ученые обладают не только большей информированностью, но и большей независимостью и свободой, и стремятся к этому. Но свобода всегда предполагает и ответственность.

Ученые и специалисты имеют сейчас или могут иметь огромное влияние на общественное мнение и влияние на органы власти (не следует его переоценивать, но оно существует). Понимая так положение ученых в современном мире, я убежден в их особой ответственности – и в профессиональном, и в общественном плане. При этом часто трудно разделить первое и второе – уже информационная деятельность ученых, популяризация научных знаний, предложения или предупреждения носят такой смешанный профессионально-общественный характер.

Другая тема, к которой я перейду, – международная защита прав человека – также тесно связана с проблемой мира, с установлением доверия и взаимопонимания между странами. Свобода убеждений и информационного обмена, свобода передвижения – необходимое условие реальной подконтрольности власти, предупреждающее злоупотребления ею во внутренних и международных делах. При подконтрольности власти были бы невозможны, по моему мнению, такие трагические ошибки, как советское вторжение в Афганистан, затруднены проявления экспансионистской политики, внутренние репрессии. Важным шагом в направлении реальной свободы информации в тоталитарных странах явилась бы свободная продажа в них газет, журналов и книг, публикуемых за рубежом. Не менее, а может быть, более важна отмена цензуры – что, конечно, больше всего должно быть заботой ученых и интеллигенции именно тоталитарных стран. Важно требовать прекращения глушения иностранных радиопередач, лишаящего миллионы граждан неподцензурной информации и тем самым самостоятельной оценки событий (как известно, глушение в СССР возобновилось осенью 1980 г. после 7-летнего перерыва).

Особое значение имеет, по моему мнению, поддержка требования «Эмнести Интернэшнл» всеобщей всемирной амнистии узников совести. Политическая амнистия была уже проведена в последние годы в ряде стран и во многом способствовала улучшению обстановки. Амнистия узников совести в СССР, в странах Восточной Европы и во всех

других странах, где есть политзаключенные – узники совести, имела бы не только большое гуманистическое значение, но и в огромной степени способствовала бы международному доверию и безопасности.

Именно в решении всех этих задач может оказаться особенно важен всемирный характер научного сообщества. Вместе с тем, защищая права человека в международном масштабе, в том числе репрессированных ученых, но и не только их, а и всех, чьи права нарушены, – научное сообщество защищает и подтверждает свой международной статус, столь необходимый для успешной деятельности в науке и для служения обществу. Ученым на Западе известны многие имена тех их коллег в СССР, которые подверглись незаконным репрессиям (в силу большей осведомленности я буду ниже говорить об СССР, хотя серьезные нарушения прав человека имеют место и в других странах, в частности в Восточной Европе). Все те, о ком я говорю, никогда не призывали к насилию и не применяли его, считая гласность единственно допустимой, эффективной и свободной от пагубных последствий формой защиты прав человека. Таким образом, они – узники совести в том смысле этого слова, который применяет «Эмнести Интернэшнл». Очень много общего и их дальнейшей судьбе. Суд над каждым проходил с вопиющими нарушениями гласности и других требований закона, а также простого здравого смысла...

В лагере все узники совести подвергаются, жестокому обращению, произвольным заключениям в карцер – на пытку холодом и голодом, произвольно лишаются и без того крайне ограниченных свиданий с близкими и права на переписку. Они разделяют всю недостойную современности тяжесть режима уголовных заключенных в СССР, при этом от них требуют еще «встать на путь исправления», то есть отказа от убеждений; хочу напомнить, что ни разу ни одна международная организация, в том числе юридические и Красный Крест, не добилась возможности видеть советские лагеря. ...

Я обращаюсь к ученым всего мира с призывом к защите репрессированных. Я считаю, что в защите безвинных допустимы, а во многих случаях необходимы такие чрезвычайные меры, как прекращение научных контактов и другие формы бойкота. Наряду с этим я призываю использовать все возможности гласности и дипломатии. Обращаясь к руководителям СССР, следует учитывать, что они обычно не знают, да и не стремятся, вероятно, знать о большинстве адресованных им писем и обращений; поэтому особое значение приобретают личные ходатайства государственных деятелей Запада, встречающихся с ними, и необходимо, используя влияние ученых в своих странах, добиваться таких ходатайств.

Я надеюсь, что тщательно продуманные и организованные действия в защиту репрессированных будут способствовать облегчению их участи, способствовать укреплению международного научного сообщества, его авторитета и действенности.

Я назвал это письмо «Ответственность ученых». Великанова, Орлов, Ковалев и многие, многие другие решили вопрос ответственности для себя, встав на путь активной и самоотверженной борьбы за права человека, за гласность. Их жертвы огромны, но не бесполезны. Именно эти люди меняют что-то в лучшую сторону в нравственном облике нашего мира.

Другие их коллеги в тоталитарных странах не нашли в себе сил для такой борьбы, но многие из них стараются честно выполнить свой профессиональный долг. Действительно, надо профессионально работать. Но не пора ли этим ученым, в узком кругу часто показывающим много понимания и неконформизма, проявить свое чувство ответственности более общественно значимым способом, более открыто – в таких вопросах хотя бы, как открытая защита своих репрессированных коллег, открытый контроль за реальным соблюдением законов страны и выполнением ее международных обязательств. И, безусловно, для

каждого истинного ученого необходимо сохранить тот запас мужества и честности, который дает возможность противостоять соблазнам и привычкам конформизма. Мы здесь знаем, к сожалению, слишком много примеров обратного – иногда под предлогом сохранения лаборатории или института (обычно фальшивым), иногда – ради продвижения, иногда – ради возможности съездить за границу (главная приманка в такой закрытой стране, как наша).

Для ученых Запада нет ни угрозы тюрьмы и лагеря за общественную деятельность, ни приманки заграничной поездки за отказ от нее. Но ответственность от этого не становится менее острой. Среди какой-то части западной интеллигенции распространено предубеждение против общественной деятельности, как политики. То, о чем я пишу здесь, – не борьба за власть и поэтому не политика. Это борьба за сохранение мира и нравственных ценностей, выработанных всем развитием цивилизации. Пример и судьба узников совести показывают, что защита справедливости, международная защита конкретных жертв насилия, защита высших интересов человечества – долг каждого ученого.

Горький, 24 марта 1981 г.³⁶

Восточная Европа

Интервью корреспонденту итальянской газеты «Коррьере делла Сера» 26 января 1977 г.

Сахаров: Мы все в СССР испытываем большое восхищение новым подъемом деятельности наших друзей в странах Восточной Европы – организаторов «Хартии-77» в ЧССР, Комитета защиты рабочих в Польше и других. Мы никогда не забудем той роли,

36. *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 559-570.

которую Пражская весна 1968 года сыграла в формировании движения за права человека в СССР.

Вопрос: Как Вы думаете, в будущем могут возникнуть связи между советскими и восточноевропейскими диссидентами?

Сахаров: Одна из основных особенностей тоталитарных стран – затруднения информационного обмена как внутри страны, так и особенно с другими странами. Только огромные усилия (а иногда и жертвы) дали возможность иметь ту связь со странами Запада, которая есть сейчас; и ослабление внимания к этой проблеме в любой момент угрожает потерей того, что достигнуто. У меня и других диссидентов нет возможности снять телефонную трубку и позвонить нашим друзьям в странах Восточной Европы или написать им письмо. Конечно, мы все очень хотели бы иметь возможность личного свободного контакта, еще лучше – совместные выступления, а также иные менее формальные способы координации наших усилий. Быть может, международная поддержка когда-нибудь даст такую возможность, и это было бы очень важно не только для наших стран. Но все же мне и сейчас кажется, что и на расстоянии у нас существует определенное, пусть не полное, взаимопонимание, чувство локтя.

Вопрос: Как Вы расцениваете «Хартию-77» и реакцию советских властей на нее?

Сахаров: Я считаю «Хартию-77» историческим документом, представляющим собой новый важный шаг в борьбе за права человека не только в ЧССР, но во всех коммунистических странах. Очень важно, что Хартия опирается на важнейшие международные документы – Всеобщую декларацию прав человека, Пакты о правах, имеющие силу закона, Хельсинкский Акт – и констатирует их несоответствие реальному положению. Весь дух этого документа, его сдержанный

пафос и сила вызывают у меня глубокую симпатию. Этот документ подписан 300 гражданами ЧССР и несомненно одобряется очень многими во всей стране, именно это вызвало ярость властей и фальшивые инсценировки народного осуждения.

Реакция советской прессы на «Хартию» очень показательна. Это угроза не только чехословацким, но одновременно и советским диссидентам. Но при этом (как всегда) сама «Хартия» не опубликована и даже не процитирована, что свидетельствует о неспособности официальной пропаганды вести честную, открытую идейную борьбу на сколько-нибудь равных условиях.

Вопрос: Как Вы думаете, этот документ может быть принят советскими диссидентами?

Сахаров: Я считаю, что может. Весь дух этого документа, несомненно, очень близок советским диссидентам. В частности, я, если «Хартия» дает это право гражданам других стран, прошу данное заявление считать подписью под «Хартией» меня и моей жены Елены Боннэр.

Вопрос: Какого рода помощь диссиденты СССР и Восточной Европы могут ожидать от западных компартий?

Сахаров: Движение диссидентов, или, точнее, движение за права человека в наших странах, не носит политического характера и в нем принимают участие люди с различным мировоззрением. Мы считаем это движение очень важным для будущего не только наших стран, но и для всего человечества. Мы рассчитываем на поддержку всех честных, гуманных и дальновидных людей во всем мире вне зависимости от их политической платформы.

Особенно мы нуждаемся в гласности, в широком и объективном освещении подлинных фактов о наших странах, не искаженных официальной пропагандой. Если коммунистическая печать будет уделять таким фактам внимание, если она, в частности, подымет свой голос в защиту политзаключенных, в защиту свободы убеждений и информационного обмена, в защиту свободы передвижения, – это будет важным вкладом в движение за права человека.³⁷

Правозащитное движение в СССР

А.Д.Сахаров дал следующий ответ на вопросы журналиста 22 февраля 1980 г., месяц спустя после того, как он был сослан в Горький.

Моральное, нравственное значение сформировавшегося в середине 60-х годов движения за права человека в СССР – при всей его малочисленности и подчеркнутой аполитичности – огромно. Оно изменило нравственный климат и создало духовные предпосылки для демократических изменений в СССР и для формирования идеологии прав человека во всем мире. Опасные иллюзии о сущности нашего строя, которые когда-то были почти всеобщими среди западной интеллигенции, стали гораздо менее распространенными, более того, сегодня их почти нет. Я сам испытал притягательное влияние движения за права человека с середины 60-х годов, и оно наложило глубокий отпечаток на мое мироощущение и характер моей общественной деятельности.

Я не думаю, что многие правозащитники ожидали, что режим признает справедливость наших призывов. Сам факт того, что мы обратились к властям, было естественным отражением нашего стремления к верховенству права, нашей лояльности по отношению к государству и нашей уверенности в том, что мы были правы как в юридическом,

37. Сахаров А. Д. «Тревога и надежда: Один год общественной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова». Нью-Йорк. Издательство Хроника-пресс. 1978. С. 71-75.

так и в нравственном отношении. Люди могли надеяться, что это приведет к результатам в отношении конкретных дел отдельных людей. Однако это не значит, что изменится политика самого режима.

Я не считаю, что режим испугался радикальных требований. Основной состав диссидентов вряд ли был радикальным: действительно ли призыв к тому, чтобы разрешить татарам вернуться в Крым или чтобы освободить кого-то из психиатрической больницы угрожает основам государства? Власти выступали просто против любого выражения независимости или распространения информации из неофициальных источников в самой стране или на Запад. Но с нашей стороны, мы уже не могли больше жить так, как мы жили в прошлом.³⁸

Мы вступаем в 80-е годы в трудных условиях. Используя период общего обострения международного положения, власти предприняли массивную попытку уничтожить проявления инакомыслия как в Москве, так и на периферии. Эта атака направлена против движения за права человека в целом, против независимых от властей общественных самиздатских журналов – информационного журнала «Хроника текущих событий», дискуссионного журнала «Поиски», против членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений и примыкающих комиссий (по психиатрии, по религиозным проблемам). Усилились религиозные преследования, резко снизилось число разрешений на эмиграцию, усилились преследования крымских татар. Акция против меня – часть этой широкой кампании против инакомыслящих. Непосредственным ее поводом, вероятно, явились мои выступления об афганских событиях, однако я предполагаю, что готовилась она уже давно.³⁹

38. Текст, выделенный курсивом, дан в обратном переводе с английского. [Ред.]

39. Письменные ответы А.Д. Сахарова от 22 февраля 1980 г. на вопросы Кэвина Клоуза, корреспондента газеты *Вашингтон пост* были опубликованы в этой газете 9 марта 1980 г. // *Хроника защиты прав в СССР*. Январь-март 1980 г. Вып. 37. С. 17-18. © *Вашингтон пост*.

О правозащитном движении Сахаров пишет и в работе «Тревожное время» («Letter from Exile») в мае 1980 г.

Движение в защиту прав человека не преследует никаких политических целей, его участники не стремятся к приобретению политической власти, гласность – их единственное оружие. Чрезвычайно важно принципиальное ограничение ненасильственными методами. Такая позиция естественна в стране, прошедшей через все круги ада насилия. Призыв к новым революционным переворотам или к интервенциям был бы безумием и страшным преступлением в неустойчивом мире, стоящем в нескольких шагах от термоядерной пропасти.

Участники движения открыто выступают за права людей в тех случаях, когда им становится известно об их нарушении, и информируют общественность. Они также ставят своей задачей восстановление исторической правды о судьбе общества и отдельных лиц, если она искажена официальной пропагандой. Они помогают семьям жертв репрессий. Я убежден, что необходимо именно такое – чисто нравственное – движение, подготавливающее в сознании людей основы демократических, плюралистических преобразований, необходимых стране, нужных всему человечеству ради мира на Земле. ...

Народ, переживший страшные потери, жестокости и разрушения войны, больше всего хочет мира. Это всеобщее, наиболее глубокое, сильное и чистое чувство. Сегодня руководители страны не идут и не могут идти против этого самого главного импульса людей. Я хотел бы верить, что тут они искренни, тут они из автоматов власти становятся людьми.

Но и стремление людей к миру эксплуатируется, и это, быть может, самый страшный обман. Оно используется для оправдания всего негативного в нашей жизни – экономических неурядиц, сверхмилитаризации, для оправдания якобы «защитных» внешнеполитических акций

– будь то Чехословакия или Афганистан, для оправдания закрытости и несвободы общества, для оправдания экологических безумств – уничтожения Байкала, лугов и пашен, рыбных богатств страны, отравления воды и воздуха.

Население страны безропотно принимает все нехватки (то есть дома-то оно ропщет) – мяса, масла, многого другого, терпит вопиющее социальное неравенство элиты и народа, терпит произвол и жестокость властей на местах (все знают об избиениях и гибели людей в милиции, но обычно молчат). Молчат при несправедливых расправах над инакомыслящими (иногда злорадствуют), молчат при любых внешнеполитических акциях. ...

Люди в стране, конечно, в какой-то степени дезориентированы и запуганы, но очень существенен также сознательный самообман и эгоистическое самоустранение от трудных проблем. Лозунг «Народ и партия едины», украшающий каждый пятый дом, – не вполне пустые слова.

Но из этого же народа вышли защитники прав человека, ставшие против обмана, лицемерия и немоты, вооруженные только авторучками, с готовностью к жертвам и без облегчающей веры в быстрый и эффективный успех. И они сказали свое слово, оно не забудется, за ним моральная сила и логика исторического развития. Я убежден также, что их деятельность будет продолжаться в той или иной форме, в том или ином объеме. Дело тут не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания.⁴⁰

«Хроника текущих событий»

«Хроника текущих событий» была самиздатским машинописным бюллетенем, скрупулезно собиравшим и публиковавшим сведения

40. «Тревожное время» // *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 528–530; 524–525.

о делах лиц, чьи права были нарушены. Распространение каждого номера обычно начиналось с десятка отпечатанных экземпляров. Получатели перепечатывали его и предавали дальше по цепочке. Со временем «Хроника» распространялась таким образом по всей стране. Одновременно формировалась подпольная сеть из тысяч участников, которая в дальнейшем действовала и как канал для сбора передачи информации о новых делах.⁴¹ За 15 лет, с момента, когда 30 апреля 1968 г. появился первый номер, составленный поэтом Натальей Горбаневской, до 30 апреля, когда был отпечатан последний, вышло 64 выпуска. Последний, 65-й, подготовленный осенью 1983 г., не распространялся.

КГБ яростно преследовал людей, связанных с «Хроникой». Часто их арестовывали и предъявляли обвинения по ст. 70 и 190¹ УК, а суды затем выносили приговоры к длительным срокам заключения, как случилось с астрофизиком Кронидом Любарским, перепечатывавшим и распространявшим экземпляры «Хроники». В октябре 1972 г. он был признан виновным в антисоветской агитации и пропаганде и приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. В конце 1972 г. распространение «Хроники» было приостановлено из опасения новых репрессий против некоторых так или иначе связанных с нею лиц. Оно возобновилось в мае. Редакторами выступили Татьяна Ходорович, Татьяна Великанова и Сергей Ковалев.

Рассказать о «Хронике текущих событий» и о людях, судьба которых связана с нею – очень важная и трудная задача. Я не раз писал – и это мое глубокое убеждение – что Хроника на протяжении многих лет воплощает в себе лучшее в правозащитном движении, его принципы и высшие достижения – защиту прав человека объективной гласностью с принципиальным отвержением насилия. Сам факт почти непрерывного выхода Хроник более 13 лет – это чудо

41. См.: Александр Даниэль. «1968-й в Москве: начало» // Неприкосновенный запас. 2008. Выпуск 4 (60), а также на сайте: http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/da13.html#_ftn1.

самоотверженности, ума, смелости и интеллектуальной честности. Безусловно, люди должны знать историю Хроники, и знать, какой ценой все это достигалось. Это то светлое и горькое знание, которое делает людей выше и терпимее, и более способными к правильным решениям в нашем прекрасном и трагическом мире.

Апрель 1983 года⁴²

В своих «Воспоминаниях» Сахаров пишет:

Основной принцип журнала – чисто информационный его характер, с сознательным исключением оценочных моментов. Несмотря на крайне сложные условия сбора материалов журнал стремится быть максимально точным и объективным; в тех случаях, когда удастся выявить неточности, публикуются исправления.

Очевидно, что подобное издание принципиально не может быть клеветническим или преследующим подрывные цели. Однако именно клеветнический якобы характер журнала на протяжении более десяти лет выдвигается в приговорах судов в качестве основы для жесточайших репрессий людей, имевших отношение (часто даже весьма отдаленное) к ХТС. Ничего так не боятся репрессивные органы, как этих скромных тетрадок из листов папиросной бумаги. В этом – доказательство значимости, неотразимости ХТС. Я действительно считаю, что «Хроника» – наиболее ясное и значительное выражение духа борьбы за права человека, ее единственного метода – гласности, ее нравственной силы. 10 лет издания «Хроники» – это чудо! ХТС издается без указания фамилий тех, кто ее делает. Сейчас можно назвать имена некоторых из ее первых издателей – это Наталья Горбаневская (сейчас живет во Франции), Анатолий Якобсон (эмигрировал в Израиль, умер в 1978 г.). Добавление 1987 г. Назову еще: Сергей Ковалев (в заключении и ссылке с 1974 по 1984 год), Татьяна Великанова (в заключении и ссылке с 1979 года), Татьяна Ходорович (эмигрировала, живет во Франции), Юрий Шиханович (в 1982 г. – повторный арест, с 1982 по 1987 г. в заключении).⁴³

42. Предисловие А.Д. Сахарова к книге М. Хопкинса *Незаконная пресса в России* (Mark Hopkins, *Russia's Underground Press*. Praeger Press.1983). [Русский текст приводится по рукописи, хранящейся в Архиве А.Д. Сахарова – Ред.]

43. *Воспоминания*. Т. 2. С. 51-52.

Инициативная группа по защите прав человека

Инициативная группа по защите прав человека была основана в мае 1969 г. Некоторые из ее членов были одновременно и редакторами «Хроники текущих событий». В мае 1970 года в ознаменование первой годовщины Группы те из ее членов, которые в тот момент еще были на свободе, опубликовали Открытое письмо с разъяснением целей и задач Группы:

Цель [Инициативной] группы указана в самом ее наименовании: защита прав человека в СССР.

Назвавшись Инициативной группой, мы имели в виду еще и другое: явочным порядком утвердить свое право на свободную ассоциацию. Это соответствует Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН и официально одобренной Советским Союзом, и не противоречит Конституции СССР.

У Инициативной группы нет ни программы, ни устава, ни какой-либо организационной структуры. Мы не связаны никакими формальными обязательствами. Каждый из нас может не участвовать в составлении любого документа, исходящего от Инициативной группы, и не подписывать его; каждый волен действовать, как ему угодно, когда он выступает от собственного имени. Каждый из нас может свободно выйти из группы. Всей группой решается вопрос о ее пополнении. До сих пор мы не считали нужным расширять состав группы.

Инициативная группа состоит из людей, связанных некоторой общностью взглядов. Всех нас – верующих и неверующих, оптимистов и скептиков, людей коммунистических и некоммунистических взглядов – объединяет чувство личной ответственности за все происходящее в нашей стране, убеждение в том, что в основе нормальной жизни общества лежит признание безусловной ценности человеческой

личности. Отсюда вытекает наше стремление защищать права человека. Социальный прогресс мы понимаем прежде всего как прогресс свободы.

Нас объединяет также намерение действовать открыто, в духе законности, каково бы ни было наше внутреннее отношение к отдельным законам.

... Инициативная группа не занимается политикой. Мы не предлагаем никаких позитивных решений в области государственного управления, мы говорим только: не нарушайте собственных законов. У нас нет своей политики, но мы не желаем мириться с карательной политикой против инакомыслящих. Противодействие беззаконию, произволу – вот задача Инициативной группы.

Инициативная группа не считает, что, критикуя действия властей, она выступает против государства. ...

Есть люди, которые, отрицательно относясь к происходящим в стране беззакониям, осуждают тех, кто открыто выступает против этих беззаконий, полагая, что протесты вызывают ожесточение властей и ведут к усилению репрессий. ... На самом деле благоприятную обстановку для репрессий создает непротивление, та унижительная покорность, которой мы внутренне санкционируем пограние наших прав. Немота поощряет зло и развращает людей, порождая лицемерие и цинизм. Обществу нужна гласность. Гласность препятствует тенденциям экстремизма и насилия как сверху, так и снизу.

У нас принято упрекать тех, кто обращается за рубежом: это, мол, подрывает престиж отечества. Престиж страны подрывают не разоблачения, а те дела, которые приходится разоблачать. К несчастью, нет другого способа предать гласности правонарушения, происходящие в СССР, как только сообщив о них за границу. Оттуда информация – пусть

небольшая – доходит и до части советских граждан. Кроме того, не исключено, что наше руководство – хоть иногда, хоть в чем-то – может посчитаться с зарубежным общественным мнением...

Мы пятикратно обращались в Комиссию по правам человека ООН. Комиссия до сих пор не прореагировала на наши заявления. Возможно, на это есть причины, неизвестные нам.

В этом письме мы хотели показать, почему в любом случае мы не считаем наши обращения напрасными.⁴⁴

Московский комитет прав человека

Вместе с физиками Валерием Чалидзе и Андреем Твердохлебовым Сахаров в ноябре 1970 г. создает Московский комитет прав человека. В соответствии с Принципами и Уставом, написанными Чалидзе, Комитет должен был конструктивно исследовать теоретические и практические проблемы в сфере прав человека, способствовать знанию и соблюдению советского и международного права и консультировать частных лиц и государственные органы по вопросам прав человека. В своих «Воспоминаниях» Сахаров пишет о Комитете и его возникновении.

За несколько недель до описанных событий [процесса Пименова-Вайля – Ред.] Валерий неожиданно заехал ко мне (что с ним не часто бывало). ... он, сильно волнуясь, изложил на бумажке свои идеи относительно организации Комитета прав человека – как он писал, добровольной, независимой от властей ассоциации для изучения и обнародования положения с правами человека в СССР. О создании такой ассоциации

44. (6-ое) Открытое письмо 8-и членов Инициативной группы по защите прав человека в СССР «Что такое Инициативная группа?», направленное в Агентство печати «Новости» и агентство «Рейтер» восемью членами Инициативной группы по защите прав человека в СССР 20 мая 1970 года // Инициативная группа по защите прав человека в СССР. Сборник документов. Нью-Йорк. Издательство Хроника-пресс. 1976. С. 20-25.

он предполагал широко объявить – в частности, сообщить иностранным корреспондентам. Я отнесся к этому предложению с интересом, но одновременно с большими опасениями. Независимая ассоциация – это очень важно, это что-то совсем новое. На самом деле, не совсем. За год до того несколько людей организовали Инициативную группу по защите прав человека в СССР. Первым действием группы было обращение в ООН по вопросу нарушения прав человека в СССР. Затем группа делала открытые обращения (адресованные уже не в ООН, а к общественности) систематически. Я думаю, что именно образование Инициативной группы, вместе с началом издания «Хроники», явилось оформлением движения за права человека в СССР в том смысле, как оно известно сейчас во всем мире – в рамках закона, с помощью гласности, независимо от властей. ...

Меня пугал предполагавшийся юридический уклон в работе Комитета – понимая важность такого подхода, наряду с другими, я не чувствовал, что это мое амплуа. Кроме того, и это главное, понимая, что гласность, обнародование выводов – самое решающее и неизбежное в деятельности такого рода, я опасался, что Комитет, в особенности благодаря своему броскому названию (что в его названии нет слова «защита», никто не заметит!), – привлечет слишком широкое к себе внимание, вызовет излишние «ложные» надежды у тысяч людей, ставших жертвой несправедливостей. Все это – письма, просьбы, жалобы – повалится на нас. Что мы скажем, ответим этим людям? Что мы не Комитет защиты, а Комитет изучения? Это будет почти издевательством!

Эти опасения я высказал Чалидзе в той первой беседе. К слову сказать, все они потом оправдались сторицей. Причем больше всего «шишек» упало на мою голову, писали в основном академику. В октябре наш разговор кончился ничем, но мысль запала мне в голову. ...

Мы объявили о создании Комитета настолько широко, насколько это было в наших силах. Торжественное объявление состоялось у Чалидзе

11 ноября. ... Сразу после прочтения нашего заявления оно было передано иностранным корреспондентам.

Заседания Комитета проходили раз в неделю по четвергам, тоже у Чалидзе. ... Я не очень разбирался в юридических аспектах рассматривавшихся на Комитете проблем (хотя, в отличие от Солженицына, не считаю их изучение бессмысленной тратой времени). Конечно, я не во всем был согласен с Чалидзе и Твердохлебовым, а они всегда занимали общую позицию, казавшуюся мне слишком умозрительной и недопустимо парадоксальной; это вызывало у меня сильное раздражение. Но, повторяю, мне тогда (как и сейчас) главными представлялись не детали, а общая направленность работы Комитета в защиту важнейших прав человека. ...⁴⁵

Я получал много писем: с выражением поддержки (я думаю, что большинство таких писем осело в КГБ и до меня дошла лишь очень малая доля), с осуждениями, с угрозами (письма последних двух категорий приходили очень странно – то их не было вообще, то, обычно после какого-либо моего выступления, они приходили целыми пачками; я думаю, что письма с угрозами, в основном, исходят непосредственно от КГБ, а письма с осуждением моего вмешательства в то или иное дело ... частично исходят от КГБ, а в большинстве – от реально негодующих граждан и просто выборочно отобраны КГБ из большого числа писем другого содержания).

Но не обо всех этих, важных самих по себе, категориях будет далее речь в этой главе. Она посвящена письмам и посетителям с просьбой о помощи. Письма с просьбой о помощи стали приходить сразу после

45. *Воспоминания*. Т. 1. С. 691-697.

объявления о создании Комитета прав человека в ноябре 1970 года. Тогда же появились первые посетители – ... до моей депортации в Горький – многие сотни писем, сотни посетителей! И в каждом письме, у каждого посетителя реальная, большая беда, сложная проблема, которую не решили советские учреждения. В отчаянии, потеряв почти всякую надежду, люди обращались ко мне. Но и я почти никогда, почти никому не мог помочь. Я это знал с самого начала, но люди-то надеялись на меня. Трудно передать, как все это подавляло, мучило. К сожалению, я в этом трудном положении слишком часто (по незнанию, что отвечать, по неорганизованности, по заваленности другими срочными делами) выбирал самый простой и самый неправильный путь: откладывал со дня на день, с недели на неделю ответ на письмо; потом или отвечать уже было бесполезно по давности, или оно терялось, но при этом не переставало мучить меня. Таких оставшихся без ответа писем было бы еще гораздо больше, если бы не бесценная помощь, оказанная мне Софьей Васильевной Каллистратовой. ... Для нее всегда всего важнее была судьба живого, конкретного человека, стоящего перед ней. ...

Когда Софья Васильевна согласилась помочь мне в переписке, я стал приносить к ней получаемые мною письма целыми сумками. Она отвечала на них, давала юридические и просто житейские советы, основанные на ее богатом жизненном опыте. Потом я подписывал эти письма (после обсуждения с нею), она их отсылала. Конечно, и она не была способна сделать чудо. Но все же письма не оставались без ответа. Это уже было кое-что, хотя бы в моральном смысле. Софья Васильевна оставляла у себя письма и копии ответов. Но весь этот архив через несколько лет попал в КГБ – он был конфискован при одном из обысков у Софьи Васильевны. Поэтому я сейчас, в своих воспоминаниях, очень мало что могу рассказать конкретно. Расскажу, что сохранила память. ...

Больше половины посетителей составляли люди, желающие уехать из страны. ...

Вторая по численности группа посетителей – люди, пострадавшие из-за каких-то конфликтов с начальством на работе, незаконно уволенные и т. п. Те, кто приходил ко мне, часто по многу лет безуспешно добивались справедливости в различных центральных учреждениях. В некоторых из этих центральных учреждений, например в приемных Прокуратуры СССР и Верховного Совета, существует система направлять особо настойчивых посетителей в специальную комнату, где они попадают прямо в руки санитаров психиатрической больницы. Следует, правда, сказать, что среди моих посетителей этой категории некоторые, несомненно, были психически больными людьми. ...

Третья группа – пожилые люди, пенсионеры и инвалиды. Из их рассказов передо мной раскрывались трудные условия жизни, часто подлинная нищета тех, кто зависит от системы социального обеспечения. Пенсии в СССР крайне низки, за исключением военных и тех, кто имел высокие заработки. В особенности трудны проблемы жилья, ремонта и т. п. Помочь я, конечно, ни в чем никому не мог.

И наконец, очень много посетителей – родственников осужденных и находящихся под следствием.

Все те же категории представлены в письмах... Это – страшное, удручающее чтение о судебных ошибках, вызванных низким юридическим и нравственным уровнем работы судебных учреждений, предвзятостью суда и следствия, в особенности по отношению к повторно судимым, о произволе в местах заключения, об избиениях и пытках при следствии, о зависимости судебных органов от местных партийных и административных органов, о полной безнадежности добиться пересмотра приговора, о бесполезности обращений в прокуратуру и кассационные инстанции, отделяющиеся бесконечными формальными отписками. Можно допустить, что часть писем написана людьми, реально виновными и пытающимися «сыграть на жалости»,

обмануть. Но, несомненно, такой может быть лишь малая часть писем. В большинстве случаев возникало ощущение полной достоверности сообщаемого – слишком страшного, чтобы быть выдумкой. Стиль писем был такой простой, даже наивный, что подделка мне казалась полностью исключенной.⁴⁶

Комитет подготовил несколько исследований и докладов, включая доклад о праве на юридическое представительство, о Международном пакте о гражданских и политических правах и советском законодательстве, о проблемах гражданских прав в СССР, о злоупотреблении психиатрией и о правах лиц и народов, подвергнутых насильственному переселению в ходе Второй мировой войны. Комитет также выступал с обращениями.

С самого момента создания Комитета КГБ держал его под постоянным наблюдением. Руководитель КГБ Юрий Андропов писал в отчете Центральному Комитету КПСС 1 марта 1973 г.: «Антиобщественная деятельность так называемого Комитета прав человека в 1972 г. сократилась в результате принятых КГБ мер. Меры эти включали компрометацию Чалидзе и подрыв его репутации, лишение его советского гражданства [во время посещения им Соединенных Штатов] и разжигание разногласий среди членов Комитета и его сторонников, результатом чего был выход Твердохлебова из состава Комитета». В следующем отчете от 15 марта 1973 г. он сообщал, что «КГБ продолжает принимать меры, направленные на роспуск Комитета прав человека и воспрепятствование антиобщественным действиям Сахарова и его соучастников».

Сахаров в «Воспоминаниях» отмечает, что в 1973 и 1974 годах он, Подъяпольский и Шафаревич продолжали работу Комитета, регулярно встречаясь у него на квартире на улице Чкалова, но, хотя им и удалось

46. Воспоминания. Т. 2. С. 436-437; 440-441.

подготовить и опубликовать несколько неплохих докладов, они чувствовали, что форма Комитета изжила себя.

В октябре 1973 г. Валентин Турчин, Андрей Твердохлебов и Юрий Орлов образовали в Москве группу «Эмнисти Интернэшнл». В апреле 1975 г. Твердохлебов был арестован и приговорен к 5 годам ссылки за клевету на советский общественный и политический строй. Орлов в 1976 г. основал и до своего ареста в 1977 г. возглавлял Московскую Хельсинкскую группу. Одним из ее членов была Елена Боннэр. Сахаров предпочитал сохранять свободу высказываться от собственного имени, не будучи связан организационными ограничениями и присоединяясь к тем заявлениям, с которыми был согласен.

После возвращения из ссылки Сахарова убедили войти в совет директоров Международного фонда за выживание и развитие человечества – советско-американской инициативы, запущенной в январе 1988 г. для финансирования международных проектов и организации рабочих групп высокого уровня в области охраны окружающей среды, безопасности, здравоохранения, образования, энергетики и прав человека. Сахарова сделали председателем комитета по правам человека в этом фонде и под его патронажем была организована Проектная группа по правам человека из независимых американских и советских правозащитников. Сахаров всегда испытывал неловкость от своего участия в работе Фонда, но Проектная группа, возглавляемая Сергеем Ковалевым, сумела оказать помощь в работе Комитету по правам человека российского парламента в 1990–1993 годах, в том числе в подготовке текста Закона о чрезвычайном положении, реформы пенитенциарной системы и в создании Декларации прав и свобод человека и гражданина, положения которой в 1993 г. вошли в Конституцию Российской Федерации. Пока Ковалев занимал пост Уполномоченного по правам человека (омбудсмана) в Российской Федерации (1993–1995), Проектная группа работала в тесном контакте с Управлением Уполномоченного по правам человека.

Общество «Мемориал»

В августе 1988 г. Сахаров был избран членом совета общества «Мемориал». Целью «Мемориала» было сохранить и восстановить историческую память страны, особенно в том, что касалось преступлений и репрессий сталинской эпохи. Эти цели Сахаров полностью разделял, и они целиком соответствовали содержавшемуся в «Размышлениях» призыву к тщательному изучению и анализу сталинского прошлого и его последствий, открытию архивов НКВД и опубликованию их материалов, проведению общенациональных расследований совершенных преступлений и реабилитации жертв сталинизма. В книге «Горький, Москва далее везде» Сахаров описывает трудности первых шагов Общества.

В те же месяцы [1988 года] я оказался вовлеченным в другую общественную организацию, гораздо более массовую, с драматической историей становления и с неясными, но, возможно, большими перспективами влияния на общественную жизнь и сознание. Речь идет о «Мемориале». Еще задолго до 19-й партконференции группа молодых людей, в их числе Пономарев, Самодуров, Игрунов, Леонов, Рогинский и другие выступили с инициативой создания мемориального комплекса жертвам незаконных репрессий – сначала, кажется, речь шла только о памятнике, потом о целом комплексе, включающем также музей, архив, библиотеку и т. п. С большой быстротой идея распространилась по всей стране. В Москве и во многих других местах сформировалось общественное движение, ставящее своей целью поддержку создания мемориального комплекса, причем не только в Москве, а и в других местах, в том числе и там, где были расположены основные сталинские лагеря рабского труда и уничтожения. Движение стало ставить перед собой не только историко-просветительские цели, но и помощь оставшимся в живых жертвам репрессий – юридическую и моральную.

На 19-й партконференции было передано Афанасьевым обращение движения с несколькими тысячами подписей. Конференция приняла постановление о создании памятника жертвам репрессий (только памятника, т. е. фактически это было просто подтверждение не выполненного за 27 лет решения 22-го партийного съезда). Движение стало принимать организационные формы, к нему примкнули так называемые творческие союзы – Союз кинематографистов, Союз архитекторов, Союз дизайнеров и другие, а также «Литературная газета». Они стали именоваться «члены-учредители», что, конечно, не совсем правильно, лучше бы – коллективные члены. Был открыт счет «Мемориала», на него стали поступать взносы от граждан и перечисления от концертов, лекций, демонстраций фильмов. Наконец, с помощью письменного опроса на площадях Москвы был создан Общественный совет «Мемориала». Прохожих просили назвать тех, кого они хотят видеть в Общественном совете – любое число кандидатур. Набравшим наибольшее число голосов было предложено войти в Общественный совет. В их числе оказался я и согласился, так же как большинство тех, кто получил доверие людей.⁴⁷

Сахаров отмечает, что Центральный Комитет КПСС не одобрял идею создания независимой массовой общественной организации, в которую войдет множество людей, пользующихся широкой известностью, и которую будет трудно контролировать. Он всячески препятствовал становлению «Мемориала».

Положение «Мемориала» продолжает оставаться крайне сложным и неопределенным и после учредительной конференции. «Мемориалу» до сих пор отказывают в регистрации на том основании, что единственный закон о правилах регистрации общественных организаций, принятый в 1932 году, относится не к общесоюзным организациям, а не более чем к республиканским. Все существующие общесоюзные организации созданы по постановлениям правительства и в регистрации якобы не нуждаются.

47. Горький, Москва, далее везде // Воспоминания. Т. 3. С. 539-540.

«Мемориал» по-прежнему не имеет доступа к своему счету в банке. Местные организации и их члены подвергаются преследованиям.⁴⁸

В конце концов «Мемориал» сумел добиться регистрации в 1990 г., после того как Елена Боннэр переговорила с Горбачевым на похоронах Сахарова и попросила его помочь. Общество и множество его отделений на местах сыграло и продолжает играть важную роль в защите прав человека в России и документировании сталинских репрессий.

Обращения и действия

Сахаров не был пассивным наблюдателем. Когда он сталкивался с нарушением прав людей, он действовал. В конце 1950-х годов, осознав катастрофические последствия наземных испытаний ядерного оружия, он начал кампанию за их прекращение. В 1964 г. он успешно противодействовал избранию действительным членом Академии наук Николая Нухдина, протеже печально известного биолога Трофима Лысенко. Возмущенный злоупотреблениями психиатрией в политических целях, он несколько раз выступал с активными протестами против насильственного помещения в психиатрические лечебные учреждения людей, так или иначе выступавших против режима, в том числе в случаях с Виктором Файнбергом за его участие в демонстрации на Красной площади в августе 1968 года против вторжения в Чехословакию, генерала Петра Григоренко, выступавшего в защиту крымских татар, и Жореса Медведева, подвергшегося психиатрическим репрессиям за действия против сторонников Лысенко. Сахаров постоянно выступал в защиту свободы передвижения и свободы эмиграции во времена, когда людей, пытавшихся выехать из страны, арестовывали и подвергали тюремному заключению.

На протяжении многих лет Сахаров выступал с бесчисленными обращениями и заявлениями, присутствовал в качестве наблюдателя на

48. Там же. С. 549.

множестве политических процессов и даже объявлял голодовки, когда не видел никаких других способов добиться своих целей.

Обращения по общим вопросам, по моему мнению, важны уже тем, что они способствуют обсуждению проблемы, формулируют альтернативную официальную точку зрения, заостряют проблему, привлекают к ней внимание. Это, несомненно, важно не только для широкой общественности – это главное, но, как мне кажется, и для высших правительственных кругов, где тоже мы не можем полностью исключить наличие каких-то, хотя и очень медленных, но реальных процессов изменения точек зрения и практики. Что же касается обращений по конкретным вопросам, в защиту тех или иных лиц или групп, то опять же они привлекают общественное внимание к судьбам этих лиц и тем самым хоть в какой-то мере их защищают; далее, атмосфера гласности препятствует дальнейшему расширению нарушений прав человека; и, наконец, все же время от времени судьба защищаемых иногда меняется к лучшему.

В обоих случаях особенно важны открытые обращения, важна гласность. Однако наличие наряду с открытыми выступлениями не публикуемых может быть полезным.⁴⁹

Реабилитация Сталина

Одним из первых обращений, подписанных Сахаровым, было коллективное обращение от 14 февраля 1966 г. к Л.И. Брежневу с призывом не допустить реабилитации Сталина. Письмо подписали 25 людей, занимавших видное место в науке и культуре страны, в том числе академики Арцимович, Капица, Леонтович, Майский и Тамм, писатели Катаев, Некрасов, Паустовский и Чуковский.

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

В последнее время в некоторых выступлениях и в статьях в нашей печати проявляются тенденции, направленные, по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина.

49. *Воспоминания*. Т. 1. С. 590.

Мы не знаем, насколько такие тенденции, учащающиеся по мере приближения XXIII съезда, имеют под собой твердую почву. Но даже если речь идет только о частичном пересмотре решений XX и XXII съездов, это вызывает глубокое беспокойство. Мы считаем своим долгом довести до Вашего сведения наше мнение по этому вопросу.

Нам до сего времени не стало известно ни одного факта, ни одного аргумента, позволяющих думать, что осуждение культа личности было в чем-то неправильным. Напротив, трудно сомневаться, что значительная часть разительных, поистине страшных фактов о преступлениях Сталина, подтверждающих абсолютную правильность решений обоих съездов, еще не предано гласности.

Дело в другом. Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина, таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества. На Сталине лежит ответственность не только за гибель бесчисленных невинных людей, за нашу неподготовленность к войне, за отход от ленинских норм в партийной и государственной жизни. Своими преступлениями и неправыми делами он так извратил идею коммунизма, что народ это никогда не простит. Наш народ не поймет и не примет отхода – хотя бы и частичного – от решений о культе личности. Вычеркнуть эти решения из его сознания и памяти не может никто.

Любая попытка сделать это поведет только к замешательству, к разброду в самых широких кругах. Мы убеждены, например, что реабилитация Сталина вызвала бы большое волнение среди интеллигенции и серьезно осложнила бы настроения в среде нашей молодежи. Как и вся советская общественность, мы обеспокоены за молодежь. Никакие разъяснения или статьи не заставят людей вновь поверить в Сталина; наоборот, они только создадут сумятицу и раздражение. Учитывая сложное экономическое и политическое положение нашей страны, идти на все это явно опасно. Не менее серьезной представляется нам и другая опасность. Вопрос о реабилитации Сталина не только внутри

политический, но и международный вопрос. Какой-либо шаг в направлении к его реабилитации безусловно создал бы угрозу нового раскола в рядах мирового коммунистического движения. ...

Этот фактор исключительного значения, списывать его со счетов мы также не можем. В дни, когда нам, с одной стороны, грозят активизирующиеся американские империалисты, а с другой – руководители КПК, идти на риск разрыва или хотя бы осложнений с братскими партиями на Западе было бы предельно неразумно. ...

Любой отход от решений XX съезда настолько осложнил бы международные контакты деятелей нашей культуры, в частности, в области борьбы за мир и международное сотрудничество, что под угрозой оказались бы все достигнутые результаты...⁵⁰

Это был век двух мировых войн и множества так называемых «малых войн», унесших множество жизней. Это был век многих вспышек невиданного в истории геноцида. Несколько недель тому назад я вместе с пятью тысячами своих соотечественников стоял у раскрытой могилы, в которой производилось перезахоронение жертв сталинского террора. Рядом стояли представители трех церквей, и они служили заупокойную молитву. Это были православные священники, священники иудейские и священники мусульманские. Потому что среди сотен, тысяч безвинных жертв, которые там похоронены, были представители всех наций, всех религий.⁵¹

Узники совести и политические заключенные

Я убежден, что защита советских политзаключенных и других инакомыслящих, борьба за большую гуманность в местах заключения, за права человека

50. Цитируется по: *Новая Газета*. 19 февраля 2010 г. № 18.

51. Лионская лекция // *Тревога и надежда*. Т. 2. С. 631. [В университете Клода Бернара на церемонии присуждения звания доктора «гонорис кауза» академику Сахарову – Ред.]

вообще – не только нравственный долг честных людей во всем мире, но и непосредственная защита прав человека в их собственных странах. Однако мы часто сталкиваемся с отсутствием интереса к нашим бедам.⁵²

В начале декабря 1966 г. Сахаров нашел у себя в почтовом ящике извещение о намеченном на 5 декабря – день Конституции СССР – собрании на Пушкинской площади, где предполагалось провести минуту молчания в знак уважения к Конституции и поддержки политических заключенных. Аналогичное собрание проводилось и в предшествовавшем, 1965 году в связи с процессом Синявского–Даниэля. Затем эти собрания стали ежегодными.

Я решил пойти, сказал об этом Клаве, она не возражала, но добавила, что это – чудачество. На такси я доехал до площади Пушкина. Около памятника стояло кучкой несколько десятков человек, все они были мне незнакомы. Некоторые обменивались тихими репликами. В 6 примерно половина из них сняли шляпы, я тоже, и, как было условлено, молчали (как я потом понял, другая половина были сотрудники КГБ). Надев шляпы, люди еще долго не расходились. Я подошел к памятнику и громко прочитал надпись на одной из граней основания:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.⁵³

Вместе с другими Сахаров затем покинул площадь. Позже ему сказали, что сотрудники КГБ засняли его и пленку показывали высокому начальству.

52. «О стране и мире» // Тревога и надежда. Т. 1. С. 289.

53. Воспоминания. Т. 1. С. 594-595.

В книге «Сахаров говорит» Сахаров объясняет причины того внимания, которое он всегда уделял проблеме политических заключенных.

... Я хочу сказать несколько слов, почему мне представляется таким важным делом защита политзаключенных, защита свободы убеждений. Наша страна за 56 лет прошла путь тяжелых потрясений, страданий и унижений, физического уничтожения миллионов лучших в нравственном и интеллектуальном отношении людей, – десятилетия казенного лицемерия и демагогии, внутреннего и внешнего приспособленчества. Эпоха террора, когда пытки и особые совещания грозили каждому, когда хватали самых верных слуг режима просто для общего счета и для создания атмосферы страха и подчинения, – сейчас позади. Но мы еще живем в созданной этой эпохой духовной атмосфере. К тем немногим, кто не подчиняется господствующему соглашательству, государство по-прежнему применяет репрессии. Наряду с судебными репрессиями самую важную и решающую роль в сохранении этой атмосферы внутреннего и внешнего подчинения играет власть государства, сосредоточившего в своих руках все экономические и социальные рычаги. Это больше всего держит в невиданной зависимости тело и дух большинства людей.⁵⁴

Осенью 1972 г. Сахаров составляет проект письма Верховному Совету с призывом принять закон об амнистии и собирает под ним более 50 подписей.

В годовщину образования Союза Советских Социалистических Республик обращаемся к вам с призывом принять решение, отвечающее гуманностью и демократической направленностью основным интересам нашего общества.

Мы призываем в ряду таких решений принять закон об амнистии.

Мы считаем, что в этом законе должно быть особо предусмотрено освобождение осужденных по причинам, прямо или косвенно связанных с убеждениями, в частности, осужденных по статьям 190^{1,2,3}, статьям 70 и 72 УК РСФСР и по аналогичным статьям кодексов других союзных

54. «Сахаров о себе» // Сахаров. А.Д. *Мир, прогресс, права человека*. С. 12.

республик, всех осужденных в связи с религиозными убеждениями, всех осужденных в связи с попыткой покинуть страну, соответственно призываем пересмотреть решения, принятые по тем же мотивам, о помещении в специальные «тюремные» и общего типа психиатрические больницы.

Свобода убеждения и обсуждения и защиты своих мнений – неотъемлемое право каждого. Вместе с тем эта свобода – залог жизнеспособности общества.

Мы считаем также, что в законе об амнистии в соответствии с юридическими нормами и гуманностью должно быть предусмотрено освобождение всех лиц, отбывших срок свыше установленного сейчас максимального срока в 15 лет по приговорам, вынесенным до принятия ныне существующих основ законодательства.⁵⁵

4 июля 1974 г. А.Д. Сахаров опубликовал заявление в связи окончанием голодовки, призванной в преддверии визита в Москву Президента США Никсона привлечь внимание к положению политических заключенных.

Я призываю объявить амнистию для политических заключенных и немедленно облегчить условия для множества людей, чьи страдания непереносимы. Я прошу допустить в места заключения во всех странах международные комиссии. Я также призываю предпринять усилия, чтобы добиться соблюдения права людей свободно выбирать страну проживания. Соблюдение этого права – важнейшее условие международного доверия, взаимопонимания и сближения между народами.

Я убежден в огромной важности этих мер для нормализации положения в мире. Мой призыв и голодовка привлекли общественное внимание к проблеме политических заключенных и получили поддержку множества людей в СССР и за рубежом.

55. *Воспоминания*. Т. 2. Дополнения. С. 691-692.

Я принял вынужденное медицинскими причинами решение ограничить срок своей голодовки шестью днями. Сегодня утром я кончаю голодать.

Но нельзя забыть, что на карцерном голодном режиме Владимирской тюрьмы опухает Владимир Буковский, в Днепропетровской психиатрической тюрьме подвергается мучениям Леонид Плющ, после семи лет тюремного заключения в Пермской тюрьме томится Игорь Огурцов, которому угрожают психиатрической расправой. Я умоляю мировую общественность, всех честных людей не ослаблять усилий в их защиту, в защиту всех тех других, которые страдают столь же несправедливо.

Я надеюсь, что руководители моей страны проявят добрую волю и пойдут навстречу этому стремлению, начав с самого простого – милосердия к страдающим.

Я глубоко убежден, что не только духовное здоровье человечества, но и само физическое его сохранение зависят от соблюдения основных прав человека и гуманности.⁵⁶

29 октября 1976 г. Сахаров направил «Эмнисти Интернэшнл» призыв к всемирной амнистии для политических заключенных.⁵⁷

Я призываю Вас поднять голос в защиту узников совести. Их страдания, их мужественная ненасильственная борьба за высокие принципы справедливости, гласности, сострадания, человеческого и национального достоинства, свободы совести обязывает всех нас не забывать о них, добиваться их освобождения из тисков жестокой карательной машины.

Я назову лишь несколько самых известных имен узников совести моей страны, за каждым из которых стоят многие другие. Это Владимир

56. *A Chronicle of Human Rights in the USSR*, 10, Хроника-пресс, 1974, р. 21-22. Фрагменты, выделенные курсивом, приводятся в обратном переводе с английского.

57. «Тревога и надежда: Один год общественной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова». Нью-Йорк. Издательство Хроника-пресс, 1978. С. 29.

Буковский, Семен Глузман, Сергей Ковалев, Мустафа Джемилев, Валентин Мороз, Петр Паулайтис, Георгий Вине, Василий Романюк, Данила Шумук, Паруйр Айрикян. Мои друзья, присутствующие на митинге, могут рассказать вам об их жизненном подвиге. Но что я хочу подчеркнуть – это трагическое положение каждого из них.

Я призываю к борьбе за освобождение персонально каждого политзаключенного, имя которого вам известно, за освобождение всех политзаключенных в СССР, в странах Восточной Европы и во всем мире.

Я призываю ко всеобщей политической амнистии!

В 1980 г., когда Сахаров был отправлен в горьковскую ссылку, «Эмнисти Интернэшнл» признала его узником совести. В 1981 г. он обратился к Организации с призывом предпринять усилия для освобождения всех узников совести. Это побудило «Эмнисти» развернуть в декабре 1982 г. всемирную кампанию по сбору подписей под соответствующей петицией. Сахаров, как и другие нобелевские лауреаты, был в числе первых поставивших свою подпись. Более миллиона людей во всем мире подписали эту петицию, которая 8 декабря 1983 г. была представлена председателю Генеральной Ассамблеи и Генеральному секретарю ООН.

По всему миру в тюрьмах томятся тысячи и тысячи людей, чьим единственным преступлением являются их политические и религиозные убеждения. Множество других содержатся в заключении из-за их национальности или цвета кожи. Это узники совести – ни один из них не прибегал к насилию и не призывал к насилию.

Ни один из этих людей не должен содержаться в тюрьме. Сам факт, что они подверглись аресту и наказанию за свои убеждения или свое происхождение, – оскорбление для человечества и человечности. Они должны быть освобождены без всяких условий.

Мы призываем к всеобщей амнистии для всех узников совести.

Мы убеждены, что такая амнистия, поддержанная ООН и объявленная всеми правительствами, возможна. Она означала бы исполнение на практике юридических и моральных принципов, положенных в основание Устава ООН и Всеобщей Декларации прав человека.

Данный призыв распространяется на всех, кто признан в качестве узников совести «Эмнисти Интернэшнл» и на всех, кто подпадает под ее определение узника совести. Он будет представлен Председателю Генеральной Ассамблеи ООН и всем главам государств.

В феврале 1986, еще находясь в Горьком, Сахаров писал генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву о необходимости освобождения узников совести.

В феврале 1986 г. я написал один из самых важных своих документов – письмо на имя М. С. Горбачева с призывом об освобождении узников совести. Толчком явилось интервью Горбачева французской коммунистической газете «Юманите», опубликованное 8 февраля. В этом интервью Горбачев говорил о положении евреев в Советском Союзе, о деле Сахарова и – что в особенности привлекло мое внимание – о политзаключенных ... Горбачев заявлял, что в СССР нет политических заключенных и нет преследований за убеждения. В своем письме я, отправляясь от этого тезиса, детально показал, что арест и осуждение людей по статьям 70 и 190-1 Уголовного кодекса РСФСР фактически всегда является преследованием за убеждения, также как нередко осуждение по «религиозным» статьям 142 и 227 и заключение в психбольницу по политическим мотивам и использование с теми же целями фальсифицированных обвинений в уголовных преступлениях. Я кратко рассказал в качестве примера о деле и судьбе некоторых лично известных мне узников совести. ... Первым среди названных мною был Толя Марченко. 19 февраля я отправил письмо адресату.

3 сентября по моей просьбе оно было опубликовано за рубежом (через 6 месяцев после даты извещения о доставке). Я предполагаю, что, возможно, начавшееся в первые месяцы 1987 года освобождение узников совести в какой-то мере было инициировано этим письмом, в условиях провозглашенной гласности и моего и Люсиного возвращения в Москву. Мне хотелось бы так думать.⁵⁸

Политические процессы и верховенство права

Сахаров был одним из тех, кто в 1966 г. подписал телеграмму в адрес Верховного Совета в связи с дополнением Уголовного Кодекса статьями 190¹ («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй») и 190³ («организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок»). Среди подписавших телеграмму были физики Виталий Гинзбург, Михаил Леонтович, Аркадий Мигдал, Игорь Тамм, Яков Зельдович, писатели Виктор Некрасов и Владимир Войнович, кинорежиссер Михаил Ромм и композитор Дмитрий Шостакович.

Мы, группа советских граждан, считаем своим долгом выразить отношение к принятому Президиумом Верховного Совета РСФСР Указу от 16 сентября 1966 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР».

По нашему мнению, дополнение УК РСФСР статьями 190¹, 190³ дает возможность субъективной оценки, произвольного квалификации чьих-либо высказываний как заведомо ложных, порочащих советский государственный и общественный строй.

Мы уверены, что статьи 190¹ и 190³ противоречат ленинским принципам социалистической демократии и в случае утверждения их сессией

58. Горький, Москва, далее везде // Воспоминания. Т. 3 С. 409-410.

Верховного Совета РСФСР могут быть препятствием к осуществлению свобод, гарантированных Конституцией СССР.⁵⁹

Призыв авторов телеграммы не возымел действия, и впоследствии эти статьи широко использовались для наказания тех, кто позволял себе осуждать систему наряду со статьей 70, которая предусматривала более суровое наказание, но требовала доказательств сознательного намерения нанести ущерб интересам государства.

Первым из множества судебных процессов, на которых Сахаров присутствовал в качестве наблюдателя, был процесс Революта Пименова и Бориса Вайля в октябре 1970 г.

Дальнейшее мое сближение с проблемами защиты прав человека произошло в октябре 1970 года, когда я был допущен присутствовать на политическом процессе. Математик Револют Пименов и артист театра кукол Борис Вайль обвинялись в распространении «самиздата» – давали читать друзьям книги и рукописи. В данном случае упоминалась статья Джиласа, чешский манифест «2000 слов», личные комментарии Пименова к речи Хрущева на XX съезде и т. д. Я сидел в зале, заполненном «стажерами» КГБ, а друзья подсудимых в течение всего процесса находились в коридоре первого этажа. Это еще одна черта всех без исключения политических процессов. Формально они открыты для публики, но зал заранее заполняется специально для этого привезенными сотрудниками КГБ, и еще другая группа сотрудников окружает суд со всех сторон, они всегда в штатском, называют себя дружинниками и якобы охраняют общественный порядок. Так было (с незначительными вариациями) на всех судах, на которые я допускался в зал заседания. Допуски же эти были, по-видимому, некоторой данью

59. 5 декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах самиздата, публикациях зарубежной прессы и в документах партийных и комсомольских организаций и записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС. М., Общество «Мемориал» — Издательство Звенья. 2005. С. 157.

моим прежним заслугам. Пименова и Вайля осудили на пять лет ссылки каждого, несмотря на то, что адвокат Вайля на кассационном суде привел веские доводы о его полной непричастности к инкриминируемым ему эпизодам. В последнем слове Борис Вайль сказал, что несправедливый приговор сказывается не только на судьбе осужденного, но и на сердце судей.

Начиная с осени 1971 года я уже оказался вне линии дружинников. Но больше ничего не менялось. На суде над известным астрофизиком Кронидом Любарским (который обвинялся все в том же – в распространении «самиздата») разыгрался очень показательный и трагический спектакль. Нас не пустили в зал, а когда заседание началось, «неизвестные в штатском» с применением силы вытолкнули из вестибюля суда на улицу. После этого на входную дверь народного суда был повешен большой амбарный замок. Надо видеть своими глазами весь этот бессмысленный и жестокий театр, чтобы прочувствовать его до конца! Но зачем все это? Я не могу дать другого ответа кроме того, что фарс, разыгрывающийся внутри суда, в еще меньшей мере предназначен для гласности, чем фарс у стен суда. Казенно-бюрократическая логика судопроизводства неизбежно выглядит гротескной в свете гласности, даже при формальном соблюдении закона, что тоже бывает далеко не всегда.⁶⁰

В декабре 1975 г. Сахаров выехал в Вильнюс, чтобы присутствовать на суде над Сергеем Ковалевым, арестованным 27 декабря 1974 г. за редактирование нескольких выпусков «Хроники текущих событий». Суд проходил 9–12 декабря 1975 г. – одновременно с церемонией вручения Нобелевской премии в Осло. Сахарова и других друзей Ковалева не допустили в зал заседаний суда. Ковалеву было предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР – ведение антисоветской агитации и пропаганды. Он

60. «Сахаров о себе» // Андрей Сахаров. Мир, прогресс, права человека. С. 10-11.

был приговорен к семи годам заключения в исправительно-трудовом лагере и трем годам ссылки. По возвращении в Москву 18 декабря Сахаров созвал пресс-конференцию и выступил со следующим заявлением.

Я хотел бы отметить прежде всего, что Ковалев осужден за защиту, по велению совести, других людей, ставших, по его глубокому убеждению, жертвой несправедливости. И ни цели подрыва советской власти, ни клеветнический характер его действий обвинение не доказало. Суд был вызывающе незаконным – без гласности, без прений сторон, без защиты и подсудимого, без его последнего слова.

Ковалев долго и тщательно готовился к опровержению предъявленных ему обвинений, и в первую очередь обвинений, относящихся к «Хронике текущих событий». В семи инкриминируемых ему номерах «Хроники» содержится 694 эпизода. Обвинение исследовало 172 из них. В отношении 11 эпизодов Ковалев не исключает возможности ошибки. Он собирался доказать, что все эти ошибки не носят преднамеренного, клеветнического характера. 89 эпизодов признало точными даже следствие, в 72 случаях Ковалев собирался доказывать отсутствие ошибок в сообщениях «Хроники». Но ему не пришлось даже приступить к выполнению этой задачи, и мы не скоро узнаем его, без сомнения, глубоко продуманные и убедительные аргументы.

На суде фигурировало около 7 эпизодов, которыми обвинение хотело доказать клеветнический характер «Хроники». Сегодня мы в состоянии утверждать, что лишь в одном или двух малозначительных случаях обвинению удалось поставить под сомнение достоверность сообщений «Хроники».

Арест и осуждение Ковалева – вызов советскому и мировому общественному мнению.

Власти – после Хельсинки и во время Нобелевской церемонии – явно хотели продемонстрировать твердость и силу, позволяющую пренебрегать даже собственными законами. Оставить этот вызов без ответа – значит предать выдающегося человека, но и важнейшие принципы, от которых зависит столь многое. Требовать отмены приговора Ковалеву – вот единственный возможный ответ.⁶¹

Сахаров и Елена Боннэр присутствовали в качестве наблюдателей и на суде над Юрием Орловым в Москве 15–18 мая 1978 г. Орлов был арестован в 1977 г. по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В своих «Воспоминаниях» Сахаров пишет, что многие, включая и его самого, думали, что власти не решатся его арестовать или что он будет приговорен лишь к ссылке, но Орлов получил максимальный срок – семь лет исправительно-трудовых лагерей и пять лет ссылки, и подвергался в лагерях очень суровому обращению. В 1986 г. он был депортирован в США в результате договоренности об обмене, распространявшейся также на содержавшегося в советской тюрьме американского журналиста Николаса Данилова и советского физика и шпиона Геннадия Захарова, содержавшегося в тюрьме в США.

Приехало очень много друзей обвиняемого, много иностранных корреспондентов и представители некоторых иностранных посольств. Но на этот раз нас не пустили даже к зданию суда – специальные ограждения и наряды милиции не подпускали ближе 15-20 метров. Во время процесса жену и сыновей Орлова дважды обыскивали с применением грубой физической силы, срывали одежду – искали магнитофон с записью этого формально открытого суда. Даже адвоката, однажды, разошедшиеся гебисты подвергли насилию – заперли во время процесса в комнате рядом с залом.

В последний день суда, перед вынесением приговора, когда я стал громко настаивать, чтобы присутствующих друзей подсудимого

61. *Хроника текущих событий*. 31 декабря 1975 г. Выпуск 38. С. 24-25.

пустили на суд, и стал протискиваться сквозь толпу, возникла потасовка. Меня, а потом и других, поволокли в стоящие рядом милицейские машины; я ударил кого-то из гебистов, один из гебистов очень сильно и профессионально ударил Люсю по шее, она ему ответила. При заталкивании в машину Люся уже по инерции нечаянно ударила начальника местного отделения милиции. Нас с Люсей вскоре отпустили, а потом вызвали повесткой в суд. Обвинение – хулиганские выкрики во время суда; штрафы: мне – 50, Люсе – 40 рублей. Во время суда Люся сказала: – Сотрудника ГБ я ударила правильно и не раскаиваюсь. Начальника отделения (фамилия) я ударила зря, прошу его извинить меня.

Ее слова были полностью проигнорированы – за рукоприкладство нас судить тогда не собирались. В зале присутствовало много милиции: вероятно, они были довольны Люсиными словами. Двоих из задержанных одновременно с нами осудили на «15 суток». Я чувствовал себя немного виноватым перед ними.⁶²

30 октября 1976 г. Сахаров дал письменные ответы на вопросы журналиста, касающиеся состояния законности в СССР.

Вопрос: Советская власть говорит, что инакомыслящие Сергей Ковалев и Андрей Твердохлебов осуждены потому, что они нарушили советский закон. Можете ли Вы сказать о советской законности?

Сахаров: Юридической культуры, беспристрастности и независимости судей, стремления к справедливости не хватает всей советской юридической системе, и не только в отношении инакомыслящих. Я получаю сотни отчаянных писем от осужденных по обычным уголовным (не политическим) делам, от их родственников. Вполне учитывая заинтересованность и пристрастность моих корреспондентов, я все же не могу не приходиться в ужас от открывающейся

62. *Воспоминания.* Т. 2. С. 384.

картины судебного произвола и коррупции, жестокости и отсутствия желания власть имущих исправлять допущенные ошибки и несправедливости. Не утруждая себя сбором доказательств, следователи нередко (сами или с помощью заключенных) избивают подсудимых, добиваясь нужных им показаний, – об этом я читаю почти во всех письмах. Так погиб в Казахстане 19-летний мальчик Игорь Брусникин. В политических делах, к счастью, об этом сейчас не слышно. Даже такие серьезные дела, где предусмотрена смертная казнь, например, умышленное убийство, рассматриваются некоторыми судами необычайно поверхностно, с полным игнорированием противоречий в деле и требований защиты. Дело расстрелянного в январе 1976 года после почти двухлетнего пребывания в камере смертников рабочего татарина Рафката Шаймухамедова – страшный пример того, как безжалостно и несправедливо работает иногда наша судебная машина (прокурор и, по-видимому, «автор» дела – Бекбоев).

И вот в такой суд попадает политическое дело, по которому желаемый приговор заранее определен высокими чинами КГБ, и участники процесса точно знают, что любая «вольность» повредит их карьере. Переодетые агенты той же организации бдительно охраняют зал от проникновения любых нежелательных слушателей судебного спектакля. Можно ли ждать в этих условиях обоснованного приговора?

Ковалев и Твердохлебов, как и многие до них, осуждены по статьям 70 и 190-1 Уголовного кодекса РСФСР. Содержащиеся в этих статьях понятия – антисоветская агитация и пропаганда, клеветнические измышления, наличие цели подрыва или ослабления советского государственного и общественного строя – никак не определены юридически. Ложность тех заявлений и публикаций, которые инкриминировались обвиняемым, не могла быть доказана судами просто потому, что речь в них идет о тех самых

нарушениях прав человека, которых так много у нас. Поэтому чистая демагогия – утверждение появившихся в советской печати статей, согласно которым Ковалев и Твердохлебов осуждены не за убеждения, а за «конкретные преступные клеветнические действия». Столь же нелепо обвинение в наличии цели подрыва советского строя. Цели ненасильственной борьбы за права человека, за гласность и справедливость, за открытость советского общества являются не подрывными, а конструктивными, не политическими, а гуманными и социальными. В осуществлении этих целей заинтересовано все человечество.⁶³

Свои усилия по утверждению законности и верховенства права Сахаров не оставлял и на I съезде народных депутатов в 1989 г.

В течение последнего года в нашей стране был принят ряд законов и указов, которые вызывают большую озабоченность общественности. Мы не вполне знаем механизм выработки этих законов и вообще того, как шла законотворческая деятельность в нашей стране. Многие юристы даже писали, что они не знают, на каком этапе, в каких местах формулируется окончательный вид законов. Но законодательные акты, о которых идет речь, действительно вызвали очень большую озабоченность общественности. Это указы о митингах и демонстрациях, об обязанностях и правах внутренних войск при охране общественного порядка, которые были приняты в октябре прошлого года.

По моему мнению, эти указы представляют собой шаг назад в демократизации нашей страны и шаг назад по сравнению с теми международными обязательствами, которые приняло наше государство. Они отражают страх перед волей народа, страх перед свободной демократической активностью народа, и в них был заложен тот взрывчатый материал, который проявился в Минске, в поселке Ленине в Крыму,

63. *Тревога и надежда*. Т. 1 С.399-401.

в Красноярске, Куропатах и многих других местах, и апогеем всего были трагические события в Тбилиси, о которых мы говорим. Я хотел бы знать, какова роль товарища Лукьянова в разработке этих указов, санкционировал ли он их, каково его личное отношение к этим указам? Это первый вопрос.

Второй вопрос. Указ Президиума Верховного Совета СССР, принятый 8 апреля [о преступлениях против государства]. На мой взгляд, он тоже противоречит принципам демократии. Есть важнейший принцип, который сформулирован и во Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 году, и такой международной организацией, как Международная амнистия. Принцип заключается в том, что никакие действия, связанные с убеждениями, если они не сопряжены с насилием и с призывом к насилию, не могут служить предметом уголовного преследования. Это ключевой принцип, лежащий в основе демократической правовой системы. И этого ключевого слова «насилие» в формулировке Указа от 8 апреля нет. Поэтому он представляется мне неудовлетворительным. Но, кроме того, там возникла дополнительная статья 11-1, которая всем нам хорошо известна и, к сожалению – так как Указ начал применяться, – уже начали людей осуждать, и потребовалось разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, но оно тоже представляется мне не полным и не удовлетворительным, а самое главное очень плохо, когда к закону, к указу требуется разъяснение. ...

Я получал множество писем от людей, по их мнению, незаконно осужденных, и от родственников осужденных. Эти люди сообщали, что они обращались в Прокуратуру, посылая документы, доказывающие несправедливость приговора. В ряде случаев аргументы были очень серьезными. Во всех случаях Прокуратура давала формальный ответ: «Оснований для пересмотра приговора не имеется» – без конкретного анализа аргументов жалобщика. В печати сообщалось, что в большинстве случаев Прокуратура даже не затребовала дело. Формальный

ответ получил и я на надзорную жалобу, посланную мною по делу моей жены Боннэр Е. Г. Как вы относитесь к подобной практике?⁶⁴

Отмена смертной казни

Дед А.Д. Сахарова, Иван Сахаров, был преуспевающим юристом, придерживавшимся либеральных взглядов. Под его редакцией выходил сборник, в котором отстаивалась необходимость отмены смертной казни. Сахаров еще ребенком прочитал эти работы, и они произвели на него большое впечатление.⁶⁵

В 1962 г. Сахаров направил главному редактору газеты «Неделя» письмо в связи с одним делом, о котором рассказывалось на страницах газеты, и просил переправить это письмо в прокуратуру.

Дело, раскрытое следователем, было следующее. Некий старик в маленьком городке изготовил в домашних условиях, в сарае, несколько фальшивых монет и зарыл их у себя во дворе. Кажется, на одну из монет он купил себе молока. Кто-то из приятелей рассказал еще кому-то; в результате у старика сделали обыск, нашли в огороде фальшивые рубли, завернутые в носовой платок. Старика арестовали, был показательный суд, и – как пишет следователь – по многочисленным требованиям трудящихся как особо опасного преступника его приговорили к расстрелу. Мне показалось, что наказание совершенно не соответствует тяжести преступления, которого в сущности-то и не было.⁶⁶

Осенью 1972 г. Сахаров подготовил текст письма Верховному Совету, содержавшего призыв к отмене смертной казни, и собрал под ним более 50 подписей.

Многие люди издавна стремились к отмене смертной казни, считая, что она противоречит нравственному чувству и не может быть оправдана никакими

64. Горький, Москва, далее везде. С. 669-670, 671.

65. Воспоминания. Т. 1. С. 19.

66. Воспоминания. Т. 1. С. 530.

общими социальными соображениями. Смертная казнь отменена сейчас во многих странах.

В годовщину создания Союза Советских Социалистических Республик мы призываем Верховный Совет СССР принять закон об отмене смертной казни в нашей стране.

Такое решение будет способствовать, в частности, дальнейшему распространению этого акта гуманности во всем мире.⁶⁷

По просьбе «Эмнисти Интернэшнл» Сахаров направил заявление на проходивший в декабре 1977 г. в Стокгольме международный симпозиум по отмене смертной казни.

... Я считаю смертную казнь жестоким и безнравственным институтом, подрывающим нравственные и правовые устои общества. Государство в лице своих чиновников, как все люди, склонные к поверхностным выводам, как все люди, подверженные влияниям, связям, предрассудкам и эгоцентрической мотивации поведения, – присваивает себе право на самое страшное и абсолютно необратимое действие: лишение жизни. Такое государство не может рассчитывать на улучшение нравственной атмосферы в стране. Я отрицаю сколько-нибудь существенное устрашающее действие смертной казни на потенциальных преступников. Я уверен в обратном – жестокость порождает жестокость.

Я отрицаю практическую необходимость и эффективность смертной казни как средства защиты общества. Необходимая в некоторых случаях временная изоляция преступников должна осуществляться более гуманными, более гибкими мерами, допускающими корректировку в случае судебной ошибки или изменений в обществе или в личности преступника.

67. Обращение в Верховный Совет СССР. «Об отмене смертной казни» // *Воспоминания*. Т. 2. С. 693.

Я убежден, что общество в целом и каждый его член в отдельности, а не только те, кто предстает перед судом, несут ответственность за происходящие преступления. У задачи уменьшения и ликвидации преступности нет простых решений, и, во всяком случае, не смертная казнь является таким решением. Только длительная эволюция общества, общий гуманистический подъем, воспитывающий в людях глубокое преклонение перед жизнью и человеческим разумом, и большее внимание к трудностям и проблемам ближнего могут привести в будущем к снижению преступности и даже полной ее ликвидации. Такое гуманное общество сейчас не более чем мечта, и только акты проявления гуманности сегодня создадут надежду на возможность ее осуществления в будущем. Я считаю, что принципиальная важность полной отмены смертной казни дает основания не рассматривать те возражения сторонников ее сохранения, которые основываются на частных исключительных случаях.

Еще в детстве я с содроганием читал замечательный сборник «Против смертной казни», изданный в России в 1906–1907 годах, в годы послереволюционных казней. (Изд. Сытина, с участием моего деда И. Н. Сахарова.) Я знаю страстные высказывания писателей – Л. Толстого, Достоевского, Гюго, Короленко, Розанова, Андреева и многих других. Из упомянутого сборника я знаю аргументацию ряда ученых – Баженова (психология казнимых), Соловьева, Гернета, Гольдовского, Давыдова и др. Я разделяю их убежденность в том, что смертная казнь по своему психологическому ужасу и соизмерима с большинством преступлений и что поэтому она никогда не является справедливым возмездием, наказанием. Да и о каком наказании может идти речь по отношению к человеку, который перестает существовать. Так же, как они, я убежден, что смертная казнь не имеет моральных и практических оправданий и представляет собой пережиток варварских обычаев мести. Мести, осуществляемой хладнокровно и обдуманно, без личной опасности для палачей и без аффекта у судей, и поэтому особенно позорной и отвратительной.

Кратко останавлиюсь на часто обсуждаемом сейчас вопросе о терроризме. Я считаю совершенно неэффективной смертную казнь для борьбы с терроризмом и другими политическими преступлениями, совершаемыми из фанатических убеждений, – в этом случае смертная казнь является только катализатором более массового психоза беззакония, мести и жестокости. Сказанное не значит, что я в какой-то мере оправдываю современный политический терроризм, сопровождающийся часто гибелью не причастных, случайных людей, взятием заложников, в том числе детей, и другими ужасными преступлениями. Но я убежден, что тюремное заключение, быть может, с принятием закона, запрещающего в установленных судом случаях досрочное освобождение, является более разумным для физической и психологической изоляции террористов, для предупреждения дальнейших актов террора.

Особенно важна отмена смертной казни в такой стране, как наша, с неограниченным господством государственной власти и бесконтрольной бюрократии, с широко распространенным пренебрежением к закону и моральным ценностям. Вы знаете о десятилетиях массовых казней неверных, которые осуществлялись без какого-либо подобия правосудия (а еще большее число людей погибло вообще без судебного приговора). Мы все еще живем в созданной этой эпохой нравственной атмосфере.

Я особо хочу обратить ваше внимание на то, что в СССР смертная казнь назначается за многие преступления, никак не связанные с покушением на человеческую жизнь. Многим памятно, например, дело Рокотова и Файбишенко, обвиненных в 1961 году в подпольной торговле драгоценностями и незаконных валютных операциях. Президиум Верховного Совета принял тогда закон, предусматривающий смертную казнь за крупные имущественные преступления, когда они уже были присуждены к тюремному заключению. Состоялся новый суд, и задним числом – что нарушает важнейший юридический принцип – их приговорили

к смерти. А затем по этому и аналогичным законам были осуждены многие, в частности за частнопредпринимательскую деятельность, за организацию артелей и т.п. В 1962 году был расстрелян старик, изготовивший несколько фальшивых монет и зарывший их во дворе.

Общее число смертных казней в СССР неизвестно – эти данные засекречены, но есть основания предполагать, что оно составляет сейчас несколько сот человек в год, то есть больше, чем в большинстве других стран, где еще существует этот варварский институт. Есть и другие особенности нашей современной действительности, которые имеют отношение к обсуждаемой проблеме. Это удручающе низкий культурный и нравственный уровень нашего теперешнего уголовного правосудия, его зависимость от государства, а часто – коррупция, взяточничество и зависимость от местного «начальства». Я получаю огромное количество писем от осужденных по уголовным делам. Хотя я не могу проверить эти дела в каждом конкретном случае, но в своей совокупности они создают неоспоримую и ужасную картину беззакония и бесправия, поверхностного и предвзятого разбирательства, невозможности добиться пересмотра явно ошибочных или сомнительных приговоров, избиений на допросах. Среди этих дел есть и связанные со смертными приговорами. Вот одно из них. Передо мной копия приговора Рафкату Шаймухамедову, документы, составленные адвокатом, письма матери. Рабочий, татарин по национальности, Шаймухамедов приговорен к расстрелу 31 мая 1974 года в Иссык-Куле по обвинению в убийстве с целью грабежа продавщицы магазина в соучастии с двумя другими молодыми людьми (приговоренными тогда же к нескольким годам заключения). Шаймухамедов, отрицая свою виновность, отказался просить о помиловании и объявил голодовку. 20 месяцев он провел в камере смертников, ожидая или казни, или пересмотра дела. За это время мать и адвокаты направили десятки жалоб, но все вышестоящие инстанции безо всякого рассмотрения возвращали их обратно. В январе 1976 года приговор был приведен в исполнение с санкции зам. прокурора СССР Малярова.

Приговор Шаймухамедову поразителен своей безграмотностью в прямом и юридическом смысле, бездоказательностью и противоречивостью. Из жалоб адвокатов и из письма матери выявляется еще более впечатляющая картина. Не доказано присутствие осужденного на месте преступления. Игнорируются все противоречащие версии обвинения показания свидетелей, а также данные экспертизы (согласно которой группа крови потерпевшей не совпадает с группой крови в пятне на одежде Шаймухамедова). В письме матери утверждается, что причина такой пристрастности – корыстная заинтересованность двух прокуроров (Бекбоева и Клешина); она рассказывает о сценах вымогательства, о взятке, полученной от другого обвиняемого, о фабрикации – уже после расстрела Рафката – уголовного дела против второго сына с той же целью вымогательства. Я не могу проверить этих сообщений, но мне ясно главное – с какой легкостью и отсутствием аргументации вынесен смертный приговор, как легко такое страшное дело становится рутинной.

Я так подробно остановился на этом деле потому, что в нем, как мне кажется, наглядно отразился весь ужас смертной казни и ее разрушающее влияние на общество.

Я надеюсь, что симпозиум внесет вклад в благородные усилия многих поколений, направленные на полную отмену смертной казни во всем мире.

19 сентября 1977 г.⁶⁸

Защита окружающей среды

Катастрофическое, по его мнению, состояние окружающей среды Сахаров объяснял, в числе прочего, безнаказанностью власть имущих.

68. В организационный комитет симпозиума по проблеме смертной казни // Тревога и надежда. Т. 1. С. 465-471.

Он пишет о своих впечатлениях от выступлений на I съезде народных депутатов в 1989 г.

... выступление было одним из самых страшных на Съезде, наравне с выступлениями, рассказывающими о бедствиях Узбекистана, выми-
рающих северных народов, бедствиях зон радиационного поражения
от Чернобыльской аварии, об отравлении воздуха и воды в центрах
большой химии и металлургии. В области экологии положение в нашей
стране трагично. Эта беда в значительной мере связана с эгоизмом и
безнаказанностью гигантских сверхмонополий – ведомств, так же, как
и другие трудности нашей жизни.⁶⁹

Проблема Байкала

В 1967 году я был вовлечен еще в одно общественное дело боль-
шого значения – проблему Байкала. Уже несколько лет перед этим в
«Комсомольской правде», в «Литературной газете» и в некоторых дру-
гих газетах начали появляться тревожные статьи на эту тему, некоторые
из них были написаны очень остро и убедительно. Речь шла об угрозе,
которую представляет для Байкала осуществляемое на его берегах про-
мышленное строительство, сопровождаемое к тому же рубкой лесов,
лесосплавом, спуском в Байкал отходов химического производства.
... Мое участие в борьбе за Байкал было безрезультатным, но очень
много значило лично для меня, заставив вплотную соприкоснуться с
проблемами охраны среды обитания и в особенности с тем, как она
преломляется в специфических условиях нашей страны....

Расскажу подробнее свой опыт. В один из первых месяцев 1967 года
ко мне пришел молодой человек, студент Московского энергетичес-
кого института, член созданного при ЦК комсомола Комитета защиты

69. Горький, Москва, далее везде. С. 663-664.

Байкала. Он предложил мне принять участие в заседаниях Комитета, ознакомиться с проблемой и, если я сочту возможным, примкнуть к защите Байкала. Дело показалось мне серьезным. ... Со своей стороны я провел собственные изыскания, встретившись с профессором Рагозиным, специалистом по целлюлозной промышленности ...

Еще в конце 50-х годов министр бумажной промышленности Орлов дал указание строить на Байкале большой целлюлозный комбинат. Цель – производство особо прочной вискозы для авиационного корда (основа шин). Предполагалось, что в более чистой байкальской воде при полимеризации будут образовываться более длинные молекулы вискозы и, соответственно, нити будут прочнее. ... Однако авиационная промышленность отказалась от вискозного корда, заменив его металлическим. В результате цель строительства комбината именно на Байкале, которая с самого начала была несоизмерима с причиняемым ущербом, вообще исчезла. Но комбинат продолжал строиться, и целые армии чиновников, защищая ранее принятое вредное и бессмысленное решение, а фактически – честь мундира, продолжали настаивать на его необходимости для государства, для обороны страны (обычный «окончательный» аргумент). Когда строительство началось, защитники Байкала выяснили по старым документам, что ... комбинат строился в сейсмоопасном месте. Пошли телеграммы в Москву. Но строительство не отменили, ... – его передали новому субподрядчику, а именно Министерству среднего машиностроения, которому в благодарность ... разрешили рубить лес в водоохранной зоне Байкала. Но главная проблема была – очистка сточных вод. Соответствующие институты разработали систему биологической очистки, после которой сточные воды по каналу направлялись в Ангару, минуя Байкал. Правда, специалисты – защитники Байкала нашли слабые места в этой системе (потом их опасения с большим избытком подтвердились). Была создана экспертная комиссия Академии наук под председательством академика Жаворонкова, весьма далекого от этих проблем (специалиста

по неорганической химии), но готового выполнить волю президента Академии, а тот – волю Госплана СССР.

Комитет по спасению Байкала имел в своем распоряжении обширные материалы о влиянии на Байкал и его ареал различных факторов воздействия человека – лесосплава на впадающих в Байкал реках, отчего уже погибла молодь большинства рыб. ... Предложения Комитета сводились к объявлению зоны Байкала запретной для промышленного использования и переносу уже построенных предприятий в другие места. Документы Комитета ... с приложением писем граждан в редакции «Литературной газеты» и «Комсомольской правды» были направлены в ЦК КПСС.

Я решил также лично позвонить Л. И. Брежневу (это был мой последний разговор с ним). Брежнев был очень любезен и доброжелателен по тону, пожаловался на крайнее переутомление и сказал, что проблемой Байкала занимается Косыгин – я должен обратиться к нему. К сожалению, я этого не сделал вовремя, сразу. Я никогда не имел дела с Косыгиным, не знал его лично и опасался, что мой звонок ему без подготовки не будет полезен. Я же думал, что, позвонив по важному вопросу человеку, который стоит во главе государства, я сделал все необходимое. Это, несомненно, была моя ошибка.

Через короткое время я узнал, что в Совете Министров состоялось заседание, на котором было принято окончательное решение. От Академии наук присутствовали М. В. Келдыш (президент) и, кажется, Жаворонков. На заседании Косыгин спросил Келдыша:

– Каково будет мнение Академии? Если защита ненадежна, мы отменим строительство.

Отвечая, Келдыш доложил решение Комиссии Жаворонкова о полной надежности системы очистки вод и всей системы защиты Байкала. ...

Я уверен, что в значительной степени позиция Келдыша, ход его мыслей, восприимчивость к аргументам той и другой сторон объясняются тем, что Академия наук является в административном смысле частью гигантской бюрократической машины, в вершине которой стоят отделы ЦК, Госплан, министерства и т. п. От этой машины зависят ассигнования на науку, снабжение и т. п. Поэтому для Келдыша, для Президиума АН СССР естественнее всего не идти против этой машины и, если можно, не копаться в аргументах «романтических смутьянов», априори считая их демагогией, преувеличением, вообще глупостью.

Через два года комсомольская экспедиция уже могла фотографировать на Байкале массовую гибель рыбы и зоопланктона от аварийных сбросов отравленных стоков, которых, однако, вроде бы не было – согласно инструкции, аварийные сбросы в журнале не регистрировались. На бумаге, как всегда, все было в порядке.⁷⁰

Общее собрание Академии наук СССР

Несколько вопросов, касающихся защиты окружающей среды, Сахаров поднял на сессии Общего собрания Академии наук СССР 28 декабря 1988 г. Он призвал Академию наук выступить за прекращение работ по сооружению канала Волга–Чограй из-за высокой стоимости строительства и опасений, что забор воды из Волги может потребовать поворота северных рек в бассейн Волги и будет угрожать популяции осетровых. Он затронул также вопрос о безопасности атомных электростанций, утверждая, что решением проблемы может быть строительство станций под землей и принятие международного закона, запрещающего строительство наземных ядерных реакторов, поскольку последствия ядерных катастроф выходят за пределы границ любой отдельной страны. Проблемы ядерной безопасности, утверждал он, – это не чисто технические или экономические проблемы. Это и

70. Воспоминания. Т. 1. С. 602-609.

проблемы психологические и социальные: нельзя превращать людей в заложников бесконечной неопределенности и непредсказуемости: ведь после черновыльской катастрофы 1986 г. непредсказуемость возросла многократно. Он призывал опубликовать информацию о Чернобыле, преодолев сопротивление ведомств, несущих ответственность за результаты катастрофы и не желающих раскрывать правду о ней. Он призывал также развернуть исследования, призванные выявить масштабы ущерба для генофонда человека от выбросов химических веществ и радиации. Хотя последствия применения отдельных химических веществ и изучаются с тем, чтобы установить предельно допустимые нормы их содержания в воздухе, в реках, озерах и питьевой воде, такие исследования ведутся в отрыве от общей картины.

Необходимо рассмотреть проблему в целом и понять, что она даст нашему или будущему поколению, потому что генетические повреждения накапливаются в наследственном механизме. И речь идет не только о химизации, но и о радиации. Необходимо выяснить степень опасности, связанной с нарушением генофонда человека. Вы уже слышали о том, что возрастает количество психических заболеваний, а это, несомненно, тоже связано с какими-то генетическими повреждениями. Необходима выработка практических рекомендаций. Уже сейчас нужно исключить все сильные мутагены из сельскохозяйственной практики и других областей жизни. Но может быть, еще более важно исключение слабых мутагенов, применяемых в больших количествах. Эта проблема генетического фонда человечества в целом мне представляется исключительно важной.⁷¹

Международная ответственность за соблюдение прав человека

Когда в 1945 г. государства мира приняли Устав Организации Объединенных Наций, они подтвердили свою веру в права человека, объявили, что содействие соблюдению прав человека и основных свобод является одной из трех основных целей ООН и обязались принимать

71. Сессия Общего собрания АН СССР // *Вестник АН СССР*. 1989. № 5. С. 116.

меры к их повсеместному соблюдению и уважению. То, как государство обращается со своими гражданами, перестало быть его исключительным делом и стало предметом законного беспокойства и ответственности других государств и их граждан. Сахаров никогда не сомневался в том, что права человека составляют всеобщую проблему и предмет всеобщей ответственности и неразрывно связаны с поддержанием мира во всем мире и с экономическим и социальным прогрессом. В своем обращении 11 октября 1976 г., адресованном Президенту США Джеральду Форду и Джимми Картеру в преддверии ноябрьских президентских выборов он писал:

... Я убежден, что обеспечение во всем мире политических и гражданских прав человека, свободы убеждений и совести, свободы информационного обмена, свободы передвижения и выбора страны проживания неотделимо от основных задач, стоящих перед человечеством, – обеспечения международной безопасности, экономического и социального прогресса, сохранения среды обитания. Я убежден, что в защите прав человека не место изоляционизму и национальному эгоизму.

Все более широкое признание этих принципов, отразившееся в Хельсинкской декларации, открывает новые возможности международных действий. В их числе – борьба за всеобщую всемирную амнистию политзаключенных.⁷²

21 января 1977 г., вскоре после инаугурации Президента Картера, Сахаров вновь направил ему письмо с просьбой о помощи в освобождении узников совести и приводил имена политических заключенных в СССР.

Очень важно защитить тех, кто страдает за свою борьбу за гласность, за справедливость, за попранные права. Наш и ваш долг – бороться за них. Я думаю, что от этой борьбы зависит очень многое – доверие между людьми, доверие к высоким обещаниям, в конце концов – международная безопасность.

72. Сахаров А. Д. *Тревога и надежда: Один год общественной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова*. С. 26-27.

Картер ответил ему письмом от 5 февраля 1977 г. Соблюдение прав человека, писал он, будет центральной заботой его администрации. Соединенные Штаты будут использовать свои возможности, чтобы добиваться освобождения узников совести и продолжат усилия, чтобы создать такой мир, в котором будет проявляться отзывчивость к человеческим стремлениям, в котором люди с различной историей и культурой смогут жить бок о бок в мире и справедливости. Воодушевленный этой реакцией, Сахаров в тот же день ответил на письмо.

Я неоднократно писал и говорил, что защита основных прав человека – это не вмешательство во внутренние дела других стран, а одно из самых главных международных дел, не отделимое от основных проблем мира и прогресса. Сегодня, получив Ваше письмо, исключительный характер которого я ясно понимаю, я могу только еще раз повторить это.⁷³

Этот обмен письмами вызвал споры как в СССР, так и в США, где дал толчок серьезным дискуссиям о внешнеполитическом курсе страны. 25 марта 1977 г. Сахаров отвечал на вопрос корреспондента ради- и телевещательной корпорации ABC:

Вопрос: С тех пор как Картер стал президентом, некоторые из диссидентов были арестованы и Вам самому грозит судебное преследование. Некоторые говорят, что позиция Президента Картера относительно прав человека внушила советскому правительству более жестко подавлять диссидентов. Согласны ли Вы с этим?

Сахаров: Категорически – нет! Репрессии – это наша повседневная жизнь. Они были и при Никсоне, и при Форде, до Хельсинки и после Хельсинки. Последняя волна репрессий началась в первых числах января, т.е. до вступления Картера в должность. Конечно, Картер, сделав публичные заявления о правах человека, принял

73. Переписка с Президентом Картером // *Воспоминания*. Т. 2. С. 696, 699.

на себя ответственность. Если после общих заявлений не последуют конкретные действия, если общественность США и других стран Запада, законодательные органы, люди бизнеса, научные и культурные организации, ответственные за контакты, профсоюзы не поддержат эти заявления и выраженные в них принципы, – то не только не будут освобождены те, кто уже в заключении, но может произойти и дальнейшее расширение репрессий.

Вопрос: Многие советские комментаторы говорят, что письмо Картера к Вам является вмешательством во внутренние дела СССР. Согласны ли Вы с этим?

Сахаров: Личное письмо, в котором даже нет упоминания об СССР, никак не может быть вмешательством в его внутренние дела.⁷⁴

2 мая 1981 г. Рональд Рейган направил Сахарову поздравление с шестидесятилетием.

Я рад случаю присоединиться к поздравлениям академику Андрею Сахарову по случаю его шестидесятилетия. Сахаров – один из подлинных духовных героев нашего времени. Выдающийся ученый, чье положение обеспечивало ему любой комфорт и безопасность, каких он мог пожелать, – он проявил готовность рискнуть всем, чтобы выступить в защиту прав человека и свободы. И остался верен этой миссии и тогда, когда подвергался самым суровым наказаниям.

Г-н Сахаров – русский патриот в лучшем смысле этого слова, ибо считает, что величие его народа кроется не в милитаризме и внешних завоеваниях, а в строительстве у себя дома общества, основанного на правах и законе. Его принципиальные заявления в защиту свободы и мира еще сильнее укрепляют в нас веру в эти идеалы. Мы надеемся и молимся, чтобы его ссылка прекратилась и чтобы жизнь его была долгой и плодотворной на благо науки и человечества.

74. Тревога и надежда: Один год общественной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова. Нью-Йорк. Издательство Хроника-пресс. 1978. С. 107-108.

IV. Посвящается Сахарову

Сергей Ковалев

Сергей Ковалев родился в 1930 г. В 1951 г. поступил на факультет физиологии Московского Государственного университета, в 1959 защитил диссертацию. Сахаров в своих «Воспоминаниях» пишет: «Я встретился с Ковалевым в 1970 году. . . . В это время он уже был сложившимся ученым-биологом, выполнившим много интересных работ по нервным сетям и смежным биологическим проблемам, стоящим на стыке биологии и кибернетики. Общее число его опубликованных работ более 60. Но уже тогда по его научной карьере был нанесен удар. Ему пришлось уйти из университета и биолого-математической группы в связи с подписанием письма в защиту Есенина-Вольпина. В 1969 году Ковалев – в числе членов Инициативной группы. Вместе с другими он стоит у истоков правозащитного движения в его современной форме, участвует в выработке его принципов: принципиального отрицания насилия, использования гласности как единственного оружия, законности, стремления к абсолютной точности, полноте, достоверности информации. Мы встречались с Сережей не каждый день . . . но . . . узнали в его лице верного друга . . . человека, близкого по духу, по убеждениям.»

В декабре 1975 г. Ковалев был признан виновным в антисоветской пропаганде и приговорен к семи годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере и трем годам ссылки. После освобождения в 1984 г. он не получил разрешения возвратиться в Москву и работал ночным сторожем в Калининe до 1987 г., когда ему было позволено вернуться в Москву и воссоединиться с женой в их московской квартире. В июле 1987 г. он был одним из соучредителей пресс-клуба «Гласность», где обсуждались и публиковались неортодоксальные мнения. После избрания в 1990 г. депутатом Верховного Совета Российской Федерации он был избран председателем Комитета по правам человека и назначен

членом Конституционной комиссии Верховного Совета. Он во многом руководил подготовкой текста и прохождением 48 статей II Главы действующей Конституции РФ. В декабре 1993 г. он был избран в Государственную Думу, которая, в свою очередь, избрала его первым Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации (омбудсманом). Ковалев хотя и не выступал в защиту независимости Чечни, резко критиковал военное вторжение в Чечню. Бомбардировки Грозного и в целом действия России в ходе чеченской войны он расценивал как грубое нарушение прав человека. Его мужественные сообщения из Грозного в первые месяцы войны настроили в пользу чеченцев мировое общественное мнение и значительную часть российской интеллигенции. Но они же вызвали недовольство Президента Ельцина и большей части депутатов Думы, что привело к его смещению с поста омбудсмана в марте 1995 г. и отставке с поста председателя Комиссии по правам человека. В настоящее время Ковалев – президент Института прав человека и председатель правления Фонда Андрея Сахарова в Москве.⁷⁵

Ниже публикуются выдержки из статьи Ковалева о Сахарове, опубликованной в 1998 г.

А.Д. Сахаров: Ответственность перед разумом

Сахаров был для меня близким человеком. ...

Он сыграл огромную роль в моей собственной жизни: своими суждениями, советами, постоянным участием в моей судьбе – и не только в тот период, когда я сидел в тюрьме, но и впоследствии, когда мы встретились в Москве (он вернулся из горьковской ссылки через два года после моего возвращения из ссылки магаданской).

75. При составлении этих биографических заметок авторы пользовались работой: Emma Gilligan. *Defending Human Rights in Russia: Sergei Kovalev, Dissident and Human Rights Commissioner*, Routledge Curzon, London, 2004. [Пед.]

... Я старался писать о нем отстраненно, как о незнакомом человеке. И единственная вольность, которую я себе здесь иногда позволяю – это называть Сахарова так, как его часто называли в нашем кругу: А.Д. ...

Я не физик, и поэтому не рискну говорить о своеобразии научного гения А.Д.Сахарова. Тем более что об этом немало сказано и написано его коллегами. Мне хотелось бы попытаться оценить общественную деятельность Андрея Дмитриевича, разглядеть в ней нечто, существенное для сегодняшнего и, в особенности, завтрашнего дня человечества.

А что тут, собственно говоря, оценивать? Всем все и так известно: «А.Д.Сахаров был лидером советских правозащитников, непререкаемым моральным авторитетом для диссидентов во всем Советском Союзе». Эта характеристика роли Андрея Дмитриевича в общественной жизни страны стала в наше время почти общим местом. И в ней, действительно, немало истины. ...

Сахаров никогда не претендовал на гордое звание «антисоветчика». Во всяком случае, он был не больше антисоветчиком, чем все мы – в том смысле, что все мы не одобряли реалий советского режима. Но мысль и действия А.Д. двигались, в основном, в совершенно ином пространстве. Его правильнее было бы назвать «советчиком», в обоих значениях этого слова. Он долгое время лелеял надежду, что советская власть способна решиться на то, чтобы реформировать себя сама (опыт показал, что он был прав) и что при этом она не рухнет, а укрепится (опыт показал, что здесь он ошибался). На самом же деле все это не имело для А.Д. решающего значения. Речь для него шла о проблемах разделенного человечества и о путях преодоления этого разделения? Привыкнуть к особенностям глобального мышления Андрея Дмитриевича было трудно, для многих – невозможно.

Но Сахаров был «советчиком» и во втором смысле этого слова. Долгое время он был близок к верхам и привык говорить с верхами. От этой привычки он не отказался и в тот период, когда его всенародно объявляли врагом № 1 советской власти. Он упрямо продолжал давать советы тем, кто стоял у руля, и не его вина, а беда страны в том, что его не желали слушать. Сказанное отчасти относится не только к Сахарову, но и к большинству выдающихся правозащитников 1960-1970-х гг.: как бы кто сегодня к этому факту не относился, с советской властью они не боролись и не намеревались бороться. Другое дело, что она с нами боролась изо всех сил – но это говорит не столько о наших намерениях, сколько о рефлексивах власти.

В годы перестройки очень немногие из единомышленников Сахарова осудили его «примиренчество». Большинство диссидентов поняло и приняло его позицию. ...

А.Д. не был ни святым, ни даже проповедником святости. Мне кажется, что изменение существующей общественной реальности представлялось ему задачей, требующей, прежде всего, конструктивных решений. И всякий его призыв, начиная от первых громких общественных выступлений во второй половине 1960-х, всегда содержал конструктивные предложения. Другое дело, что эти предложения были несовместимы с догматическим мышлением – ни с правоверно-советским, ни, позднее, с правоверно-демократическим. ...

Возвращаясь к источникам общественной позиции А.Д., можно сказать, что его правозащитная активность была неотделима от его политических взглядов. Сахаров не был «чистым правозащитником», и это резко выделяло его среди других борцов за права человека в СССР. Он ни в какой мере не был и политиком в традиционном понимании этого слова, ибо понимал, что традиционная политика стала опасным анахронизмом. Но нельзя сказать, что он занимал какую-то промежуточную позицию между этими двумя полюсами. Скорее речь может

идти о синтезе двух, казалось бы, принципиально разных подходов к общественным проблемам. Борьба за права человека в рамках этого нового мировоззрения приобретает особую глубину и значимость, потому что становится одновременно и борьбой за будущее человечества. Политическая активность также переходит в новое качество, ибо коренным образом меняются критерии ее оценки: политические абстракции, вроде «национальных интересов», уступают место обеспечению прав и интересов каждого члена человеческого сообщества.

...

Мне кажется, что эти особенности сахаровского подхода к общественным проблемам тесно связаны с его научным мышлением. Одно из выдающихся достижений Сахарова-ученого состоит в применении закономерностей физики микромира – квантовой механики в области космологии – науки о происхождении и эволюции галактик. Результат этого подхода – ныне общепризнанную гипотезу, объясняющую так называемую «барионную асимметрию Вселенной» – он опубликовал в 1967 году. А в 1968 году вышли «Размышления...», совместившие концепцию индивидуальной свободы, относящуюся к кванту общества – личности, с глобальными проблемами развития общественной вселенной – человечества. Не отсюда ли и мысль о многовариантности развития, характерная для вероятностной теории, каковой является и физика микромира? Скажу больше, и пусть физики ругают меня, как хотят: бесконечные и по видимости бесплодные усилия А.Д. по защите конкретных людей, эти из раза в раз, от обращения к обращению повторяющиеся призывы к освобождению узников совести – Буковского, Осипова, Щаранского, Ковалева, Айрикияна, Марченко и многих десятков других, призывы, которыми неизменно заканчиваются все статьи и выступления Сахарова, каким бы общим вопросам они не были посвящены – только ли из естественного нравственного чувства они проистекают? Не предвидел ли он, что эти «малые возмущения» способны при определенных условиях положить начало цепной

реакции самоосвобождения общества? Если да, то опыт 1987-1989 гг. показал его правоту.

Произнесены слова «цепная реакция». И это неизбежно заставляет нас задуматься над главным, может быть, парадоксом сахаровской биографии. В самом деле, для большинства людей Сахаров-физик – вовсе не автор теории барионной асимметрии Вселенной, индуцированного тяготения или даже управляемого термоядерного синтеза. Он – «отец советской водородной бомбы», самого страшного оружия в истории человечества. Как примирить это обстоятельство с последующей общественной деятельностью А.Д.?

Года четыре назад писатель Виктор Астафьев даже обвинил Сахарова в лицемерии: «Создав оружие, которое сожжет планету, так и не покался. Такая маленькая хитрость – умереть героем, совершив преступление»⁷⁶.

Покойный Алесь Адамович, относившийся к Сахарову с огромным пиететом, считал, наоборот, что его общественная деятельность и была его покаянием. И с недоумением говорил мне, что сам Андрей Дмитриевич в разговоре с ним категорически отрицал эту гипотезу. По-моему, Адамович так до конца и не поверил этому, счел, что А.Д. просто не понравилось, что ему лезут в душу.

Думаю, что Астафьев был в большей степени прав, чем Адамович.

Разумеется, создатель оружия массового уничтожения, если он не бревно бесчувственное, не может не испытывать определенных эмоций. Мы все знаем это, что называется, из первых рук – от конструкторов американской атомной бомбы Роберта Оппенгеймера, Лео Сцилларда, не говоря уже о теоретиках – Эйнштейне и Боре. И Сахаров – не исключение. В его «Воспоминаниях», написанных в присущей ему сдержанной манере, мы найдем всего несколько фраз на эту тему. Но мы не найдем

76. *Известия*. 30 апреля 1994 г.

там никакого покаяния. Наоборот, в нескольких местах Сахаров прямо пишет, что до сих пор считает свою работу по созданию водородной бомбы правильной и полезной. И объясняет, почему.

Вот что интересно – в его объяснениях нет ни слова о патриотизме, которым на его месте мотивировали бы свое участие в проекте девять человек из десяти. Сахаров говорит совсем о другом: о значении этой работы для всего человечества. Парадокс? Вовсе нет. Просто А.Д. до конца своих дней считал, что ситуация, при которой сверхоружие сосредоточено в одних руках, чревата огромной опасностью. И в этом утверждении, независимо от того, правильно оно или неправильно, нет ни грана антиамериканизма или ксенофобии, а только научный анализ, свободный от каких-либо идеологических или национальных предрассудков (если в 1947 г. Сахаров еще питал определенные иллюзии в отношении советской системы, то к середине 1960-х гг. он от этих иллюзий уже избавился – и тем не менее продолжал работать в Арзамасе-16 до тех пор, пока – после появления «Размышлений...» – его не отстранили от оборонной тематики). Не думаю, что он опасался неспровоцированной ядерной агрессии со стороны США; но он полагал, что при отсутствии ядерного равновесия многократно возрастает опасность возникновения «обычной» войны, которая неизбежно перерастет в Третью мировую. То есть, он рассматривал свою работу над водородной бомбой как средство предотвращения глобальной катастрофы.⁷⁷ ...

В запутанном клубке проблем Сахаров выделил самую острую и болезненную: радиационную опасность испытаний ядерного оружия (в конце 1950-х эта проблема была сравнительно новой, и советские физики мало о ней знали). Он оценил количество «косвенных жертв» каждого испытания и ужаснулся. Выступление А.Д. в 1961 г. против

77. Напомню ответ Альберта Эйнштейна на вопрос о том, какое оружие будет применяться в Третьей мировой войне: «В третьей – не знаю; а вот в четвертой – палки и камни».

прекращения ранее объявленного моратория на испытания и стало его первой «общественной» акцией. Я поставил кавычки потому, что протест Сахарова был вполне келейным и выразился в настойчивых, но частных требованиях к правительству. Это вызвало энергичное неудовольствие Хрущева, возмущившегося беспардонным вмешательством ученого в политические проблемы. Но неудовольствие Хрущева не остановило А.Д., как не останавливали его позднее гораздо более энергичные меры, предпринятые против него Брежневым и Андроповым. А тогда он все-таки добился своего: именно его предложения легли в основу Московского договора 1963 г. [о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой].

В дальнейшем Сахаров не раз высказывался по проблемам ядерного разоружения, и каждый раз его мнение было взвешенным, разумным и исходило не из абстрактных идеологических или моральных догм, а из существующих реалий. Оно было конструктивным – вот в чем главное отличие политических инициатив Сахарова от большинства других пацифистских выступлений.

Сахаровский подход к проблеме ядерной опасности прекрасно иллюстрирует особенности его мышления: конструктивность, масштабность, полная интеллектуальная свобода. ...

Одни говорят, что Андрей Дмитриевич Сахаров был провозвестником «нового мышления». Другие называют его «основателем новой нравственности».

Да ничего подобного!

А.Д. был носителем абсолютно нормального и старого как мир мышления – то есть, мышления, основанного на разуме. Его интеллектуальная

деятельность, касалась ли она науки, политики или борьбы за права человека, в полной мере соответствовала тем качествам, которые и определяют настоящего ученого. Эти качества, на мой взгляд, можно свести к трем «бес»: бесстрашие, бескорыстие, беспристрастность (я имею в виду в данном случае свойства интеллекта).

Новая нравственность? Да нет же – самая обыкновенная человеческая нравственность, только очень последовательная. В последний раз она была с предельной четкостью сформулирована около двух тысяч лет назад, и я не думаю, что А.Д. сумел добавить к этим формулировкам что-то новое. Но опять-таки: недаром в древних преданиях человечества плоды, позволяющие отличить добро от зла, растут на древе познания. Обыкновенная человеческая нравственность, в отличие от святости святых и правоты пророков, основана на разуме – и ни на чем ином. А последовательность Сахарова в осуществлении нравственных принципов – это просто иное название интеллектуальной ответственности. Ответственности ученого.

Иное дело – сила этого интеллекта, за которым не всякий поспеет. Отсюда и впечатление новизны сахаровского мышления, и ощущение уникальности его нравственного потенциала.

К тому же наше трагическое столетие (как, впрочем, и предыдущие) одержимо бесами антиинтеллектуализма и иррационализма. А быть и оставаться трезвым в мире пьяных, бодрствующим в мире спящих – необыкновенно трудно.

Андрей Дмитриевич Сахаров был паладином Разума. Отсюда, кстати, и его демократические убеждения в общественной жизни. Ведь демократия – это единственная в истории попытка устроить общество на разумных основаниях.

Вокруг имени Сахарова можно выстроить разные контексты. Кто-то включает его в один ряд с Махатмой Ганди, Львом Толстым и другими проповедниками ненасильственных изменений. Кто-то склонен сравнивать его с Александром Солженицыным и Лехом Валенсой – выдающимися борцами с тиранией.

Все эти сближения имеют свои резоны. Лично я предпочел бы сопоставить физика Сахарова с геохимиком Вернадским, предложившим понятие «ноосферы» – разума, становящегося элементом геологической структуры нашей планеты, биологом Тейяром де Шарденом – автором «антиэнтропийной» теории эволюции и другими создателями новой целостной философии знания, в которой развитие человечества превращается в фактор космического значения.

Мне кажется, что Андрею Дмитриевичу было бы интересно именно такое сопоставление.

Сергей Ковалев. 1998 г.⁷⁸

Валентин Турчин

(14 февраля 1931-7 апреля 2010)

Валентин Турчин закончил Московский университет как физик-теоретик. С 1953 по 1964 год работал в области теории ядерных реакторов и рассеяния нейтронов. С 1965 по 1972 год работал в Институте прикладной математики Академии наук, специализируясь в области теории информации и вычислительной техники. В 1973 г. В.Ф. Турчин занимает должность заведующего лабораторией в Центральном научно-исследовательском проектном институте автоматизации в строительстве, но уже в 1974 г. его увольняют из института. В 1968 г. в самиздате широко распространяется его работа «Инерция

78. Известия. 21 мая 1998.

страха». Он также ведет неофициальный семинар, где обсуждаются идеологические, философские и исторические проблемы в свете событий и результатов Пражской весны. В сентябре 1973 г., когда после своего интервью Улле Стенхольму Сахаров подвергся ожесточенным нападкам, Турчин подписал открытое письмо в его защиту. После ареста Ковалева в декабре 1974 г. и Твердохлебова в апреле 1975 г. и многочисленных выступлений в их защиту и в защиту других жертв репрессий Турчин стал объектом усиливающегося давления. Попав в черный список, не имея возможности получить работу и постоянно подвергаясь преследованиям со стороны КГБ, Турчин в июле 1977 г. обращается с письмом к Брежневу, где вновь просит о разрешении на временный выезд в США для научной работы в области информатики. В октябре 1977 г. он получает разрешение на выезд – отчасти благодаря выступлениям американских ученых в его защиту, и в январе 1978 г. приступает к научной работе в Математическом институте им. Куранта Нью-Йоркского университета. В 1990 г. он приезжал в Россию, где вел информационный семинар в ядерном исследовательском центре в Обнинске.

Памяти Андрея Дмитриевича Сахарова

Как-то в начале 1970-х годов американский журналист сказал мне: «Вы знаете, в Америке есть такое мнение, это недавно было написано в журнале Тайм, что Сахаров, хотя он и замечательный человек, в сущности, не более чем генерал без армии. Вы согласны?»

Я сказал: «Нет. Но не потому, что у Сахарова есть армия, а потому что он не генерал. Тем не менее, он играет более важную роль, чем весь генералитет советской армии». Люди, вошедшие в историю, могут быть, в первом приближении, поделены на вождей и пророков. Вожди указывают людям, что они могут сделать, и люди следуют за ними массами. Пророки и святые указывают людям, что они должны были бы делать, но не делают по недостатку мудрости или мужества. Массы не любят этого

и платят раздражением, часто ненавистью. Роль пророков в истории, однако, не меньше, чем вождей. День за днем, год за годом их слова и пример воздействуют на образ мышления масс, что, в конечном счете, ведёт к эпохальным историческим переменам. Сахаров принадлежал к категории пророков и святых, но не к категории вождей. Даже среди диссидентов он не играл роли лидера в обычном смысле слова. Он никогда не побуждал людей следовать за собой. Наоборот, он следил за тем, чтобы его моральный авторитет не побудил кого-либо делать слишком смелые поступки, к которым человек не был еще подготовлен.

Смерть Андрея Дмитриевича вызвала проявление уважения и любви к нему со стороны масс, чего он не знал при жизни. Может быть, проживи он немного больше, он оказался бы центром кристаллизации массового движения, которое вывело бы страну из тупика. Может быть. А может быть, и нет. Наверное, он опять оказался бы на шаг впереди всех и в одиночестве. На его похоронах, которые транслировались телевидением по всему свету, мне бросился в глаза один из плакатов: «Прости нас!». Так обращаются к святому, не к лидеру.

Я познакомился с Андреем Дмитриевичем осенью 1968 года. Я написал эссе под названием «Инерция страха» и запустил в самиздат. Мне хотелось узнать мнение Сахарова. Я попросил общего знакомого передать работу Андрею Дмитриевичу. Он нашел ее интересной, и мы встретились. Годом позже у меня возникла идея, что было бы хорошо, если бы представительная группа ученых, академиков, объяснила правительству и народу, что демократизация необходима не только сама по себе, но и для успешного развития экономики. Я составил предварительный текст письма к правительству, в котором начавшиеся тогда неудачи в экономике объяснялись, как следствие тоталитарной политической системы, и предсказывалось, что если политическая система не будет модернизирована, то и экономика придет к полному и непоправимому упадку. Не будучи академиком, я пришел к Сахарову с предложением собрать десять-двадцать подписей академиков под

такого рода письмом. Сахарову понравился текст. «Но я не уверен, – сказал он, – что я найду хотя бы трех академиков, которые согласятся участвовать в этом, не то что двадцать. Я все же попробую.»

Это был в начале 1970 года. Время было тяжелое. После краткого периода увлечения письмами протеста, который закончился с вторжением в Чехословакию, либеральная интеллигенция все более откатывалась в пессимизм и пассивность. Через пару недель Андрей Дмитриевич сказал мне: «Это безнадежно. Я не нашел никого. Но такое письмо нужно. Я добавлю к нему список конкретных мер, с которых можно было бы начать демократизацию, и давайте подпишем его вдвоем». Позже мы показали письмо Рою Медведеву, который охотно присоединился к нам, и в марте 1970 года письмо было отправлено в правительство. Вскоре оно стало широко известно по обычным для того времени каналам: самиздат, зарубежная печать, радио. Горбачевская гласность и перестройка начались, в сущности, с выполнения тех начальных двадцати пунктов, которые Андрей Дмитриевич сформулировал в этом письме.

С тех пор я провел много часов в знаменитой кухне на улице Чкалова, обсуждая различные документы и просто беседуя с Андреем Дмитриевичем и Люсей. Без преувеличения могу сказать, что это были одни из лучших часов моей жизни. Андрей Дмитриевич был исключительно открытым человеком – не только в смысле открытости своего глубокого ума к различным идеям, но и в том, что самый процесс мышления как бы приоткрывался для вас, и поэтому разговаривать с ним было одно наслаждение. Он был не просто искренним и чутким человеком, он был физически неспособен к неискренности и неправде. Все, кто знал его близко, не могли не любить его.

Возвращаясь к теме о вождях и пророках, хочу отметить, что Сахарову была абсолютно чужда тенденция лидеров всегда оказываться правыми и все знающими наперед. Хотя он был тверд как скала в отношении основных принципов, он очень часто говорил «Не знаю» или

«Я не уверен». Я вспоминаю один вечер в моей квартире. Было нечто вроде неформального семинара. Присутствующие были, в большинстве, гуманитарии, но было и несколько физиков, в том числе и Андрей Дмитриевич. Обсуждалось нечто по философии истории, я сейчас уже не помню, что именно. Андрей Дмитриевич сидел молча, внимательно слушая говоривших. Кто-то спросил его: «А вы что думаете, Андрей Дмитриевич?». Сахаров сказал: «Ну, я, пожалуй, недостаточно знаю о предмете. Когда один говорит, я соглашаюсь. Потом, когда другой доказывает противоположное, я опять соглашаюсь.» Все засмеялись, а я подумал: «Господи, я знаю не больше чем он, а ведь только что горячо доказывал что-то».

Сахаров был ученым до мозга костей; его подход к общественным проблемам был подходом ученого. Уважение к мысли и к истине, свойственное науке, он перенес на проблемы своей страны и общества, которое в то время было обществом абсурда. Так что дар Сахарова этому обществу был горек, но жизненно важен. От самого же Андрея Дмитриевича этот дар потребовал огромного упорства и мужества. Он заплатил изгнанием, физическими мучениями и преждевременной смертью.

В архиве Сахаровых есть фотография: Андрей Дмитриевич в Пизанском университете сидит за столом, за которым писал Галилей. Это символично. Борьба ученого за право провозгласить истину, как он ее понимает: Галилея – за то, как устроен мир, Сахарова – за то как он должен быть устроен.

Личность и судьба Сахарова имеют общемировое значение. Рождается новая глобальная цивилизация, и Сахаров один из её пророков. Заповеди этой цивилизации включают стремление к истине, права личности и человеческое достоинство. Сахаров боролся за утверждение этих заповедей. Он не принадлежал к какой-либо из традиционных религий, которые сейчас больше разделяют, чем объединяют

человечество. Он закладывал фундамент грядущей всемирной цивилизации на основе науки и гуманизма, и личным примером показал, какие высоты мужества и самоотречения могут быть достигнуты на этой основе. Он не верил в воображаемую жизнь после смерти, но достиг реального бессмертия через свой бессмертный вклад в развитие человеческого общества.⁷⁹

Валерий Чалидзе

Валерий Чалидзе родился в 1938 г. в Москве. После того, как его отец погиб на фронте в 1942 г., воспитание Чалидзе целиком легло на его мать, архитектора и градостроителя. Чалидзе изучал физику в Московском и Тбилисском университетах и до 1970 г. руководил группой физики полимеров в НИИ пластических масс. С 1969 по 1972 годы издавал самиздатский журнал «Общественные проблемы», посвященный в основном вопросам прав человека. Он был главным инициатором создания, совместно с Сахаровым и Твердохлебовым, Московского комитета прав человека в ноябре 1970 г. В ноябре 1972 г. Чалидзе получил разрешение вместе с женой Верой посетить США, однако 13 декабря того же года представители советского посольства официально явились в отель в Нью-Йорке, где он остановился, отобрали у него советский паспорт и объявили, что он лишен советского гражданства «за действия, порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР». В 1973 г. в Нью-Йорке Чалидзе основал и возглавил издательство «Хроника», занимавшееся публикацией правозащитных материалов из СССР, включая работы Сахарова, и перепечатывавшее «Хронику текущих событий» (с выпуски 28–63). В издательстве «Рэндом Хаус» вышли две книги Чалидзе: «Защитить эти права» (1975) и «Уголовная Россия» (1977).

79. Турчин В.Ф. «Вперед всех и в одиночестве (Памяти Андрея Дмитриевича Сахарова)» // *Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове*. М. Практика. 1996. С. 628-631.

Андрей Сахаров и русская интеллигенция

Чтобы понять происхождение русской интеллигенции, следует взглянуть на начало XIX века. До этого культура в России существовала в основном в кругах, приближенных к трону и находилась под покровительством короны. Но при Александре I – быть может, под влиянием его неосуществленных либеральных намерений – какая-то часть талантливых и творчески настроенных людей начала покидать двор и образовала еще не социальный слой, а лишь отдельные группы интеллектуалов, не только не зависимых от власти, но к этой власти настроенных более или менее оппозиционно. Это отделение происходило постепенно. Так, Пушкин, который известен своей любовью к свободе и независимости, продемонстрировал в конце жизни, что такой отрыв культуры от власти и от её иерархической структуры был странен, неестествен: мы помним полуготовность Пушкина примириться с императором. Но, хотя не все это тогда осознавали, отрыв культуры от государства в России произошел.

Почему я начал так издалека? Потому что без понимания места интеллигенции в России, в российском обществе мы не поймем места Сахарова в современной России. Сахаров – это не только героическая фигура, вызывающая восхищение всего мира своим призывом к соблюдению прав человека и к свободе. Это также и трагическая фигура на фоне русской истории, на фоне истории русской интеллигенции.

Кто виноват в конфликте власти и культуры в России? Наверно, обе стороны. Конечно, власть, старавшаяся подчинить развитие культуры своим целям, желавшая видеть в интеллигентах в большей степени пропагандистов имперского величия, чем свободных художников и ученых, – и в то же время сами интеллектуалы, которые, вступив не в однодневный, а в двухвековой конфликт с властью, оторвали себя от участия в позитивном политическом процессе в России, избрали

в этом процессе исключительно негативную роль, роль критиков, и в результате, в конце прошлого века, роль разрушителей существовавшей системы. Образовался особый, ни с чем не сравнимый слой – русская интеллигенция. Я не вижу ничего подобного в западных странах. Здесь есть интеллектуалы, здесь есть деятели культуры, противопоставляющие себя власти, но, вообще говоря, нет слоя, который играл бы в обществе ту же роль, что и русская интеллигенция.

История развития этого слоя в России и трагична, и величественна. Он содействовал разрушению вековой российской империи, но после революции, когда власть переменилась, этот слой остался в оппозиции к власти, а сама власть стала в оппозицию к слою, ее породившему. Быть может, потому, что по сути, по идеологии этого слоя он должен находиться в оппозиции к власти. Мы много знаем о кровавом преследовании интеллигенции во времена советской власти, мы знаем о том, что истребить интеллигенцию не удалось и что интеллигенция по-прежнему существует в России и вклад ее в мировую культуру продолжает быть заметным. Но трагедия не только в том, что этот слой преследуем, трагедия для истории России, для судьбы народа страны в том, что он исключил себя из политического процесса. Этот слой не просто по стечению обстоятельств, но принципиально по идеологии своей отказывается от всего, что приблизило бы его к принятию решений о судьбах страны. С точки зрения этики этого слоя, считается постыдным для человека, принятого в интеллигентных домах, занять какое бы то ни было положение, связанное с принятием государственных решений. Мало того, постыдным, с точки зрения этики этого слоя, является обычное, общечеловеческое стремление к успеху, к построению карьеры. Я вспоминаю своих друзей-интеллигентов в России, для них слово «карьера» – слово ругательное, постыдное. Главное, что ценится в этике слоя, – это более или менее беззаветное служение культуре, идеалам искусства и науки без явного стремления к признанию своих успехов обществом и властью.

С одной стороны, Сахаров по своему психическому складу, по своей этике, даже по характеру суждений, даже по убеждениям – типичный представитель русской интеллигенции. С другой стороны, он не только находился на государственной службе, но и достиг больших успехов в продвижении по государственной иерархической лестнице и много сделал для укрепления существующей в России власти. Всем известно, что он внес большой вклад в разработку военного применения термоядерной реакции, что он много лет занимал руководящее положение в системе военно-промышленного комплекса и за успехи был удостоен высочайших правительственных наград. Такие случаи бывали. Интеллигенты, случалось, и раньше соглашались занимать государственные посты и достигали успехов, но при этом они, как правило, переставали быть интеллигентами в специфическом русском смысле слова, и интеллигенция уже не считала их своими.

Сахаров не перестал быть интеллигентом, он не потерял способность мыслить независимо не только в области науки, но и в области общественной, что государством было категорически запрещено. Он не потерял способности быть честным и не скрывать этого. После многих лет деятельности в государственной иерархии он в 1968 году с шокирующей прямоотой высказал свои мысли о развитии российского общества и об опасностях, подстерегающих мир. Это было честное выступление, к которому властям следовало бы прислушаться. Но это было слишком непривычно – государственная иерархия отторгла Сахарова. Власть еще раз продемонстрировала симметрию в отношениях с интеллигенцией. Интеллигенция не приемлет власть всей своей этикой, самим фактом своего существования. Власть отвечает ей тем же. Симметрия, впрочем была, неполная: власть сажает интеллигентов в тюрьмы или ссылает в места, подчас весьма отдаленные.

За годы своей общественной деятельности Сахаров стал символом свободы, символом неприятия тирании, за эти годы Сахаров сказал много разумного и полезного. Но когда я думаю о будущем, мне кажется,

что в историю он войдет прежде всего тем, что был одним из немногих смелых интеллигентов, которые пытались сломать барьер между властью и культурой, пренебрегая этическими запретами своего слоя и тем непониманием, которое он неминуемо должен был ожидать со стороны властей.

Такие попытки встречались и раньше, но власть и интеллигенция ни разу не пытались сблизиться одновременно: попытки одной стороны пойти навстречу разбивались о непонимание другой. Александр II проводил прекрасные реформы, которые должны были импонировать интеллигенции, но, увы, тогдашняя интеллигенция не хотела ждать постепенных сдвигов; тогда, во второй половине XIX века, она начала оттачивать топор, который рубил ее же головы после 1917 года.

История – насмешница. Упущен был момент, не пошли навстречу реформам Александра II и манифестам Николая II, – и пришлось идти навстречу Брежневу: все диссидентское движение началось с попытки диалога с властью. Но тут уж власть оказалась глуха и недальновидна, не отозвалась на этот шаг интеллигенции. Так и нет внутреннего мира в стране.

Я не хочу делать рискованных прогнозов, но не исключаю, и даже надеюсь, что будущее мирное развитие ситуации в России приведет когда-нибудь к тому, что власть осознает необходимость сотрудничества с интеллигенцией без того, чтобы пытаться интеллигенцию переделывать и мешать ей оставаться честной. И, быть может, когда-нибудь ситуация в России изменится настолько, что, как и в других цивилизованных странах, интеллигенция перестанет считать зазорным для себя участие в политическом процессе, а следовательно – в процессе управления своей страной. Это звучит утопично, но Сахаров показал пример того, что это возможно, пример того, что можно быть причастным к процессу управления страной и в то же время остаться интеллигентом, остаться честным и искренним человеком.

Историческая трагедия личности Сахарова не в том, что прервалась его государственная карьера, не в том, что в своих усилиях по защите прав человека он потерпел много неудач, не в том даже, что он подвергся ссылке. Трагедия этой личности в том, что он противопоставил себя двухвековому историческому заблуждению, двухвековой розни между интеллигенцией, представляющей дух российского общества, и властью, представляющей его силу.

Я не пытаюсь какой-либо одной причиной объяснять многочисленные трагедии, постигшие Россию за эти два века, но эта рознь, это непонимание между интеллигенцией и властью – несомненно, одна из важных причин многих трагедий. Я не думаю, что гармоничное развитие российского общества в будущем возможно без преодоления этого двухвекового конфликта. Он слишком глубок, ни одна сторона не сделает первого шага в ближайшем будущем. Преодоление этого конфликта зависит только от смелости людей, стремящихся побороть существующее непонимание. Сахаров в наше время был первым выдающимся смельчаком, который, будучи государственным человеком, не только не перестал быть интеллигентом, но и продемонстрировал это.

Валерий Чалидзе. 1981 г.⁸⁰

Павел Литвинов

Павел Литвинов родился в 1940 г. в Москве. Внук министра иностранных дел СССР Максима Литвинова. В 1964 г. окончил Московский университет. Преподавал физику в Московском институте тонкой химической технологии, пока в 1967 г. не лишился работы за свою правозащитную деятельность, усилившуюся после ареста в 1967 г.

80. Речь, произнесенная на специальном симпозиуме Американского физического общества в честь А.Д. Сахарова, состоявшемся в Нью-Йорке 26 января 1981 г. Русский текст дается в авторском переводе, подготовленном для сборника, посвященного А.Д. Сахарову, намеченного к печати в издательстве РГГУ. © Валерий Чалидзе.

его друга Александра Гинзбурга. Литвинов был заметной фигурой в нарождавшемся в СССР правозащитном движении. В октябре 1968 г. он был сослан в Сибирь на пять лет за организацию 25 августа 1968 г. на Красной площади демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию. Он продолжал свои выступления и после возвращения в Москву в 1972 г., что привело к его эмиграции 1974 г. в США, где он преподавал физику в школе в Тэрритауне (Нью-Йорк) до выхода на пенсию в 2007 г.

Литвинов был редактором книг «Демонстрация на Пушкинской площади» (Harvill Press 1969) и «Процесс четырех» (Viking 1972). С 1989 по 1996 год был членом Российско-Американской Проектной группы по правам человека, с 1992 г. – председатель Общества друзей «Мемориала». В декабре 2008 г. награжден медалью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Спешите делать добро». Считается, что письмо Литвинова Стивену Спендеру от 8 августа 1968 г. с просьбой «помочь и защитить тех в СССР, кто сталкивается с преследованиями за свою гражданскую и литературную деятельность и представить мировому общественному мнению информацию об истинном положении дел в СССР» во многом послужило толчком к созданию журнала «Индекс/Досье на цензуру» и организации «Писатели и ученые». Данный текст был подготовлен для конференции «40 лет после «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» А.Д. Сахарова: Россия вчера, сегодня и завтра», проходившей в Гарвардском университете в октябре 2008 г.

В поисках диалога

Прежде всего, пожалуйста, не называйте меня физиком, по крайней мере в одном предложении с Андреем Сахаровым, поскольку мои заслуги в области физики весьма скромны. Я практически не работал как физик с тех пор как я потерял преподавательскую работу в Институте тонкой химической технологии и был исключён из аспирантуры в

начале 1968 года. С того времени моей единственной связью с физикой было моё преподавание.

Моя жизнь пересеклась с жизнью Андрея Дмитриевича Сахарова до того, как мы лично познакомились. Я был одним из ранних лидеров «советских диссидентов», хотя мы себя так в то время не называли. Это выражение появилось позже. Мы предпочитали выражение «правозащитники». В 1965 началось движение в защиту прав человека, записанных в Советской конституции и Всеобщей Декларации прав человека. Мы писали письма с протестами против нарушения прав человека, положении политзаключённых, о советской цензуре, о заключении людей в психиатрические лечебницы за их политические убеждения. Движение развивалось, и 1968 год был одним из его пиков. К этому времени я уже потерял свою преподавательскую работу и был полностью вовлечён в так называемые самиздатские публикации. Вместе с другими я приготовил к публикации и распространил в России и за границей несколько книг. Но одним из моих важнейших дел было в то время встречаться регулярно с иностранными корреспондентами в Москве и передавать им самиздатские материалы, главным образом письма протеста. Сотни людей тогда подписывали такие письма после ареста Синявского, Даниэля, Гинзбурга, Галанскова, Буковского и многих других.

Надо напомнить, что в то время почти единственным способом копирования самиздатских материалов для их распространения было употребление незамысловатого инструмента, который называется «пишущая машинка». Ещё не существовало персонального компьютера, копировальные машины типа ксерокс были почти неизвестны, а когда они появлялись, то были под строгим контролем властей. Так что не считая «разговора на кухне» с друзьями, единственным способом выразить свои мысли о советских проблемах было напечатать их на машинке, причём на механической (электрические тогда ещё были почти неизвестны), используя копировальную бумагу, чтобы сделать несколько

копий. Большинство из присутствующих здесь в зависимости от вашего возраста, наверное, пользовались сами пишущей машинкой и слышали о копировальной бумаге, но я как учитель уже знаком с молодежью, которая никогда машинку не видела, и им надо было объяснять, что это такое. В этой аудитории этого делать не надо, но я хотел просто напомнить, как это происходило тогда.

КГБ – Советская тайная полиция – и советские власти в целом не хотели серьезных общественных дискуссий за исключением тех, которые они сами официально организовывали и публиковали в советских газетах и журналах. Цензура каждого печатного слова в Советском Союзе была абсолютной. Существовали периодические издания такие как «Новый Мир» и «Литературная газета», где иногда разрешались дискуссии, конечно, строго ограниченные. И в 60-е годы возник «Самиздат» – распространение перепечатанных на машинке рукописных материалов.

Я был одним из ранних участников-активистов диссидентского движения. Андрей Амальрик и я были первыми «офицерами прессы» Движения за права человека, как в шутку нас определил Амальрик. Мы регулярно встречались с иностранными корреспондентами и передавали им самиздат, который вывозился из страны, печатался в *Нью-Йорк Таймс*, *Ле Монд* и других западных изданиях, затем передавался на русском языке и некоторых других языках СССР Радио «Свобода», «Голосом Америки» и BBC возвращали их обратно в Советский Союз, так что множество людей, которых были вне круга непосредственных читателей самиздата, смогли услышать по радио эти материалы.

В 1968 году мой знакомый физик из Обнинска Валерий Павлинчук привез мне рукопись статьи, которая называлась «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» и была подписана физиком Андреем Сахаровым. Я слышал о Сахарове, но почти никто в России, если он не имел отношения к физике, этого имени тогда не слышал, потому что Сахаров принадлежал к суперсекретной

категории ученых, живших в не показанных на картах городах, где производились исследования, связанных с вооружениями. Даже в официальном справочнике АН СССР было сказано только «Андрей Сахаров, действительный член Академии Наук, Отделение Технических Наук». Физики обсуждали его немногие опубликованные в открытой печати работы. Я помню, что слышал о его работе по теории магнитного термоядерного реактора, известного сокращенно как «Токамак», когда я учился в МГУ.

Его работы по термоядерному оружию были полностью засекречены и даже не упоминались. Но кое-что еще о нем мы слышали: мы знали, что Сахаров выступал на заседаниях АН против худших политиканов от науки, выдвинутых влиятельнейшим лжеученым и негодяем Трофимом Лысенко. Вот и всё что большинство физиков знали о Сахарове. И тут я неожиданно получаю статью Сахарова: мне в Москву из Обнинска привёз ее мой друг физик Валерий Павлинчук, который в свою очередь получил статью от биолога Жореса Медведева, который, как и его брат-близнец историк Рой Медведев, был лично знаком с Сахаровым. Павлинчук сказал, что Сахаров просил передать статью мне. Я спросил Павлинчука, что я могу делать с рукописью. Что Сахаров ожидает от меня? Он мне ответил: «Сахаров хочет, чтобы ты ее прочитал.» Я спросил: «Значит ли это, что он хочет, чтобы она пошла в самиздат и соответственно попадет и будет опубликована за границей». «Да-да, конечно», – ответил Павлинчук. На этом наш разговор о статье Сахарова закончился.

Я прочитал статью Сахарова в тот же вечер, и затем принес ее Амальрику. Мы оба были потрясены появлением этой статьи; но в тот момент она поразила нас не своим содержанием. По тому времени для меня и для Амальрика и для многих в нашем кругу она казалась политически довольно умеренной по уровню критики советского режима: мы были гораздо радикальнее в нашем отвержении коммунистических идей. Я никогда не определял себя как «антикоммуниста», я не люблю

этого слова, но мы (большинство диссидентского круга) уже полностью отвергли советский режим к тому времени. Некоторые из наших друзей, как, например, Петр Якир и Петр Григоренко, еще употребляли своего рода официальный советский язык для критики советского режима в своих обращениях к властям и в самиздатских публикациях, но и они быстро избавлялись от этой привычки.

Что поразило нас в этой статье, – это то что она была написана и подписана Сахаровым, крупным ученым, человеком из истеблишмента, близким к высшим кругам советского руководства. Это казалось невероятным. Для многих важным оказалось также и то, как это ни удивительно, что Сахаров не был евреем, напротив он был этническим русским. Он открыто выразил свои идеи о ценности интеллектуальной свободы, об угрозе самому существованию человечества, об опасности ядерной войны, о необходимости сотрудничества между народами и он говорил об обеих сверхдержавах, СССР и США на одном уровне. Было ясно, что человек высказывается после серьезных размышлений на эти темы. Я почувствовал, как это важно, чтобы статья Сахарова получила широчайшее возможное распространение.

Каждую субботу, Андрей Амальрик и я встречались с нашим другом, Карелом Ван Хет Реве, московским корреспондентом голландской газеты Хет Парооль, которому мы передавали самиздат. Это был бесстрашный человек, гораздо смелее большинства иностранных корреспондентов в Москве. Я дал ему «Размышления», и он был потрясен этой работой так же, как и мы с Андреем Амальриком. Карел начал немедленно переводить статью на голландский язык и прочитал свой перевод по телефону в Амстердам в свою газету, надеясь, что телефонные цензоры в Москве не понимают по-голландски. Первая публикация статьи Сахарова была по-голландски в Хет Парооль 6 июля 1968 года. Карел также передал копию статьи Рэю Андерсону, тогда молодому и еще не очень опытному корреспонденту *Нью-Йорк Таймс*. Рей принес статью для совета Генри Шапиро, главному корреспонденту Юнайтед

Пресс Интернэшнл в Москве, старейшине западных корреспондентов в Москве, который отличался крайней осторожностью и сказал Андерсону: «Это подделка. Никакого Сахарова не существует. Литвинов сам написал эту статью. Не вздумай пытаться её опубликовать. Это плохо кончится.» К чести Андерсона, поколебавшись некоторое время, он отослал статью в Соединённые Штаты, где *Нью-Йорк Таймс* опубликовала ее 22 июля. Статья стала мировой сенсацией. В 1968-69 году более 18 миллионов экземпляров ее было напечатано по всему миру на многих языках.

Сегодня мы можем проследить за эволюцией идей Сахарова со времени написания им «Размышлений». После того как ему запретили работу в области вооружений и он покинул мир советской номенклатуры, он постепенно становился в большей и большей степени правозащитником. Власти перестали его слушать как одного из своих, и он стал диссидентом и превратился в одного из лучших и храбрейших активных диссидентов правозащитников. Но все годы, которые он занимался защитой прав человека и критикой советского режима, он никогда не переставал думать о проблемах мира в целом, о мире среди народов. Перечитайте сейчас «Размышления», и вы увидите, что мысли, впервые высказанные Сахаровым в этой работе, остаются среди важнейших и сегодня. Это вопросы экономических систем, опасности ядерной войны, мирного использования ядерной энергии, толерантности в отношении разных идей, прав человека. Сахаров был великим миротворцем. Я не перестаю поражаться великому вкладу, сделанному Сахаровым и жизнеспособности его идей.

Сегодня мне ясно, насколько впереди своего времени был Сахаров, и как сильно он от всех нас отличался в некоторых отношениях. Я уже упоминал, что ко времени моего знакомства с «Размышлениями» я уже отказался от марксистско-ленинского видения мира и пришел к идеям ненасильственного сопротивления советскому режиму, от которого мы требовали, чтобы он соблюдал свои собственные законы и

международные обязательства, которые он добровольно взял на себя. Мои идеи были сродни и отчасти сформировались под влиянием идей Льва Толстого, Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. Я отвергал советский социализм и верил в преимущества рыночного капитализма, но главным образом я, как и большинство диссидентов моего поколения, полагал, что необходима прежде всего политическая свобода, а при ней люди сами решат какого типа экономическая система им нужна.

Подход Сахарова, как я сейчас понимаю, в некотором смысле был иным. Он был по своей сути государственным в лучшем смысле этого слова. В какой-то степени это было частью его личности. Но, я верю, что также важно и то, что он лично знал систему и ее руководителей, советское руководство. У него был «доступ», и он пытался найти путь, как добраться от сегодняшнего дня к завтрашнему, как мирным путем изменить режим, его внешнюю политику, изменить его отношение к диссидентам, повлияв на руководство страны, заставив его серьезно участвовать в поисках решений глобальных проблем. Иначе говоря он пытался вовлечь «их» в практическую дискуссию. Вполне предсказуемо они не хотели его слушать. Они оттолкнули его и превратили его в диссидента-правозащитника. Но и будучи правозащитником он так и не оставил своих попыток возобновить диалог с властями, начав с участия в Комитете прав человека (он был одним из его учредителей) и вплоть до своего реального участия в политической жизни страны во время перестройки. Его преждевременная смерть произошла в тот момент, когда его вклад и влияние, возможно, были бы наибольшими...

Идеи Сахарова всё ещё важны и по-прежнему вызывают живую дискуссию в современной России.

Павел Литвинов. 2008 г.⁸¹

81. Русский текст приводится по: <http://www.sakharov-center.ru/sakharov/asfconf0810/panel1.php#litvinov>.

Юрий Орлов

Юрий Орлов родился в 1924 г. в Москве. С 1944 по 1946 был офицером Советской Армии. В 1952 г. окончил Московский университет как физик и работал в Москве в Институте теоретической и экспериментальной физики. В 1956 г. был исключен из партии за выступление в защиту демократии и устроился на работу в Институт физики в Ереване. Впоследствии был избран членом-корреспондентом АН Армянской ССР. В 1972 г. Орлов вернулся в Москву и работал в Институте земного магнетизма. Был уволен из института в 1973 г., после того, как стал одним из членов-учредителей первой в СССР группы «Эмнисти Интернэшнл». В 1976 г. организовал Московскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений и стал ее председателем. Был арестован в 1977 г. и в 1978 г. отправлен в лагеря. Освобожден в 1986 и выслан в США. В настоящее время профессор Корнеллского университета. Ниже публикуются выдержки из посвященной Сахарову речи на конференции «40 лет после «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» А.Д. Сахарова: Россия вчера, сегодня и завтра», проходившей в Гарвардском университете в октябре 2008 г.

Я познакомился с Сахаровым в 1967 году, а с Еленой Георгиевной в 1973 году, когда я навестил её и Сахарова в больнице Академии Наук, где ей лечили щитовидную железу, а Андрей Дмитриевичу проверяли сердце. ...

Прежде всего вспомним, что происходило в начале 50-х в СССР. Сталин был ещё жив. Согласно советской прессе врачи пытались отравить Сталина. К сожалению, это было неправдой, но врачей посадили. Власти начали кампанию против «космополитов», генетиков, и пр. Была даже сделана попытка объявить теорию относительности Эйнштейна и квантовую теорию Бора псевдо-научными концепциями, но эта кампания была остановлена приказом сверху.

Поэтому постановка вопроса «Каковы были политические взгляды учёных в последние годы жизни Сталина?» не имеет никакого смысла, когда мы вспоминаем, что, вероятно, 15% всех учёных КГБ заставил писать доносы. В моей группе на физико-техническом факультете МГУ, по крайней мере, 25% студентов доносили друг на друга. Некоторые из них позже рассказывали мне об этом. В таких условиях глупо спрашивать об их политических взглядах.

Ситуация изменилась довольно быстро после анти-сталинской речи Хрущёва на XX съезде Коммунистической партии в 1956 году. Я был тогда молодым физиком в московском институте теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ) и членом парткома. После речи Хрущёва меня попросили помочь организовать собрание коммунистов института для ее обсуждения. Мы, члены парткома, отнеслись к подготовке этого партсобрания серьезно, обсудили между собой кто что будет говорить. ...

Я был скорее теоретиком и, хотя я и считал себя марксистом, я не верил в исторический детерминизм. В своём выступлении я сказал, что несмотря на то что социалистическая система экономики правильная, политическая система может быть системой репрессий и террора. Я употреблял выражения «система террора» и «социалистическое, но недемократическое государство.» Я предложил, чтобы Советский Союз стал более либеральной системой по образцу Югославии. Я также говорил о моральной деградации советского народа с верху до низу.

Еще один член парткома, Вадим Нестеров, говорил о свободе информации и задал вопрос, почему Советский Союз глушит BBC.

Все наши речи сейчас доступны для обозрения. Их перепечатали во многих местах в различных изданиях. Я был рад прочитать мою собственную речь: я многое из неё забыл.

Вот вам радикальные мысли молодых учёных того времени. Это были революционные идеи: вооружить рабочих для сопротивления бюрократическому режиму. Ещё раньше в 40-е года, будучи офицером Красной армии я додумался до того, что у нас не диктатура рабочего класса, а диктатура бюрократии.

Какова была реакция учёных на наши выступления? Все коммунисты института были исключены из партии, потому что они нас поддержали на собрании. От них потребовали письменного отречения от наших взглядов и раскаяния в том, что они не дали нам решительный отпор на собрании. Те, кто написал, как требовалось, эти отречения, получили обратно свои партбилеты. Нас, организаторов этого собрания, через неделю уволили с работы.

Директор ИТЭФ, Абрам Алиханов, вызвал нас в свой кабинет. Он объяснил, что он позвонил лично Хрущеву, чтобы вступить за нас, и Хрущев ему сказал: «Я не один в Политбюро. Всё, что я могу вам пообещать, что я не допущу, что бы их арестовали.» Когда Алиханов попросил его не увольнять нас из института, Хрущев сказал, что это невозможно. Алиханов закончил нашу встречу словами: «Если вы понимали, что вы делаете, то вы герои, если не понимали, то вы дураки.»...

Так было в 50-е годы. В 60-е годы большинство учёных молчало. Возможно, одной из причин этого было некоторое движение среди учёных в начале 60-х вступать в партию, чтобы «изменить её изнутри», как некоторые из них объясняли мне. Я относился к этому скептически и говорил, что они партию вряд ли изменят, а напротив она изменит их. Сейчас я думаю, что это было не настолько плохое явление для своего времени.

60-е годы были, разумеется, временем, когда диссидентское движение стало силой. И 1968 год был вершиной: в апреле появился первый выпуск Хроники текущих событий, в июле были опубликованы

сахаровские «Размышления», в августе была демонстрация на Красной площади, где Павел Литвинов, Богораз и шесть других протестовали против Советского вторжения в Чехословакию. 20 мая 1969 года Инициативная Группа по Правам Человека, основанная Петром Якиром, Виктором Красиным и ещё пятнадцатью людьми, одним из которых был Сергей Ковалёв, выпустила обращение к Организации Объединённых Наций в защиту Советских политзаключенных. (ООН им тогда ничего не ответила).

Я в то время был сосредоточен на физике, я стал профессором и членом-корреспондентом АН Армении. Но после сперва статьи Сахарова, а затем демонстрации на Красной площади мне стало стыдно, что я после 1956 года ничего не сделал для развития демократии и прав человека. Так что 1968 год стал для меня поворотным моментом. Но мне не хотелось выходить с чем-нибудь незначительным. Если бы я просто открыл рот в Ереване, то на следующий день я был бы на пути к Уралу.

В 1973 году я стал одним из основателей первой группы Международной амнистии в Советском Союзе. В мае 1976 года после серьезных размышлений я организовал Московскую группу по наблюдению за выполнением хельсинских соглашений и оставался ее председателем вплоть до своего ареста в феврале 1977 года.

Как я уже сказал, статья Сахарова и демонстрация на Красной площади сыграли решающую роль в моей жизни в 1968 году. Что касается реакции учёных на Размышления, Павел Литвинов в своём выступлении описал её совершенно точно. Неважно, что было написано в статье Сахарова. Важно было, что это написал Сахаров. Его положение как в науке, так и в советской политической структуре сделало появление этой статьи таким важным событием. Размышления полностью противоречили советской официальной линии. Сказать, что нам необходима демократизация уже было преступлением, потому что мы уже по определению были самым демократическим государством в мире.

Многие советские учёные волновались за судьбу Сахарова. Герш Будкер, например, в частной беседе со мной спрашивал, как помочь Сахарову, если его будут преследовать.

В 60-е годы ученые в большинстве своем сочувствовали критикам режима, хотя многие из них не одобряли отправку этой критики за границу. Им это казалось непатриотичным.

Юрий Орлов. 2008 г.⁸²

Интервью Президента М.С. Горбачева

Это интервью М.С. Горбачев дал журналистам Юрию Росту и Дмитрию Муратову в ноябре 2004 г. Впервые было опубликовано в специальном выпуске «Новой газеты» в мае 2005 г.

Горбачев: Слушайте: вдруг перед очередным отпуском моим звонок из Москвы из идеологического отдела. У вас там в Кисловодске академик Капица отдыхает. Поговорите, если, конечно, удобно. Не мог бы он как-то помочь ввести в нормальное русло Сахарова.

Вот так!

Поговорю, хорошо, но академики – народ не простой. Что ж, встреча интересная, и мне приятно. Решение-то принял, а сам думаю, на что вы меня толкаете?... Но это жизнь такая была... ..

Капица ведь настоящий академик. К таким людям испытываешь... Я аккуратно затрагиваю тему Сахарова. Он говорит: «Андрей Дмитриевич внес колоссальный вклад в оборонную науку. Трижды Герой Социалистического Труда». Это я знал. Но

82. Русский текст приводится по <http://www.sakharov-center.ru/sakharov/asfconf0810/panel1.php#orlov>.

знал, и что писанина началась о нем, и что не знали, что же делать с этим Сахаровым. Хотя и бомбу дал и самую главную задачу того времени решил, мы тебя же наградили и вроде не мы тебе обязаны, а ты нам за ордена и все такое. Такой поворот интересный. А по сути подтекст такой: был неуправляемым. Вот меня и попросили поговорить с Капицей – может ли он повлиять. А Петр Леонидович говорит: «Академики – народ штучный. А Сахаров и среди них особенный, поэтому его все беспокоит устройство страны». Что он неправильно сделал? Написал письма в ЦК – куда надо. Он дисциплинированный человек. Размышления свои основные отправил. А Сулову не понравилось. Отзвонил ему какой-то клерк – завсектором, даже не заведомом. Ни разговора, ни реакции... Проявили неуважение. Он опубликовал это за рубежом. Так и пошло, поехало.

А он ведь лояльный был. И рассуждения его были правильными – о мирном сосуществовании, о конвергенции, о демократии. Это были мысли, которые, по существу, предвещали перестройку.

Вопрос: Как возникла идея вернуть Сахарова в Москву?

Горбачев: Проблема высылки Андрея Дмитриевича – она для меня существовала все время. (Он же находился в Горьком, когда я стал генсеком.) Период был трудный. В первое время другие проблемы казались более важными (а они и были важными), отодвигали вопрос о его возвращении. Да я и не знал, что поддержат меня Яковлев, Шеварднадзе и Медведев, а остальные будут против.

И я в конце говорю: «Знаете что, дайте-ка мне досье на Сахарова. Раз его выслали, значит, есть, должно оформляться». Я же юрист все-таки.

Короче, досье на Сахарова не появилось. Его просто не было: было постановление или указ там, указом выслали.

Вопрос: Как это не было досье на Сахарова? Не может быть.

Горбачев: Да, не было никакого дела, на основе которого потом состоялось юридическое действие. Ничего этого нет. Там сплетни какие-то, докладные: тому сказал то-то, этому – это, тому дал интервью... Я говорю: «Мы давайте тогда о Сахарове на очередном Политбюро поговорим».

Особого обсуждения и не было. Потому что всем ясно было, что была напраслина: человек не вошел в конфликт с Конституцией, которая утверждает свободу слова. Тем более у него рассуждения все серьезные, ответственные.

В результате встал вопрос о процессе: как его вернуть? Появилось мнение, что нужно направить президента академии Александрова туда. И у меня что-то зашевелилось: когда выгоняли – это Политбюро (было, по-моему, решение). А возвращать?... Нехорошо. В результате говорю: «Знаете что, давайте-ка так: я поговорю сам с Сахаровым». Был там установлен телефон. Когда мне доложили, что можно звонить, я позвонил.

«Андрей Дмитриевич, здравствуйте. Горбачев». – «Здравствуйте». – «Я хочу вам сказать, что вы можете возвращаться в Москву, занимать свою квартиру и заниматься своей работой. В общем, все за вами сохранено, начинайте действовать – и в академии, и так далее». Не благодарил, ничего. И правильно, что нечего благодарить. Ну, короче говоря, я ему так сказал. А он с ходу: «Надо высвободить всех узников свободы», то-то-то... Не о себе. Да, про Анатолия Марченко сказал. Он в тяжелом был положении...

Я говорю: «Андрей Дмитриевич, возвращайтесь, это я вам хотел сказать, и все будем рассматривать».

После этого разговора я проинформировал своих коллег и сказал: «Внесите предложения о политических заключенных».

Для меня, вообще говоря, академик оказался счастливой встречей. Особенно в те моменты, когда пришлось принимать крутые решения, выходить на новый, так сказать, виток демократических преобразований. И... опорой. Да, опорой! Потому что суждения этого человека были всегда аргументированы. Это были его, Сахарова, аргументы. Но они были логичны и лишены обиды за то, что он для всей страны был уже своего рода камертоном. И это очень важно. А он был активным, он не отсиживался. Он внес конституцию от себя. Он выступал, он выдвигал идею передать власть съезду, поскольку он народом избран, и так и должно быть.

Вопрос: То, что Андрей Дмитриевич говорил, было полезно вам, продуктивно?

Горбачев: Абсолютно. Абсолютно.

Вопрос: И даже то, с чем вы тогда не соглашались?

Горбачев: Абсолютно... все это было очень важно. Я уверен, что он знал... Я теперь смотрю на это интервью и вижу – это еще ценнее.

Вопрос: Он все понимал и вы все понимали?

Горбачев: Да-да-да-да.

Вопрос: Значит, между вами возникал какой-то внутренний диалог?

Горбачев: Он обязательно был. Я же, давая ему слово, ощущал недовольство президиума. Было важно, чтобы он говорил.

Вопрос: Я помню – мы едем после заседания и я говорю: «Мы нервничали с Еленой Георгиевной. Горбачев вас все время перебивал». Он говорит: «Горбачев прежде всего мог мне не давать слова. Он мне давал слово. У меня было такое ощущение, что он хотел, чтобы я говорил: он не мог сказать то, что мог сказать я, а ему надо, чтобы это было сказано».

Горбачев: Этот массив надо было разворачивать к демократии. Но это было непросто. Сахаров понимал.

Вопрос: Сами вы обладали этим ресурсом как генсек?

Горбачев: Если бы я не обладал – съезда бы не было.

Вопрос: Но сказать то, что сказал Сахаров, вы не могли.

Горбачев: Да, вот это правильно. Не мог. А как? Ведь целый съезд вообще мог свихнуться. Если прочитать стенограммы – это такой детектив! Я их иногда читаю. Потрясающе! Надо было продвигаться вперед. Но не сломя голову.

Люди впервые оказались в положении народных депутатов на основе свободных выборов. Они проходили впервые в своей жизни школу свободы. Свободы слова, открытого обсуждения, полемики, борьбы самой настоящей.

Вопрос: Вы представляли степень риска? Вы сознательно шли на это?

Горбачев: Ну а как же. А что такое проект перестройки? Это такой риск! Вот будь я семидесятилетним человеком, умудренным, уставшим, не пошел бы, наверное, на это. Не пошел бы.

Вопрос: А вы сознательно маскировали многословием свои цели?

Сахаров считал, – что вы в сложном положении, потому что должны все время лавировать между старым Политбюро и новыми идеями.

Горбачев: Я же не мог дойти до свалки и развалить съезд.

Вопрос: Дело даже не в этом. Я думаю, что у вас единомышленников в Политбюро было меньше, немного.

Горбачев: Ну так и думай. Ты же свободный человек. А я хочу другое сказать. Был же такой еще случай интересный с Андреем Дмитриевичем, не только в зале, как говорится, но за пределами зала. Раз после окончания заседания, где-то между семьей и восьмью: я сидел со своими помощниками, с Шахназаровым (он много тогда государственными делами занимался), ну и другими, не буду перечислять, потому что не хочется мне их перечислять.

Каждый вечер я работал допоздна. Закончил я в один из дней. Выхожу. (Там рядом кабинеты, рядом с залом заседания.) Погашен свет в зале. Я говорю: «Ну что ж, закончили». – «Михаил Сергеевич, а вас там ждут». – «Кто ждет?» – «Сахаров». – «А почему вы не доложили?» – «Ну, мы ему сказали, он говорит: ладно, пусть он закончит, я потом».

Я выхожу в зал, он в уголке на сцене, у шторы у этой самой... как называется у сцены? Занавеса, сидит на стуле. Они его усадили, там чаю дали или что, сидит.

Я говорю: «Андрей Дмитриевич, добрый вечер! Вы что, тут ночевать решили?» – «Нет, мне надо с вами встретиться, очень серьезный у меня разговор к вам». Говорю: «Ладно». Я взял себе стул, сел

рядом с ним. Вот так вот сидим. Впереди – зал. Пустой, огромный, темный.

Я говорю: «Ну как у вас впечатления от съезда?». Вот тут я услышал, как вот он со мной говорил, как будто с тобой – понимаешь? Без корректив. Если у человека есть мнение и он его придерживается, у него могут быть нюансы.

Да, мысль развивается, оснащается, какие-то аргументации появляются, но стержень остается. Поэтому мне нечего, как говорят, скрывать. Ну, в общем... «Да, вот видите, какой зал, такой консервативный...». «Да, – говорю, – но представьте себе, это же первый такой у нас съезд, Андрей Дмитриевич, и такое происходит на глазах у всей страны, у всего мира! Вообще невероятно же, мы вовлечены с вами, мы еще не понимаем, что происходит. Так примерно. Я, в общем-то...» – «Ну да, конечно...» – «А вы-то? Что вас беспокоит?» – «Вы знаете, я боюсь, как бы эти консерваторы... Видно, их не устраивает вот это, что на съезде происходит и как происходит. Они могут вас заставить, так сказать, отступить от своей линии». Он понимал, что она – максимум возможного в той ситуации, в том контексте, который есть.

Вопрос: Компромисс заложен был. Но компромисс все-таки в сторону развития.

Горбачев: Я говорю: «Окажись вы на моем месте – вы бы занимались тем, что надо управлять залом, всем этим огромным, всем этим процессом надо управлять». – «Я о другом. Вот говорят, что у правых там есть какие-то компрометирующие вас данные, что они могут воспользоваться, чтобы изменить ход съезда». Это самое главное, что его беспокоит, и так далее.

«Ну тогда, – говорю, – Андрей Дмитриевич, идите спите спокойно. Я взятку не брал никогда и я уверен, что я их не возьму».

Чего-чего, а этого за Горбачевым не водилось, не водится и не будет водиться. «Ну хорошо, до завтра, – говорю. – Впереди опять работы много». И расстались мы по-хорошему.

Вопрос: Он волновался за вашу репутацию?

Горбачев: Он волновался за возможность изменения направления работы съезда. Он понимал, что я только могу изменить.

Ты понимаешь, он очень много выступал, больше, чем другие, в разы. Конечно, мне выгодно, чтобы звучала речь академика: он ответственный человек, он демократически убежденный человек, он человек совести и морали.

Вопрос: Михаил Сергеевич, как вам видится: если бы Сахаров жил, какую бы роль он играл, какое бы место занимал?

Горбачев: Он был на своем месте. Он был выдающийся ученый, он был наш моральный авторитет. И для меня он был авторитет. Он бы занимал ту же позицию, что занимал и тогда, он был бы привержен тому, что без дальнейшей демократизации, без утверждения, развития и укрепления социальных институтов, без защиты свобод страна жить в современном мире не может. Он настаивал на том, что достойных условий жизни не может быть за пределами свободы и демократии.

И я так считаю.⁸³

83. Юрий Рост. «Не поддается правке». *Новая газета*. № 34 от 16 мая 2005 г.

Президент Борис Ельцин

В 1999 г. Президент Борис Ельцин отдал дань уважения Сахарову, выдвинув его кандидатуру на титул «личность века» по версии журнала «Тайм».

Андрей Сахаров не был профессиональным политиком, но к его словам прислушивались и главы государств, и ведущие политические деятели мира. Повинуясь своей совести и своим моральным убеждениям, академик Сахаров осмелился публично бросить вызов всемогущей машине тоталитарного государства. Многим из нас он помог по-новому взглянуть на свою страну и на то, как мы живем. Я был знаком с ним и он повлиял на мои взгляды. Сахаров воистину был духовным отцом демократических перемен в России. Я остро ощущаю, как не хватает нам сегодня его мудрости, его твердости, его гуманности. Я благодарен судьбе за то, что имел возможность работать бок о бок с Андреем Сахаровым.⁸⁴

Президент Дмитрий Медведев

14 декабря 2009 г. Президент Медведев направил приветственную телеграмму участникам международной конференции «Идеи Сахарова сегодня», проходившей в Москве в декабре 2009 г. в ознаменование 20-й годовщины со дня смерти А.Д. Сахарова. Конференция была организована Музеем и общественным центром «Мир, прогресс, права человека» им. Андрея Сахарова при поддержке Комиссара Совета Европы по правам человека.

Всемирно известный ученый и правозащитник Андрей Дмитриевич Сахаров был убежден, что будущее творится в каждом из нас. Он хорошо понимал, насколько неразделимы свобода и ответственность,

84. *Time*, 20 декабря 1999 г. С. 29. Текст дается в обратном переводе с английского.

как важно стремление к нравственному самосовершенствованию. И сама его судьба – это пример жизни по совести, неуклонного следования принципам, которые он отстаивал бесстрашно и бескорыстно.

Академик Сахаров считал огромной угрозой для человечества его разобщенность и постоянно доказывал: лишь равноправное сотрудничество, открытость и уважение личности позволяют сохранить и развивать нашу цивилизацию. И сегодня, анализируя опыт новейшей истории, мы можем в полной мере оценить глубину и актуальность идей Андрея Дмитриевича Сахарова. Они созвучны задачам, которые решает современное российское общество.⁸⁵

Ефрем Янкелевич

Ефрем Янкелевич родился в 1950 г. в Харькове. В 1970 г., когда он изучал радиотехнику в Московском Институте связи, он женился на дочери Елены Боннэр Татьяне. После женитьбы Сахарова на Боннэр в 1972 г. он стал подвергаться непрерывным преследованиям со стороны КГБ. На заявления с просьбой разрешить ему поездку в США в 1973 и 1974 годах последовал отказ, но в сентябре 1977 г. он с женой и двумя детьми эмигрировал в Ньютон, штат Массачусетс. Сахаров пишет в «Воспоминаниях»: «Уже при первой встрече проявились особенности моего будущего зятя – принципиальность, не знающая отклонений, внутренняя честность и ясность понимания ситуации. ... Уже будучи интернированным в Горький, я написал документ, согласно которому Ефрем Янкелевич является моим официальным представителем за рубежом. Но еще задолго до этого, фактически с самого начала, на Ефрема и Таню легла большая, тяжелая работа ... Ефрем и Таня то и дело вынуждены куда-то ехать по делам Сахарова, или выступать, или

85. Материалы Международной конференции «Идеи Сахарова сегодня». Москва, 14-15 декабря 2009 года. М. 2010. С. 11.

срочно что-то писать»⁸⁶. После того, как их брак с Татьяной распался, он уехал в Израиль, затем вернулся в Москву, где в 2009 г. и умер от сердечного приступа. Ниже приводятся выдержки из его введения к Собранию сочинений А.Д. Сахарова (М., «Время», 2006).

Альтернативы Сахарова

Сахаров обладал, на мой взгляд, вдобавок к другим своим талантам, одним весьма редким: способностью сочувствия человеческим страданиям и несчастьям, где бы они ни происходили – будь то безымянные жертвы ядерных испытаний в атмосфере, разбросанные по всему миру, голодающие африканцы, советские заключенные или палестинские беженцы в Сабре и Шатиле. (Было ли это прирожденным даром, или эта способность развилась в нем позднее, когда как «отец водородной бомбы» он ощутил себя ответственным за судьбы мира? – вопрос, лежащий за рамками этого очерка.)

«Планетарность» мышления, или, скорее, мировосприятия, Сахарова происходила также от убеждения в неразделимости судеб человечества, которое он разделял со своими предшественниками – Альбертом Эйнштейном и Нильсом Бором. Мы все в одной лодке – и погибнем, и спасемся только вместе. И последнее – Сахаров верил в то, что социальный и научно-технический прогресс может и должен облегчить человеческие страдания. Точнее, Сахаров полагал, и это было выражением его демократических убеждений, что свободные люди способны разумно устроить свою социальную жизнь и разумно использовать плоды научного прогресса. ...

Доктрина Сахарова опирается на три аргумента. Во-первых, если государство представляет угрозу для своих граждан, оно будет представлять угрозу и для своих соседей. Во-вторых, уважение прав человека

86. *Воспоминания*. Т. 2. С. 10, 395-396.

обеспечивает демократический контроль над внешней политикой страны и над военными расходами, и общество не допустит милитаризации экономики в мирное время. И третьим аргументом Сахарова было то, что соблюдение прав человека обеспечивает свободный обмен информацией и идеями между народами, способствует их сближению, снижению взаимного недоверия, и тем снижает вероятность конфликта и возможность тайного вынашивания агрессивных намерений. Все эти аргументы Сахаров высказывает в различных контекстах во множестве своих выступлений. ...

В заключение о том, что более всего интересует автора и, полагаю, читателя. Какой бы хотел видеть Сахаров Россию? Если когда-нибудь в России возникнет «партия Сахарова», что могло бы быть написано на ее знаменах или в ее политической программе?

В 1968 году в «Размышлениях» Сахаров заявил себя социалистом. И хотя позднее его взгляды на «страну победившего социализма» во многом изменились и он стал противником «тоталитарного социализма», полагаю, что он так и остался социалистом, или социал-демократом. Мы точно не знаем, в чем он видел недостатки «капитализма», который он, тем не менее, полагал «ближе к истинно человеческому обществу» при условии проведения социальных реформ⁸⁷, чем «тоталитарный социализм». Предположу, что ему не импонировал чистый капитализм как общество, управляемое законами рынка, спросом и предложением. Или он мог полагать неразумной и расточительной экономику, в которой экономический рост и занятость достигаются искусственной стимуляцией спроса. К тому же Сахарову как человеку эгалитарных убеждений был, безусловно, ближе принцип распределения доходов Джона Роулса, согласно которому дифференциация доходов оправдана

87. «О стране и мир».

только в той степени, в которой она служит всеобщему благу. Примерно такой принцип Сахаров формулирует в «Размышлениях». Более того, он полагал, что вопрос распределения «общественного пирога» со временем потеряет свою остроту, благодаря научно-техническому прогрессу, который обеспечит материальное изобилие.

Одним словом, Сахаров не был «рыночником» современного российского пошиба. Не был он и американским либералом, полагающим государство необходимым злом. Предполагаю, что Сахаров, пользуясь выражением его американского друга Эдварда Клайна, видел в государстве инструмент воплощения общественных идеалов. И социализм Сахарова заключался в том, что он видел в государстве не только инструмент защиты прав и свобод, но и производителя социальных благ.

Трудно сказать, что именно Сахаров имел в виду, предлагая «конвергентное» общество. За исключением широких социальных программ и государственного сектора экономики, мы не знаем точно, какие именно черты социализма Сахаров предполагал сохранить. Например, следовало ли сохранить плановый характер государственного сектора экономики, и как это сочеталось бы с отстаиваемой Сахаровым независимостью государственных предприятий? Однако очевидно, что Сахаров предлагал социально ориентированную экономику, экономику, ориентированную не столько на максимальную прибыльность, сколько на социальные цели, например на обеспечение занятости и высокий уровень оплаты труда.

Разумеется, Сахаров понимал опасность сохранения за государством значительной экономической власти, и я думаю, что он с симпатией бы отнесся к следующим словам другого социалиста, Альберта Эйнштейна:

«Необходимо помнить, однако, что плановая экономика это еще не социализм. Сама по себе, она может сопровождаться полным закрепощением личности. Построение социализма требует решения исключительно сложных

социально-политических проблем: учитывая высокую степень политической и экономической централизации, как сделать так, чтобы бюрократия не стала всемогущей. Как обеспечить защиту прав личности, а с ними и демократический противовес власти бюрократии?»⁸⁸

Мы знаем рецепты Сахарова для решения этих проблем. Это уважение прав человека, основанное на законе и независимом суде. Это экономика смешанного типа. Это гласность и подконтрольность государственного сектора экономики и государственной бюрократии демократическим органам власти (например, парламентским комитетам).

Конечно, сегодня вряд ли кто-либо в здравом уме захочет доверить российскому государству управление социально ориентированным обобществленным сектором экономики. Однако в определенной ситуации, в условиях гласного общественного контроля это могло бы стать привлекательной альтернативой утвердившемуся в России уже не государственному, а чиновничьему капитализму. В любом случае, гласный общественный контроль над деятельностью крупных корпораций с преобладающим государственным участием вполне соответствовал бы программе Сахарова.

Рассматривая же конвергентное общество с более общих позиций, можно сказать следующее. Свободному обществу, т.е. капиталистическому в терминологии Сахарова, свойственна высокая степень конфликтности, проистекающей из борьбы частных интересов, тогда как в «социалистическом» обществе конфликт частных интересов подавлен государственным принуждением. Учитывая критику Сахаровым капиталистического индивидуализма, можно предположить, что, полностью в русле русской политической мысли, Сахаров предпочел

88. «Альберт Эйнштейн: Почему социализм?» http://politazbuka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=115&Itemid=92. Пер. Л. Копотеевой.

бы гармоничное общество с низким уровнем конфликта. Можно ли, однако, создать такое конвергентное общество, которое было бы одновременно и свободным, и бесконфликтным? Полагаю, что нет и что сахаровское конвергентное общество, если оно возникнет в России, будет результатом компромисса, будет обществом с большей или меньшей степенью свободы и уровнем конфликтности, если оно, конечно, не будет полностью состоять из свободных альтруистов.

Здесь также уместно отметить, что Сахаров и его друзья правозащитники 60-х – 80-х видели в государстве главную угрозу правам личности и, по понятным причинам, не слишком задумывались о том, что в обществе могут существовать и другие силы, угрожающие этим правам, и что осуществление гражданами своих прав часто чревато конфликтом между ними. По-видимому, конвергентному обществу придется решать, какие права оно гарантирует своим гражданам и какие права будут им ограничены.

Сахаровская альтернатива узурпации власти федеральным центром изложена в его проекте Конституции. В своем проекте Сахаров передает субъектам федерации (тогда еще союзным республикам) большие полномочия, в том числе собственную правоохранительную и судебную систему. Однако самым важным пунктом его программы я полагаю финансовую независимость субъектов федерации, потеряв которую они лишились постепенно и всего остального. Сахаров предполагает только определенные, фиксированные договором, перечисления в федеральный бюджет. Все же свои остальные бюджетные средства субъекты расходуют по своему усмотрению.

Российские интеллектуалы давно озабочены поиском «национальной идеи», причем сегодня, как и всегда, лидирующим кандидатом является идея «великой России», или, скорее, «великого государства» (когда-то самодержавного и православного, затем социалистического, а теперь, видимо, просто антизападного, с православно-патриотической

закваской). Сахаров в своем проекте Конституции предлагает другую национальную идею, идею национального альтруизма во имя выживания человечества и решения глобальных проблем.

Когда-то в своем программном письме ООН Нильс Бор писал: «Главной целью, стоящей выше всех остальных, должен быть открытый мир, в котором каждый народ может заявить о себе только в той мере, в какой он способен сделать вклад в общую культуру и может помочь другим своим опытом и ресурсами»⁸⁹. К такому же альтруистическому поведению призывает и Сахаров. В его Конституции «глобальные цели выживания человечества» ставятся выше государственных интересов. Целью народа провозглашается «счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения».

Отмечу, что русской традиции, в ее диссидентских формах, идея национального альтруизма совсем не чужда. Так, Петр Чаадаев писал: «Россия слишком могущественна, чтобы проводить национальную политику, ее дело в мире есть политика рода человеческого. Провидение создало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами; оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества». Поэтому, кто знает, сахаровский призыв к национальному альтруизму, может быть, когда-нибудь и будет услышан.

Другой важный выбор, стоящий перед российским обществом, и, возможно, самый важный выбор – следует ли России придерживаться традиционных ей форм общественного и политического устройства, как полагают «национально мыслящие» публицисты, или, напротив, решительно порвать с татаро-византийской политической традицией и с вертикальной моделью принятия решений, отказаться от старых

89. Нильс Бор. Письмо Организации Объединенных Наций.

общественных идеалов, и попытаться воспринять новые. Судя по его полемике с А.И. Солженицыным⁹⁰, Сахаров, скорее, предпочел бы разрыв с прошлым.

Пожалуй, что более всего поражает стороннего наблюдателя в современном российском обществе – это отсутствие каких-либо общественных идеалов, определяющих нормы общественной жизни, и точек отсчета в общественно значимом дискурсе. Они замещены, как писал Сахаров, культом государства и силы, а теперь также денег и успеха. Общественные идеалы, которые предлагает Сахаров – это уважение прав человека, терпимость, и свобода. И если «партии Сахарова» – российским гражданам, верящим в эти идеалы – удастся когда-нибудь продвинуть их в общественное сознание, – это будет главная победа Сахарова, а также российского общества.

А какие механизмы воплощения этих идеалов российское общество сможет создать: будет ли это копией западных институтов или России удастся придумать и воплотить какие-то новые работоспособные механизмы – надеюсь покажет будущее.

Ефрем Янкелевич. 2006 г.⁹¹

Вацлав Гавел

Вацлав Гавел родился в Праге в 1936 г. Писатель, драматург, первый Президент Чехословакии и Чешской Республики. После подавления Пражской весны в августе 1968 г. для пьес Гавела сцена была закрыта. В 1977 г. он стал одним из основателей Хартии-77, призывавшей к соблюдению норм о защите прав человека, которые провозглашались в Конституции страны, в Хельсинкских документах и пактах

90. Андрей Сахаров. «О письме Александра Солженицына "Вождям Советского Союза"» // *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 213-239.

91. *Тревога и надежда*. Т. 1. С. 12-46.

ООН о защите прав человека. В апреле 1978 г. был в числе основателей Комитета защиты несправедливо преследуемых, созданного для помощи сторонникам Хартии–77, лишенным свободы, потерявшим работу или пострадавшим от других репрессий. В октябре 1979 г. Гавел и другие лидеры Хартии предстали перед судом по обвинению в подрывной деятельности. Трижды заключался в тюрьму, проведя за решеткой в общей сложности почти пять лет. В 1989 стал руководителем Гражданского Форума – движения, требовавшего фундаментальных политических перемен. 29 декабря 1989 года был избран Президентом Чехословакии и переизбран на свободных выборах в июле следующего года. После распада Чехословакии стал первым Президентом Чешской Республики и занимал пост президента с 1993 по 2003 годы. Гавел был автором предисловия к самиздатской работе А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

Предисловие к Собранию сочинений Андрея Сахарова

Самиздатовская книга Андрея Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» попала в Чехословакию в самый разгар Пражской весны. Она даже вышла в чешском переводе летом 1968 года в приложении к газете «Млада Фронта» и немедленно вызвала большой интерес и отклики.

Для Чехословакии, стремившейся мирным и спокойным путем изменить сущность советского режима, навязанного восточноевропейским странам после окончания Второй мировой войны, мысли Сахарова, – а мы тогда еще мало знали о том, кто такой, собственно, Андрей Дмитриевич Сахаров, – имели особое значение. Его «Размышления» представляли собой не просто литературный текст, а своего рода политическую программу. В этом состояла необычность и привлекательность текста и его автора.

В годы чехословацкой «нормализации», осуществляемой под дирижерской палочкой советских оккупационных войск, все мы с большим вниманием следили, как этот известный академик и отец советской водородной бомбы борется за права человека и гражданские свободы. Выступления Сахарова внушали нам надежду в годы оккупации.

Присуждение в 1975 году Андрею Сахарову Нобелевской премии мира чехословацкие диссиденты считали и своей наградой. Особенно обнадеживающим для движения «Хартии-77» было сообщение об освобождении знаменитого ученого из горьковской ссылки в 1986 году. Оно свидетельствовало о том, что силы советского режима подходят к концу и что в относительно короткое время можно ожидать перемен и в странах так называемого советского блока.

К сожалению, мне ни разу не удалось лично встретиться с академиком Сахаровым. Он умер в самый разгар чехословацкой «бархатной» революции. От своих друзей я знаю, как радостно он ее приветствовал и с каким интересом за ней следил.

Одна из первых заграничных поездок после моего избрания Президентом Чехословакии привела меня в феврале 1990 года в Москву. Я воспользовался этим, чтобы посетить могилу Сахарова и поклониться памяти этого великого человека. Могила была завалена цветами и венками, ежедневно приносимыми туда сотнями простых людей.

Я не хочу и даже не вправе оценивать Андрея Сахарова как ученого, но зато я могу высоко оценить его как мыслителя и гуманиста. Нет сомнения в том, что влияние, оказанное Сахаровым-Гражданином на политическое развитие мира, вышло далеко за рамки его страны и его времени. Преждевременная смерть не позволила ему выполнить те задачи, для которых он был предназначен в силу своего громадного морального авторитета, своей нравственной чистоты (о которой с

уважением говорил даже Никита Хрущев), неподкупности, отваги и оригинального мышления. Андрей Сахаров нужен был новой России вчера, необходим сегодня, и ей будет недоставать его в будущем.

Опубликование дневников, воспоминаний и публицистики Андрея Сахарова к его восьмидесятипятилетию, до которого он не дожил, – это замечательная издательская инициатива. Собрание сочинений Андрея Сахарова будет вдохновлять не только нас, его современников, но и последующие поколения граждан, которым небезразличны судьба и будущее нашей планеты.

Прага, декабрь 2005 г.⁹²

Адам Михник

Адам Михник родился в Варшаве в 1946 г. Изучал историю в Варшавском университете. В 1968 г. как один из лидеров студенческих протестов был исключен из университета и осужден к трем годам тюремного заключения. После освобождения полтора года спустя по амнистии два года работал сварщиком, а затем – литературным секретарем у поэта и журналиста Антония Слонимского. В 1975 г. получил степень по истории в Познанском университете. После репрессий против бастующих рабочих в 1976 г. был одним из организаторов Комитета защиты рабочих, известного как КОР, помогавшего арестованным рабочим и их семьям и участвовавшего в подпольном издании независимых бюллетеней, периодических изданий и книг, в которых и сам Михник выступал как редактор и публицист. В 1977 г. КОР был переименован в Комитет общественной самозащиты, но сохранил прежнюю аббревиатуру. Комитет был предшественником основанного в 1980 г. первого независимого профсоюза «Солидарность», в котором Михник был одним из главных советников. В декабре 1981 г., когда

92. Тревога и надежда. Т. 1. С.9-11.

правительство объявило военное положение, был интернирован. В 1989 г. Михник участвовал в «круглом столе» – в переговорах между правительством и Солидарностью и в июне 1989 г. был избран в новый Сенат. Предвыборный бюллетень «Солидарности» – «Газета Выборча», в которой Михник был главным редактором, быстро превратилась в крупнейшую ежедневную газету страны. Свой материал о Сахарове Михник подготовил для международной конференции «Идеи Сахарова сегодня», проходившей в Москве в декабре 2009 г. в ознаменование 20-й годовщины со дня смерти А.Д. Сахарова.

Сахаров: Взгляд из Польши

Тоже Европа

Скажу откровенно, я уверен, что приехал из Европы в Европу. Есть такой великорусский бзик: мы – не Европа, вы, европейцы, нас не понимаете. Нет, мы прекрасно понимаем. и когда я слушал доклад Леонида Брежнева, я все понимал. Так же, как понимал Сахарова, когда читал его письма. У нас в Польше был Герек и был Колаковский. И это тоже Европа. В Чехословакии был Готвальд и был Гавел – и это тоже Европа. Я хочу сказать, что мессианская идея о том, что Россия единственная в мире, специфическая, «я другой такой страны не знаю», – это просто миф, который бытует и на моей родине, поэтому я его прекрасно знаю. Этот миф – просто ложь.

И миф, и учитель

Советский Союз и все советские государства были государствами лжи и страха. Чтобы понять, как ушел страх, надо обратиться к таким людям, как Андрей Дмитриевич Сахаров. Для людей моего поколения Сахаров – это и миф, и в каком-то смысле учитель. Он нам демонстрировал, как можно жить без страха, в согласии со своей совестью. Почему это было так важно? Потому что об этом нам рассказывал не молодой поэт без публикаций, не молодой художник, не молодой, скажем, историк,

который хотел бы уехать на Запад. Об этом говорил гениальный ученый-физик, лауреат сталинской и ленинской премий, трижды герой социалистического труда. Благодаря своей работе он имел в жизни все, что возможно, и все это оставил, решив, что надо жить по-другому, быть храбрым и внутренне свободным, и жить не только для себя.

Мы уже забыли, что представляла собой атмосфера советского времени. Помню, когда я сидел в тюрьме в августе 1968 года, я прочитал в «Трибуна люду» (это была такая наша «Правда» и «Известия» вместе) о том, что маленькая группа провела на Красной площади антисоветскую хулиганскую акцию. На свидании с родителями я спросил об этом у отца. Он сказал: «Да, это герои. Но ты знаешь, есть еще один физик. И я слышал по радио «Свободная Европа» о том, что он передал на Запад свои размышления про прогресс, свободу и т.д.». Это был Андрей Дмитриевич Сахаров. Мы не знали его имени, потому что он работал там, где все было засекречено.

Язык Свободы

Я очень плохо говорю по-русски, но думаю, что вы меня понимаете. Но если поляку сказать, что он плохо говорит по-русски... На моей родине есть люди, для которых это большой комплимент. Я помню декларацию Сахарова против военной диктатуры, появившуюся во время военного положения в Польше. Для поляков было очевидно, что Россия, говорящая словами Сахарова, – это друг. Русский язык Андрея Дмитриевича для меня и моих друзей был языком свободы. Андрей Дмитриевич Сахаров и Александр Исаевич Солженицын – это два полюса. Поляки задавались вопросом: почему в Польше нет таких храбрых людей? Я думаю, что российский самиздат воодушевлял оппозицию в других странах и особенно у нас в Польше. Язык самиздата, «Хроники текущих событий», поэзии – это был язык независимости, язык свободы.

Человек политики особого типа

Вы знаете лучше, чем кто-либо, что были разные формы протеста. Для одних это надежда на реформы, для других – религиозное сопротивление. В России символом этого, конечно, был Солженицын, а у нас – польский кардинал, будущий папа римский Иоанн Павел II. Есть еще одна форма – просвещение. Андрей Дмитриевич был человеком просвещения, толерантности, свободной мысли, плюрализма, универсализма. и в этом смысле он был противником революции. Я думаю, что это очень актуальный аспект его мышления.

Мы, люди Центральной и Восточной Европы, хорошо знакомы с логикой революции, когда против силы идет сила, против ненависти – еще большая ненависть со всеми страшными последствиями. И в этом смысле, я думаю, Сахаров был человеком политики особого типа – по сути антиполитической политики. К таким же людям можно отнести Альберта Эйнштейна, Бертрана Рассела, Сергея Адамовича Ковалева, Мартина Лютера Кинга, далай-ламу. Они – это наша надежда на будущее, без них нет смысла в жизни, без них политика – это циничная игра, но и эти люди без политики – бесплодные идеалисты.

Я думаю, надо искать союз нового типа – между такими людьми, как Андрей Дмитриевич Сахаров, и реальной политикой. потому что нет другого типа политики, кроме реальной. И в этом смысле Сахаров был противником большевизма.

Я не профессиональный политик, и, может быть, поэтому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах. Я воздерживаюсь от конкретных прогнозов, но сегодня, как и всегда, я верю в силы человеческого разума и духа.

Противник большевизма в политике и морали

Сахаров предпочитал перемены, происходящие через эволюцию, через диалог. И ключом для него, наверное, были права человека. Нетрудно представить, что говорил бы Андрей Дмитриевич сегодня о деле Ходорковского. Это очевидно. Он был противником большевизма не только в отношении политики, но и в отношении морали. Я прекрасно помню слова Сахарова после процесса Якира и Красина. Солженицын заявил: «...По праву старого ээка говорю им..., что они повели себя слабодушно, низко и даже смехотворно...»⁹³ Андрей Дмитриевич сказал: «Я их не могу осуждать». Большевизм – это не только политический проект, это еще и человеческая жестокость, и в этом смысле Андрей Дмитриевич был самым последовательным противником большевизма.

Он был против этнического и государственного национализма. Почему я думаю, что это так важно сегодня? Потому что мы видим, как в старые рамки большевизма вползает этнический, сепаратистский, авторитарный национализм. Это заметно во всех посткоммунистических странах. Я бы сказал, что в этом смысле идеи Андрея Дмитриевича очень актуальны. Что касается религии, мы видим, как разные политики создают из религии политическую идеологию. Крест в их руках – это дубина, а не символ христианства. Андрей Дмитриевич в полемике с Александром Исаевичем предупреждал: если речь идет о христианстве, не забывайте такого христианина, как Альберт Швейцер, он не делал из христианства государственной идеологии.

Чем хуже, тем хуже. Чем лучше, тем лучше

Все читатели воспоминаний Андрея Дмитриевича прекрасно помнят, что он был человеком последовательным и храбрым. Но он никогда не был фанатиком. Во время перестройки – об этом писал Сергей Адамович

93. Из интервью агентству «Associated Press» и газете *Le Monde*. 23 августа 1973 года.

в своей статье [С.А. Ковалев «А.Д. Сахаров: ответственность перед разумом» – Прим. ред.] – радикалы диссидентского движения говорили, что он поверил Горбачеву, большевистскому аппаратчику. Я смотрел на это из Польши. Я держал кулаки и за Сахарова, и за Горбачева, потому что понимал, что открывается великий шанс для России, для всех нас. Андрей Дмитриевич никогда не был как Ленин, никогда не говорил «чем хуже, тем лучше». Сахаров говорил: «чем хуже, тем хуже, а чем лучше, тем лучше». Вот такая новая диалектика; четвертое правило диалектики. Я знаю, как много людей в русской эмиграции (и польской, конечно, тоже) каждый день ждали катастрофы. ждали, что для всех станет ясно: жизнь возможна только в эмиграции, в этой стране жить невозможно. Андрей Дмитриевич каждый день терпеливо ждал успеха. И ему были симпатичны эмигранты, которые держали кулаки за успех.

Жить без ненависти

Читая интервью Андрея Дмитриевича во время перестройки, я убедился: он не был человеком реванша. Он не стремился одержать реванш над своими противниками, над теми, кто держал его в Горьком. Он думал о будущем. Если Солженицын написал «жить не по лжи», то идеал Сахарова был «жить без ненависти». И это очень важно сегодня.

Сахаров прекрасно знал, что если хочешь донести до людей свои идеи, ты должен быть живым примером. В первую очередь надо нести ответственность самому, а уж потом – ожидать этого от других.

Я закончу словами Лешека Колаковского, которые, я убежден, отражают мнение Андрея Сахарова: «Ни одна победа не является необратимой, ни одно поражение не является окончательным. Именно поэтому и стоит жить».⁹⁴

Декабрь 2009 года

94. Материалы Международной конференции «Идеи Сахарова сегодня». С. 19-22.

Томас Хаммарберг

Томас Хаммарберг, Комиссар Совета Европы по правам человека, подготовил свой текст, посвященный А.Д. Сахарову, для международной конференции «Идеи Сахарова сегодня», проходившей в Москве в декабре 2009 г. в ознаменование 20-й годовщины со дня смерти А.Д. Сахарова.

Актуальность примера Сахарова и уроки для правозащитников в сегодняшнем мире

Голос Андрея Дмитриевича Сахарова был голосом совести, и вся репрессивная машина сверхдержавы не могла заставить его молчать. Его глубоко принципиальные обращения вдохновляли людей. Они во многом помогли тем революционным, но ненасильственным изменениям, которые Россия пережила в конце 80-х годов XX века и в последующие годы.

И хотя мир за последние двадцать лет разительно изменился – а в России и в Европе сильнее, чем во многих других своих частях, – но проблемы, с которыми сталкивался Сахаров, по-прежнему актуальны. Он поистине опередил свое время.

Когда я недавно перечитывал знаменитый трактат «О прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе, написанный в 1968 году, меня поразило, насколько точен был его анализ и существенны рекомендации по многим актуальным сегодня проблемам – например, о разработке широкой, всеобъемлющей программы борьбы с голодом, о принятии законов, защищающих свободу средств массовой информации и гарантирующих доступ к информации, о мерах, способствующих раскрытию правды о прошлом и о необходимости масштабных шагов для предотвращения деградации окружающей среды.

Еще во второй половине шестидесятых годов в центре его размышлений и призывов были права человека. «Цель международной политики – обеспечить повсеместное выполнение Декларации прав человека, предупредить обострение международной обстановки, усиление тенденции милитаризма и национализма» – писал он в этом трактате.

Он утверждал, что «интеллектуальная свобода» включает свободу получать и распространять информацию, свободу открытой и не сдерживаемой страхом дискуссии, свободу от давления авторитарной власти, предубеждений и предрассудков.

В подавлении этих свобод он видел угрозу независимости и достоинству человека, угрозу самому смыслу значению человеческой жизни. Эти же свободы, – утверждал он, – составляют и непереносимое условие подлинной демократии.

Он говорил о «необходимости интеллектуальной свободы, которая дает народу и интеллигенции возможность контроля и общественной экспертизы всех действий, намерений и решений правящей группировки».

Как это было ему свойственно, он тут же вносил в свои рассуждения прагматическую ноту, говоря о качестве принимаемых решений: если решения принимаются теневыми кабинетами по рекомендациям тайных консультантов, нельзя избежать ошибок.

Крайней степенью подавления интеллектуальной свободы является заключение людей в тюрьму лишь за то, что они открыто выражают свое мнение. Еще до появления «Размышлений» он призывал к освобождению политических заключенных.

На протяжении многих лет он не устал подчеркивать: необходимо бороться с лишением свободы по политическим мотивам. В начале восьмидесятых, когда я был генеральным секретарем «Международной

Амнистии», из горьковской ссылки до нас дошел его призыв развернуть всемирную кампанию за освобождение всех узников совести. Результатом стало Обращение, собравшее более миллиона подписей по всему миру и представленное позднее председателю Генеральной Ассамблеи и Генеральному секретарю ООН.

Сахарова тревожили бесчеловечные условия содержания в советских тюрьмах, злоупотребления психиатрией, принудительное содержание в психиатрических больницах, которым подвергались многие несогласные. Он стал неофициальным омбудсманом для многих меньшинств, таких как крымские татары, баптисты и другие жертвы дискриминации и преследований по религиозным мотивам, евреи, желающие выехать из страны.

Он занял четкую позицию в отношении смертной казни и сожалел, что ему не позволили участвовать в международной конференции против смертной казни в Стокгольме в 1977 году. Он приводил следующие доводы в пользу отмены смертной казни: «Я считаю смертную казнь жестоким и безнравственным институтом, подрывающим нравственные и правовые устои общества. Государство в лице своих чиновников, как все люди, склонные к поверхностным выводам, как все люди, подверженные влияниям, связям, предрассудкам и эгоцентрической мотивации поведения, присваивает себе право на самое страшное и абсолютно необратимое действие: лишение жизни. Такое государство не может рассчитывать на улучшение нравственной атмосферы в стране. Я отрицаю сколько-нибудь существенное устрашающее действие смертной казни на потенциальных преступников. Я уверен в обратном – жестокость порождает жестокость».

Сахаров утверждал, что главная опасность для общества – это ненависть. Он настойчиво выступал против национальных и расовых предрассудков, религиозной нетерпимости. Особенно непростительным,

по его мнению, было разжигание ненависти к «другим» со стороны государства.

Четкая и аргументированная позиция Сахарова по этим ключевым проблемам защиты прав человека возымела свое действие. В первую очередь она повлияла на активистов в Советском Союзе и других коммунистических странах, но затронула и остальную Европу, встретила положительный отклик у ряда правительств. Так называемое диссидентское движение – движение совести и сопротивления – в немалой степени повлияло на весь международный правозащитный дискурс.

За последние двадцать с лишним лет мы видим определенный прогресс в данной области. Ширится понимание того, что нарушать признанные стандарты соблюдения прав человека аморально и постыдно. Власти не хотят быть уличенными в том, что они арестовывают, судят и заключают в тюрьму людей за взгляды и мнения.

Но при этом в отдельных странах власти научились использовать новые приемы, помогающие избежать критики. И к тому же появились и другие репрессивные силы, помимо собственно властей. Одни тайно сотрудничают с властью, другие действуют на собственный страх и риск.

- Число очевидных и несомненных узников совести заметно сократилось, но те, кто открыто выражают свое мнение, в том числе и выступает в защиту прав человека, сталкиваются с другими серьезными угрозами.
- Правозащитники гибнут от рук наемных убийц, и этих преступников не ловят и не предают суду. Это рождает атмосферу безнаказанности и страха, препятствующую развитию гражданской активности и защите прав человека.
- Порой люди, в которых власти видят своих политических противников, становятся объектами сфабрикованных уголовных дел и несоизмеримых наказаний.

- Право людей покидать свою страну (и возвращаться в нее) сегодня соблюдается гораздо лучше, чем прежде. Проблема в том, что теперь уже дверь часто бывает запертой с противоположной стороны – людей не пускают в страны.
- Права представителей меньшинств по-прежнему постоянно нарушаются. В нынешней Европе широко распространены расизм, ксенофобия, исламофобия, изоляция цыган, а также гомофобия.
- Принудительное помещение диссидентов в психиатрические учреждения утратило свою роль важного средства в арсенале репрессий. Однако сохраняется настоятельная необходимость контролировать политику и практику ограничения правоспособности лиц, сочтенных психически неполноценными.
- Условия содержания в тюрьмах по всей Европе по-прежнему неудовлетворительны. Отчасти это происходит из-за переполненности тюрем и плачевного состояния старых тюремных зданий, а также из-за сопротивления на политическом уровне попыткам ввести иные альтернативные меры наказания, отличные от тюремного заключения.
- Смертная казнь де-факто отменена во всех странах-членах Совета Европы. В Российской Федерации продлен мораторий на приведение в исполнение смертной казни. Мы надеемся на полную отмену смертной казни.

Иными словами, нам есть еще против чего бороться. И я убежден, что в наших будущих усилиях мы многое сможем почерпнуть из опыта Андрея Сахарова. Хотя ситуация во многом изменилась, его подход по-прежнему может принести немало пользы.

Одна из важных граней его подхода – постоянное стремление быть и выглядеть конструктивным. При всей своей бескомпромиссности в том, что касалось принципов, Сахаров всегда оставался открыт для диалога, всегда стремился понять аргументы другой стороны. Он верил в разум и в силу аргументов. Даже в годы ссылки и раньше, находясь под пристальным вниманием КГБ, он постоянно давал понять, что

стремится к рациональному диалогу. Он направлял множество писем советскому руководству, пытаясь убедить его в необходимости подчиниться требованиям разума, нередко ссылаясь на нормы закона. И это не было проявлением наивности. По моему мнению, это была осознанная стратегия. Ответов он не получал, но его письма расходились по неофициальным каналам, в том числе и попадали за границу, и создавали прецедент. Вот как сам Сахаров в своих «Воспоминаниях» оценивает роль подобных усилий:

«... почти никогда не было реальных, по крайней мере немедленных, плодов от моих обращений ... Но ... обращения по общим вопросам, по моему мнению, важны уже тем, что они способствуют обсуждению проблемы, формулируют альтернативную официальной точку зрения, заостряют проблему, привлекают к ней внимание. ... Что же касается обращений по конкретным вопросам, в защиту тех или иных лиц или групп, то опять же они привлекают общественное внимание к судьбам этих лиц и тем самым хоть в какой-то мере их защищают; далее, атмосфера гласности препятствует дальнейшему расширению нарушений прав человека».

Другая грань его подхода – его чувство солидарности, глубокое сопереживание жертвам. Когда его обращения остались не услышанными, он стал все чаще прибегать к прямым ненасильственным действиям – иногда в ущерб своему здоровью. Он и его жена Елена Боннэр получали все больше обращений от людей, ставших жертвами репрессий. Он совершал длительные поездки, чтобы следить за судебными процессами. Если его выгоняли из зала заседаний, он выступал с протестами за его пределами. Несколько раз он объявлял голодовки, впервые – в 1974 году, добиваясь освобождения политических заключенных.

Эпиграфом к своим «Размышлениям» он выбрал слова из «Фауста» Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой.

Сам он говорил о героическом романтизме этих строк. но от себя самого требовал не больше, не меньше как каждый день идти на бой

в самой что ни на есть повседневной реальности. Думаю, урок для нас здесь очевиден: права человека постоянно находятся под угрозой, когда за них не борются. Права человека не даруются – их нужно завоевывать снова и снова.

Но он дал нам и аргументы более широкого характера, доказывающие необходимость такой борьбы. Права человека необходимо защищать не только из сочувствия своим братьям. Без этого не возможен мир между народами и подлинное развитие.

В своей нобелевской лекции 1975 года он утверждал, что права человека гарантируют демократический контроль со стороны иностранных государств, принципы обеспечения безопасности, которые препятствуют милитаризации и уменьшают риск начала войны. Кроме того, права человека содействуют обмену информацией и идеями между людьми, уменьшая таким образом уровень недоверия и снижая риск конфликта.

Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немислимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав. Таким образом, я защищаю тезис о первичном, определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судеб человечества.

Сахаров был подлинным интернационалистом. Он верил, что у всего человечества общая судьба. «Человечество может безболезненно развиваться, только рассматривая себя в демографическом смысле как единое целое, как одна семья, без разделения на нации в каком-либо

ином смысле, кроме истории и традиций», – писал он в «Размышлениях о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

Именно понимание глобальной взаимозависимости заставляло его так тревожиться о нарушениях прав человека во Вьетнаме, Афганистане, на Ближнем Востоке и в других частях мира. И здесь его выступления исходили из фундаментальных принципов, основывались на фактах, были свободны от стереотипов и тщательно аргументированы.

Пример Сахарова и его идеи и сегодня в высшей степени актуальны.⁹⁵

Томас Хаммарберг, 2009 года

95. Текст, подготовленный Т. Хаммарбергом для настоящего сборника, существенно отличается от представленного на Конференции и опубликованного в сборнике ее материалов, и дается здесь в переводе с английского.

Приложение 1

Летопись жизни А.Д. Сахарова

- 1921** 21 мая в Москве родился Андрей Дмитриевич Сахаров, первый ребенок Дмитрия Ивановича Сахарова и Екатерины Алексеевны Софиано.
- 1938** Зачислен студентом I курса физического факультета Московского государственного университета.
- 1941** 22 июня: *Германия нападает на Советский Союз.*
Июль: Сахаров не проходит армейскую медкомиссию из-за хронического сердечного заболевания.
Октябрь: в составе физического факультета переезжает в Ашхабад.
- 1942** Сахаров с отличием заканчивает университет и с сентября 1942 г. по январь 1945 г. работает на военном заводе в Ульяновске.
- 1943** 10 июля: А.Д. Сахаров женится на Клавдии Вихиревой. У них родились трое детей: Татьяна (1945), Любовь (1949) и Дмитрий (1957).
Весна: под руководством И.В. Курчатова начинаются работы над советским атомным проектом.
- 1945** Январь: И.Е. Тамм принимает Сахарова в аспирантуру теоретического отдела Физического института им. Лебедева АН СССР (ФИАН).
Май: Германия капитулирует.
Август: США сбрасывают атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Япония капитулирует.

- 1947** После защиты диссертации на тему «Теория ядерных переходов типа 0-0» Сахарову присваивается ученая степень кандидата физико-математических наук.
- 1948** Сахаров включен в научную группу И.Е. Тамма, которой поручена разработка термоядерной (водородной) бомбы.
- 1949** *29 августа испытана первая советская атомная бомба.*
- 1950** В марте Сахарова переводят в Арзамас-16, секретный объект, где разрабатывается ядерное оружие (с 1995 г. – Саров).

Сахаров и Тамм предлагают идею осуществления управляемой термоядерной реакции путем удержания высокотемпературной плазмы в магнитном поле.

- 1952** *1 ноября 1952 г. испытан первый американский термоядерный «суперзаряд» (устройство слишком велико по размеру для использования в виде бомбы).*
- 1953** *5 марта: смерть И.В. Сталина.*
Июнь: Сахарову присуждается ученая степень доктора физико-математических наук.
12 августа: успешно проходит испытания первая советская термоядерная бомба. Сахаров был основным автором положенного в основу конструкции принципа «слойки», обеспечивавшего мощность большую, чем конструкция американской бомбы на «ускорителе», разработанная в 1951 г.
Октябрь: Сахаров избирается действительным членом АН СССР. Вскоре он получает свою первую звезду Героя Социалистического Труда и Сталинскую премию.
- 1954** *1 марта: США впервые проводят испытание доставляемой термоядерной «супербомбы».*
- 1955** 22 ноября: Советский Союз проводит испытание термоядерной «супербомбы». А.Д. Сахаров – главный автор «третьей идеи» об

использовании излучения от взрыва ядерной бомбы как запала для запуска термоядерной реакции.

- 1956** Сахаров получает вторую звезду Героя Социалистического Труда и Ленинскую премию.
- 1958** Сахаров публикует две работы, посвященные опасности ядерных испытаний: статью «Радиоактивный углерод ядерных взрывов и непороговые биологические эффекты» и ее популярный вариант «О радиоактивной опасности ядерных испытаний».
- 1961** Сахаров выступает против решения о возобновлении ядерных испытаний (на протяжении 1959, 1960 и первой половины 1961 года СССР, США и Великобритания воздерживались от проведения испытаний) и получает отповедь от Хрущева.
- 1962** Хрущев лично вручает Сахарову третью звезду Героя Социалистического Труда.
- 1963** Сахаров ведет капанию в пользу запрета всех испытаний ядерного оружия, кроме подземных.
5 августа: в Москве подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.
- 1964** Июнь: Сахаров успешно противодействует избранию Николая Нухдина действительным членом Академии наук на том основании, что он поддерживал борьбу Лысенко с современной генетикой.
Октябрь: Брежнев сменяет Хрущева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС.
- 1965** Арест писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля за публикацию сочинений на Западе без разрешения властей.
5 декабря: Первая демонстрация московских правозащитников на Пушкинской площади.

- 1966** Сахаров подписывает обращения против возможной реабилитации Сталина и против принятия новых статей Уголовного Кодекса, еще сильнее ограничивающих свободу выражения. В первый раз участвует в демонстрации на Пушкинской площади.
- 1967** Сахаров входит в Комитет по спасению Байкала. Обращается с письмами к Брежневу с просьбой защитить диссидентов Гинзбурга и Галанскова и лишается за это должности заведующего отделом в «Арзамасе-16», однако остается заместителем директора по научной работе. Публикует новаторскую работу о барионной асимметрии Вселенной.
- 1968** Сахаров пишет «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». В результате публикации этого трактата в более чем 40 изданиях он становится мировой знаменитостью, но лишается допуска к секретной информации и поста в советской ядерной программе.
21 августа: Советские войска оккупируют Чехословакию и кладут конец «Пражской весне».
- 1969** 8 марта: умирает от рака жена Сахарова Клавдия. Май: Возвращение в теоретический отдел ФИАН на должность старшего научного сотрудника. Август: А.Д. Сахаров жертвует все свои сбережения на благотворительные цели.
- 1970** Март: вместе с Валентином Турчиным и Роем Медведевым направляет письмо в ЦК КПСС с призывом к демократизации Советского Союза. Октябрь: Впервые присутствует на политическом процессе во время суда над Револютом Пименовым и Борисом Вайлем. Ноябрь: Вместе с Валерием Чалидзе и Андреем Твердохлебовым создает Московский комитет прав человека.

Декабрь: Обращается с призывом смягчить меру наказания (смертная казнь) Эдуарду Кузнецову и Марку Дымшицу, признанным виновными в попытке угона самолета и побега из СССР в Израиль. Во время процесса по этому делу он подружился с Еленой Боннэр.

Публикует «Многолистную модель Вселенной»

1971 Март: Направляет «Памятную записку» на имя Брежнева о внутренних и внешних проблемах страны.

Октябрь: Направляет в Верховный Совет открытое письмо по вопросу о праве на эмиграцию.

1972 7 Января: Бракосочетание Сахарова и Елены Боннэр.

Сахаров пишет проекты обращений об амнистии для политических заключенных и об отмене смертной казни, собирает подписи и направляет обращения в Верховный Совет.

Публикуется его первое интервью западному изданию (*Newsweek*, 8 ноября).

1973 2 июля: Переданное в эфире интервью Сахарова шведскому журналисту Стенхольму, посвященное проблемам СССР, становится причиной предупреждения прокуратуры и яростных нападок в советской прессе.

Сентябрь: Просьба к Конгрессу США поддержать поправку Джексона, увязывающую предоставление СССР торговых преференций с эмиграционной политикой страны.

1974 Май: Сахаров пишет футурологическую статью «Мир через полвека».

Июнь: шестидневная голодовка с целью привлечь внимание к положению политических заключенных.

Публикует работу «О скалярно-тензорной теории гравитации».

1975 Сахаров пишет работу «О стране и мире».

1 августа: Подписание в Хельсинки Заключительного акта Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

10 декабря: Сахарову вручается Нобелевская премия мира «за бесстрашную поддержку фундаментальных принципов мира между людьми и мужественную борьбу со злоупотреблением властью и любыми формами подавления человеческого достоинства», за «его борьбу за права человека, за разоружение и за сотрудничество между всеми народами». В Осло Е. Боннэр зачитывает его нобелевскую лекцию «Мир, прогресс и права человека», в то время как сам Сахаров находится в Вильнюсе на суде над Сергеем Ковалевым.

1976 Апрель: Сахаров участвует в международной конференции по элементарным частицам в Тбилиси.

Направляет обращение к «Эмнисти Интернэшнл» с призывом к амнистии для всех политических заключенных в мире.

Май: создана Московская Хельсинкская группа.

1977 21 Января: Сахаров обращается с письмом к Президенту Картеру, призывая его выступить в защиту правозащитников. 5 февраля Картер направляет Сахарову ответ, где говорится: «Права человека будут центральной заботой моей администрации».

25 января: Сахаров получает официальное предупреждение прокурора, что он виновен в преступной клевете на КГБ.

Сахаров пишет работу «Тревога и надежда», посвященную отношениям между Советским Союзом и Западом.

Письмо в «Эмнисти Интернэшнл» об отмене смертной казни.

1978 Май: Сахаров на короткое время задержан милицией после столкновений у здания суда, где шел процесс над Юрием Орловым.

Сахаров пишет работу «Движение за права человека в СССР и Восточной Европе – цели, значение, трудности».

Начинает работу над «Воспоминаниями».

- 1979** Сахаров выступает с обращениями в защиту крымских татар.
Декабрь: Советские войска входят в Афганистан.
- 1980** Январь: Сахаров дает серию интервью с осуждением советского вторжения в Афганистан и рекомендациями бойкотировать Олимпийские игры в Москве в случае, если советские войска не будут выведены из Афганистана.
22 января: Сахарова в административном порядке высылают в Горький на неопределенный срок и лишают всех наград «в связи с систематическим совершением действий, порочащих его как награжденного».
Конгресс США и Европарламент выступают с протестом против высылки Сахарова.
Май: Сахаров пишет статью «Тревожное время» (в англоязычных изданиях известна как «*A letter from exile*» – «Письмо из ссылки»), посвященную международным и внутренним проблемам СССР. Опубликованы две статьи об элементарных частицах и одна по проблемам космологии.
- 1981** Сахаров пишет работу «Ответственность ученых».
22 ноября: Начинает 17-дневную голодовку, позволившую Лизе Алексеевой получить разрешение на воссоединение со своим мужем Алексеем Семеновым, пасынком А.Д. Сахарова, в США.
- 1982** Август: Сахаров направляет Обращение к 32-й Пагуошской конференции, посвященное проблемам международной безопасности.
10 ноября: Умирает Брежнев и Генеральным секретарем ЦК КПСС становится Ю.В. Андропов.
- 1983** В журнале *Foreign Affairs* публикуется работа Сахарова «Опасность термоядерной войны».
Апрель: Сахарову присуждается Премия Лео Сциларда.

1984 9 февраля: Умирает Андропов и Генеральным секретарем ЦК КПСС становится К.У. Черненко.

2 мая: Боннэр арестована и 10 августа приговаривается к пяти годам ссылки в Горьком «за клевету на советскую систему».

Май: Сахаров начинает серию бессрочных голодовок в стремлении добиться для Боннэр разрешения на поездку в США для лечения.

1985 10 марта: Умирает Черненко и Генеральным секретарем ЦК КПСС становится М.С. Горбачев.

Октябрь: Боннэр получает разрешение на поездку в США и Сахаров прекращает голодовку.

1986 14 января: В госпитале Массачусетса Боннэр успешно сделана операция шунтирования сердца.

Февраль: Сахаров призывает Горбачева освободить узников совести.

26 апреля: Авария на Чернобыльской АЭС.

1 декабря: Сахаров пишет письмо президенту АН СССР Гурию Марчуку о проблемах безопасности ядерных реакторов и возможностях снизить ущерб от землетрясений.

16 декабря: Горбачев звонит Сахарову и приглашает его вернуться в Москву и «возвращаться к своим патриотическим делам».

23 декабря: Сахаров и Боннэр возвращаются в Москву.

Сахаров возвращается в теоретический отдел ФИАН.

1987 Январь: Сахаров направляет еще одно письмо Горбачеву об амнистии политическим заключенным без всяких условий.

Февраль: На международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» в Москве Сахаров заявляет о необходимости либерализации в СССР и возражает против увязывания сокращения ядерных вооружений с прекращением американских работ по СОИ, на чем настаивал Советский Союз.

Сахаров избран в совет директоров Международного фонда за выживание и развитие человечества.

Назначен председателем Комиссии по космофизике АН СССР. Встречается в Москве с Маргарет Тэтчер, Жаком Шираком, Генри Киссинджером, Сайрусом Вэнсом, Стивенем Хокингом, Джеромом Вайнером и другими известными людьми.

Декабрь: «Прорыв должен быть продолжен и расширен» – в «Московских новостях» публикуется интервью Сахарова под этим названием, где он предлагает вдвое сократить срок военной службы.

1988 Июнь: В сборнике «Иного не дано» публикуется статья Сахарова «Неизбежность перестройки».

Август: Становится соучредителем дискуссионного клуба либеральной интеллигенции «Московская трибуна».

Август: Избран членом правления общества «Мемориал».

Октябрь: Участвует в Пагуошской конференции в Дагомьсе.

Октябрь: Избран членом президиума АН СССР.

Ноябрь: Первая поездка за границу для участия в заседании совета директоров Международного фонда за выживание и развитие, проходившего в Вашингтоне. Встреча с Президентом Рейганом, премьер-министром Маргарет Тэтчер, избранным Президентом Бушем, госсекретарем Шульцем, сенатором Кеннеди и Эдвардом Теллером.

Декабрь: Поездка в Париж для участия в праздновании 40-й годовщины со дня подписания Всеобщей декларации прав человека. Встречи с Президентом Миттераном, Лехом Валенсой и Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций Хавьером Перес де Куэльяром.

Декабрь: Поездка в Азербайджан и Армению в попытках разрешить конфликт вокруг Нагорного Карабаха.

1989 Апрель: Сахаров избран на Съезд народных депутатов от Академии Наук.

Май: Поездка в Тбилиси для расследования событий 9 апреля, когда в результате столкновений советских войск с демонстрантами погиб 21 человек.

25 мая-9 июня: Сахаров 12 раз выступает на Первом съезде народных депутатов и в последний день работы Съезда пытается убедить депутатов отменить Статью 6 Конституции, являвшуюся базой для монополии Коммунистической партии на власть, и передать съезду высшую законодательную власть. Назначен в комиссию по выработке текста новой Конституции.

Июль: Избран сопредседателем либеральной Межрегиональной депутатской группы.

27 сентября: Выступает с лекцией «Наука и свобода» на съезде французских физиков в Лионе.

Декабрь: Призывает к двухчасовой забастовке 11 декабря в поддержку ускорения перестройки и отмены Статьи 6.

12 декабря: Участвует в открытии Второго съезда народных депутатов. Он подвергается резкому выговору от Горбачева, а его предложение об отмене Статьи 6 оказывается забаллотировано Съездом.

14 декабря: Завершает работу над проектом Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии. Участвует в работе собрания Межрегиональной депутатской группы и призывает ее выступить в качестве ответственной оппозиции.

14 декабря: Скоропостижная смерть от сердечного приступа.

18 декабря: После четырех дней публичной скорби и траурных церемоний, в которых участвуют десятки тысяч советских граждан, Сахаров похоронен на Востряковском кладбище в Москве.

1990 На русском, английском, французском, немецком, итальянском, польском, японском, голландском и других языках выходят «Воспоминания» Сахарова.

Приложение 2

Библиография⁹⁶

Сахаров, А. Д. Научные труды/Физ. ин-т им. П. Н. Лебедева Рос. АН: Отд–ние теорет. физики; редкол.: Л. В. Келдыш (пред.), Б. Л. Альтшулер, Д. А. Киржниц, В. И. Ритус. – М.: ЦентрКом, 1995. – 528 с.: ил. – Библиогр.: с. 519–524 (59 назв.).

Он между нами жил...: Воспоминания о Сахарове/Физ. ин-т им. П. Н. Лебедева Рос. АН: Отд–ние теорет. физики им. И. Е. Тамма; редкол.: Л. В. Келдыш (пред.), Б. Л. Альтшулер, Б. М. Болотовский, И. М. Дремин, В. Я. Файнберг. – М.: Практика, 1996. – 944 с.: ил. – Библиогр.: с. 914-917 (50 назв.). – Указ. имен: с. 921-938.

Сахаров, А. Д. Собрание сочинений: [в 8 т.]/сост. Е. Г. Боннэр. Т. [1]. Тревога и надежда: в 2 т. Т. 1. Статьи, письма, выступления, интервью: 1958-1986. – М.: Время, 2006. – 688 с.: портр.

Янкелевич, Е. Альтернативы Сахарова//Там же. – С. 12–46.

Сахаров, А. Д. Собрание сочинений: [в 8 т.]/сост. Е. Г. Боннэр. Т. [2]. Тревога и надежда: в 2 т. Т. 2. Статьи, письма, выступления, интервью: 1986-1989 (после возвращения из горьковской ссылки). – М.: Время, 2006. – 832 с.

Сахаров, А. Д. Собрание сочинений: [в 8 т.]/сост. Е. Г. Боннэр. Т. [3]. Воспоминания: в 3 т. Т. 1. [Главы 1–25]/коммент.: Е. С. Холмогорова, Ю. А. Шиханович. – М.: Время, 2006. – 896 с.: ил.

96. Список составлен сотрудниками Архива Сахарова. Читатель, интересующийся исчерпывающей библиографией работ А.Д. Сахарова, может воспользоваться изданием: Андрей Дмитриевич Сахаров: Библиографический справочник: в 2 ч. / Фонд Андрея Сахарова; авт.-сост. Е. Н. Савельева. – М. Права человека, 2006. (Публикации Архива Сахарова).

Боннэр, Е. Г. Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова//Там же. – С. 765-825. Выдержки из кн. (1996).

Сахаров, А. Д. Собрание сочинений: [в 8 т.]/сост. Е. Г. Боннэр. Т. [4]. Воспоминания: в 3 т. Т. 2. [Главы 26–49]/коммент.: Е. С. Холмогорова, Ю. А. Шиханович – М.: Время, 2006. – 832 с.: ил.

Сахаров, А. Д. Собрание сочинений: [в 8 т.]/сост. Е. Г. Боннэр. Т. [5]. Воспоминания: в 3 т. Т. 3. Боннэр Е. Постскрипtum. Книга о горьковской ссылке; Сахаров А. Горький, Москва, далее везде/коммент.: Е. С. Холмогорова, Ю. А. Шиханович. – М.: Время, 2006. – 944 с.: ил. – Библиогр. в подстроч. примеч. и коммент. – Указ. имен: с. 877-938.

Сахаров, А. Д. Собрание сочинений: [в 8 т.]/сост. Е. Г. Боннэр. Т. [6]. Сахаров А. Д., Боннэр Е. Г. Дневники: Роман–документ: в 3 т. Т. 1/предисл. Е. Г. Боннэр. – М.: Время, 2006. – 944 с.: ил. Дневники 1977-1979 гг.

Боннэр, Е. Г. До дневников//Там же. – С. 25–326. Предыстория «Дневников». События 1970-1976 гг.

Сахаров, А. Д. Собрание сочинений: [в 8 т.]/сост. Е. Г. Боннэр. Т. [7]. Сахаров А. Д., Боннэр Е. Г. Дневники: Роман–документ: в 3 т. Т. 2. – М.: Время, 2006. – 864 с.: ил. Дневники 1980-1985 гг.

Сахаров, А. Д. Собрание сочинений: [в 8 т.]/сост. Е. Г. Боннэр. Т. [8]. Сахаров А. Д., Боннэр Е. Г. Дневники: Роман–документ: в 3 т. Т. 3. – М.: Время, 2006. – 544 с.: ил. – Указ. имен: с. 427–541. Дневники 1986-1989 гг.

Долгий, В. М. Мы – такие? Другие?: Образ массового корреспондента 1983 и 1989 гг. (по письмам Андрею Дмитриевичу Сахарову)/Фонд Андрея Сахарова. – М., 2008. – 32 с.: 2 л. ил. – (Публикации Архива Сахарова). Результат анализа ок. 8000 писем соотечественников акад. С

Долгий, В. М. Народный депутат Андрей Сахаров. 1989 год: Размышления двадцать лет спустя/Фонд Андрея Сахарова. – М., 2009. – 52 с.: ил. – Библиогр. в примеч.: с. 47-50. – (Публикации Архива Сахарова).

Андрей Сахаров, Собрание сочинений (составитель Елена Боннэр), Время, Москва, 2006.

Тревога и надежда: статьи, письма, воспоминания, интервью. Том 1, 1958-1986; Том 2: 1986-1989.

Воспоминания. Том 1, 1921-1971; Том 2, 1971-1983; Том 3, 1983-1989.

Дневники. Том 1, 1977-1979; Том 2, 1980-1985; Том 3, 1986.

Собрание сочинений также включает: Елена Боннер, Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова, Воспоминания. Том 1, с 765-825.

Елена Боннер, Постскрипtum: книга о горьковской ссылке, Воспоминания. Том 3, с 9-383. Елена Боннер, До дневников, Дневники. Том 1, 23-327.

Андрей Дмитриевич Сахаров: Библиогр. справ.: в 2 ч. Ч. 1. Труды/Фонд Андрея Сахарова: авт.-сост. Е. Н. Савельева. – М.: Права человека, 2006. – 368 с.: портр. – (Публикации Архива Сахарова). В составе справ.: указ. «Труды А.Д. Сахарова» (923 назв.), указ. «Публикации трудов А.Д. Сахарова (3366 назв.), вспом. справ. аппарат: алфавит. указ., хронолог. указ., указ. соавторов, указ. период. изд.

Андрей Дмитриевич Сахаров: Библиогр. справ.: в 2 ч. Ч. II. Литература о жизни и деятельности: в 2 кн. Кн. 1/Фонд Андрея Сахарова; авт.-сост. Е. Н. Савельева. – М.: Права человека, 2010. – 536 с.: ил. – (Публикации Архива Сахарова). В составе справ.: хронолог. указ. «Литература о жизни и деятельности А.Д. Сахарова» (7758 назв.).

Андрей Дмитриевич Сахаров: Библиогр. справ.: в 2 ч. Ч. II. Литература о жизни и деятельности: в 2 кн. Кн. 2/Фонд Андрея Сахарова; авт.-сост. Е. Н. Савельева. – М.: Права человека, 2010. – 224 с. – (Публикации Архива Сахарова). Справ. аппарат к хронолог. указ. «Литература о жизни и деятельности А.Д. Сахарова»: систем. указ., указ. имен, указ. период. изд.

Горелик, Г.Е. Андрей Сахаров: Наука и свобода. – М.: Мол. гвардия, 2010. – 447 с.: 16 л. ил. – Библиогр. в примеч.: с. 418-445; крат. библиогр.: с. 446. – (Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып. 1407 (1207)).

Sales agents for publications of the Council of Europe Agents de vente des publications du Conseil de l'Europe

BELGIUM/BELGIQUE

La Librairie Européenne -
The European Bookshop
Rue de l'Orme, 1
BE-1040 BRUXELLES
Tel.: +32 (0)2 231 04 35
Fax: +32 (0)2 735 08 60
E-mail: order@libeurop.be
<http://www.libeurop.be>

Jean De Lannoy/DL Services
Avenue du Roi 202 Koningslaan
BE-1190 BRUXELLES
Tel.: +32 (0)2 538 43 08
Fax: +32 (0)2 538 08 41
E-mail: jean.de.lannoy@dl-servi.com
<http://www.jean-de-lannoy.be>

BOSNIA AND HERZEGOVINA/ BOSNIE-HERZÉGOVINE

Robert's Plus d.o.o.
Marka Marulića 2/V
BA-71000, SARAJEVO
Tel.: + 387 33 640 818
Fax: + 387 33 640 818
E-mail: robertsplus@bih.net.ba

CANADA

Renouf Publishing Co. Ltd.
1-5369 Canotek Road
CA-OTTAWA, Ontario K1J 9J3
Tel.: +1 613 745 2665
Fax: +1 613 745 7660
Toll-Free Tel.: (866) 767-6766
E-mail: order.dept@renoufbooks.com
<http://www.renoufbooks.com>

CROATIA/CROATIE

Robert's Plus d.o.o.
Marasovičeva 67
HR-21000, SPLIT
Tel.: + 385 21 315 800, 801, 802, 803
Fax: + 385 21 315 804
E-mail: robertsplus@robertsplus.hr

CZECH REPUBLIC/RÉPUBLIQUE TCHÈQUE

Suweco CZ, s.r.o.
Klecakova 347
CZ-180 21 PRAHA 9
Tel.: +420 2 424 59 204
Fax: +420 2 848 21 646
E-mail: import@suweco.cz
<http://www.suweco.cz>

DENMARK/DANEMARK

GAD
Vimmelskaftet 32
DK-1161 KØBENHAVN K
Tel.: +45 77 66 60 00
Fax: +45 77 66 60 01
E-mail: gad@gad.dk
<http://www.gad.dk>

FINLAND/FINLANDE

Akateeminen Kirjakauppa
PO Box 128
Keskuskatu 1
FI-00100 HELSINKI
Tel.: +358 (0)9 121 4430
Fax: +358 (0)9 121 4242
E-mail: akatilau@akateeminen.com
<http://www.akateeminen.com>

FRANCE

La Documentation française
(diffusion/distribution France entière)
124, rue Henri Barbusse
FR-93308 AUBERVILLIERS CEDEX
Tél.: +33 (0)1 40 15 70 00
Fax: +33 (0)1 40 15 68 00
E-mail: commande@ladocumentationfrancaise.fr
<http://www.ladocumentationfrancaise.fr>

Librairie Kléber
1 rue des Francs Bourgeois
FR-67000 STRASBOURG
Tel.: +33 (0)3 88 15 78 88
Fax: +33 (0)3 88 15 78 80
E-mail: librairie-kleber@coe.int
<http://www.librairie-kleber.com>

GERMANY/ALLEMAGNE

AUSTRIA/AUTRICHE
UNO Verlag GmbH
August-Bebel-Allee 6
DE-53175 BONN
Tel.: +49 (0)228 94 90 20
Fax: +49 (0)228 94 90 222
E-mail: bestellung@uno-verlag.de
<http://www.uno-verlag.de>

GREECE/GRÈCE

Librairie Kauffmann s.a.
Stadiou 28
GR-105 64 ATHINAİ
Tel.: +30 210 32 55 321
Fax.: +30 210 32 30 320
E-mail: ord@otenet.gr
<http://www.kauffmann.gr>

HUNGARY/HONGRIE

Euro Info Service
Pannónia u. 58.
PF. 1039
HU-1136 BUDAPEST
Tel.: +36 1 329 2170
Fax: +36 1 349 2053
E-mail: euinfo@euinfo.hu
<http://www.euinfo.hu>

ITALY/ITALIE

Licosa SpA
Via Duca di Calabria, 1/1
IT-50125 FIRENZE
Tel.: +39 0556 483215
Fax: +39 0556 41257
E-mail: licosa@licosa.com
<http://www.licosa.com>

NORWAY/NORVÈGE

Akademika
Postboks 84 Blindern
NO-0314 OSLO
Tel.: +47 2 218 8100
Fax: +47 2 218 8103
E-mail: support@akademika.no
<http://www.akademika.no>

POLAND/POLOGNE

Ars Polona JSC
25 Obroncow Street
PL-03-933 WARSZAWA
Tel.: +48 (0)22 509 86 00
Fax: +48 (0)22 509 86 10
E-mail: arspolona@arspolona.com.pl
<http://www.arspolona.com.pl>

PORTUGAL

Livraria Portugal
(Dias & Andrade, Lda.)
Rua do Carmo, 70
PT-1200-094 LISBOA
Tel.: +351 21 347 42 82 / 85
Fax: +351 21 347 02 64
E-mail: info@livrariaportugal.pt
<http://www.livrariaportugal.pt>

RUSSIAN FEDERATION/ FÉDÉRATION DE RUSSIE

Ves Mir
17b, Butlerova ul.
RU-117342 MOSCOW
Tel.: +7 495 739 0971
Fax: +7 495 739 0971
E-mail: orders@vesmirbooks.ru
<http://www.vesmirbooks.ru>

SPAIN/ESPAGNE

Diaz de Santos Barcelona
C/ Balmes, 417-419
ES-08022 BARCELONA
Tel.: +34 93 212 86 47
Fax: +34 93 211 49 91
E-mail: david@diazdesantos.es
<http://www.diazdesantos.es>

Diaz de Santos Madrid
C/Albasanz, 2
ES-28037 MADRID
Tel.: +34 91 743 48 90
Fax: +34 91 743 40 23
E-mail: jpimilla@diazdesantos.es
<http://www.diazdesantos.es>

SWITZERLAND/SUISSE

Planetis Sàrl
16 chemin des Pins
CH-1273 ARZIER
Tel.: +41 22 366 51 77
Fax: +41 22 366 51 78
E-mail: info@planetis.ch

UNITED KINGDOM/ROYAUME-UNI

The Stationery Office Ltd
PO Box 29
GB-NORWICH NR3 1GN
Tel.: +44 (0)870 600 5522
Fax: +44 (0)870 600 5533
E-mail: book.enquiries@tso.co.uk
<http://www.tsoshop.co.uk>

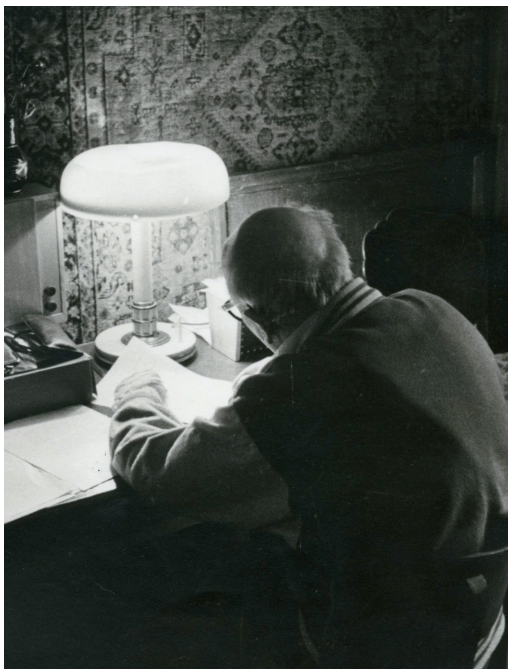
UNITED STATES and CANADA/ ÉTATS-UNIS et CANADA

Manhattan Publishing Co
2036 Albany Post Road
USA-10520 CROTON ON HUDSON, NY
Tel.: +1 914 271 5194
Fax: +1 914 271 5886
E-mail: coe@manhattanpublishing.co
<http://www.manhattanpublishing.com>

Council of Europe Publishing/Éditions du Conseil de l'Europe

FR-67075 STRASBOURG Cedex

Tel.: +33 (0)3 88 41 25 81 – Fax: +33 (0)3 88 41 39 10 – E-mail: publishing@coe.int – Website: <http://book.coe.int>

«Судьба моя была в каком-то смысле исключительной. Не из ложной скромности, а из желания быть точным замечу, что судьба моя оказалась крупнее, чем моя личность. Я лишь старался быть на уровне собственной судьбы.»

«...человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода — свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков.»

«Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими.»

Андрей Сахаров

www.coe.int

В состав Совета Европы входит 47 государств-членов и он охватывает практически весь европейский континент. Совет Европы стремится развивать общие демократические и юридические принципы, основанные на Европейской конвенции о защите прав человека и других базовых документах, посвященных правам человека. С самого момента создания в 1949 году, после Второй мировой войны, Совет Европы символизирует примирение.

ISBN 978-92-871-7034-7

9 789287 170347
€15/US\$30

<http://book.coe.int>
Издательство Совета Европы